

МОСКВА · 1968

СОВЕТСКИЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР

6

ВСЕСОЮЗНОЕ
ОБЩЕСТВО
ФИЛАТЕЛИСТОВ

СОВЕТСКИЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СВЯЗЬ“

МОСКВА
1968

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор

Б. К. СТАЛЬБАУМ

Члены редколлегии:

Э. Т. Кренкель, А. Ф. Колесников, Б. А. Корона, В. А. Карлинский, Л. Л. Лепешинский, Д. И. Мошнягин, В. А. Скрипцын (зам. ответ. редактора), **И. С. Свердлова** (зам. ответ. редактора), **Э. Б. Файнштейн, А. В. Шатэн.**

Отв. секретарь **М. Н. Израэлит**

Адрес редакции:

**Москва-центр, Чистопрудный бульвар, 2,
издательство «Связь»**

СОВЕТСКИЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР № 6

Редактор *М. Н. Израэлит*

Худ.-техн. редактор *Г. И. Шефер*

Корректор *Г. Г. Лев*

Сдано в набор 6/VI 1968 г.

Подписано в печ. 26/XI 1968 г.

Форм. бум. 70×90/16

10,0 печ. л.

11,7 усл.-п. л.

13,38 уч.-изд. л.

T-15379

Тираж 20 000 экз.

Зак. изд. 13976

Цена 86 коп.

Издательство «Связь», Москва-центр, Чистопрудный бульвар, 2

Типография издательства «Связь» Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва-центр, ул. Кирова, 40. Зак. тип. 271

К читателям

Шестой выпуск «Советского коллекционера» открывается статьей, посвященной 100-летию со дня рождения великого пролетарского писателя А. М. Горького. Научный сотрудник Музея-квартиры Горького на ул. Качалова в Москве В. Чернухина освещает в статье малоизученную грань личности писателя — область его разносторонних увлечений, страсть к собирательству. Горький коллекционировал не только книги, но и произведения искусства, старинное оружие, монеты, памятные медали, рассматривая все предметы собирательства как объекты для изучения культуры народов мира. Особенность этого рода деятельности писателя состояла в том, что свои коллекции, полностью или частично, Горький передавал музеям, считая, что они должны быть доступны широким массам трудящихся.

В разделе «Филателия» значительное место занимает статья К. Бернгарда — председателя жюри Всесоюзной филателистической выставки «50 лет Октября». Рассматривая выставку как смотр полувекового пути развития советской филателии, автор приводит подробные данные о ее содержании. В этом же разделе публикуется вторая, заключительная, часть исследования С. Салтыкова о почтовых марках Советской Армении. Для собирателей старых русских марок предназначена содержательная статья Ю. Рудникова «Новое о земской почте и ее марках». Историю передачи сообщений на Руси посвящен экскурс А. Вигилева, считающего, что зарождение русской почты относится к X веку.

Читатели-нумизматы живо откликнулись на статьи о монетах советского чекача, помещенные в четвертом и пятом сборниках «СК». Опубликованные исследования побудили коллекционеров к собиранию и изучению монет СССР. В настоящем сборнике авторы этих исследований Д. Мошнягин и Н. Дашевский, по просьбе читателей, рассказывают о разновидностях штемпелей советских монет. Статья В. Корецкого и М. Львова «Прогнозы монетных находок» облегчит отыскание и распознавание многих еще не найденных разновидностей русских медных монет XVIII века. В коллективной публикации «Клады старинных монет — достояние науки» рассказывается об античных монетах, обнаруженных в кладах, найденных на территории нашей страны после окончания Великой Отечественной войны. В продолжение материала предыдущих сборников, с систематизированным описанием мемориальных медалей, выпущенных в 1967 г., выступает А. Шатэн.

Раздел бонистики открывается статьей Д. Сенкевича о советских государственных денежных эмиссиях 1923—1961 гг. Исследования Л. Прицкера и И. Полозова посвя-

щены местным разменным знакам, во многих городах заменявшим в первые годы Советской власти общегосударственные денежные знаки.

Об открытках, отправленных и полученных В. И. Лениным, и о роли, которую играли открытки в его жизни и революционной деятельности, рассказывается в статье кандидата исторических наук В. Шлеева. Автор приходит к выводу, что рамки открыточной Ленинианы шире тех, которыми коллекционеры обычно ограничиваются.

В апреле 1968 г. исполнилось 50 лет Ленинскому плану монументальной пропаганды. Созданные художниками и скульпторами памятники и проекты памятников в подавляющем большинстве не сохранились. Однако они были репродуцированы на открытках, изданных к первой годовщине Великого Октября. Кем изданы открытки? Какое количество сюжетов входило в серию? Какие из изображенных на открытках моделей были установлены в качестве памятников и где именно? На эти вопросы отвечает М. Забочень в статье «Памятники, сохранившиеся только на открытках».

В настоящем выпуске «СК» заканчивается печатание библиографического указателя книг и журнальных статей, посвященных истории русской и советской почты и филателии. Публикуются обзор литературы для коллекционеров, выпущенной в 1967 г., и рецензии на отдельные книги.

Редакционная коллегия сборника «Советский коллекционер» просит посылать статьи и отзывы о публикациях по адресу: Москва-центр, Чистопрудный бульвар, 2.

ГОРЬКИЙ — КОЛЛЕКЦИОНЕР

Алексей Максимович Горький был человеком разнообразнейших интересов. Всестороннее развитие его личности поражало современников. Проблемы литературы и искусства, воспитание бывших беспризорников и новости радиотехники, колхозное строительство и книгоиздательское дело, опыты колхозников-селекционеров и первые опыты телевидения, гиганты индустрии и авиация, труды Циолковского и произведения Макаренко, продление жизни человека — вот далеко не полный перечень вопросов и проблем, которые глубоко интересовали писателя.

Горький считал своим долгом знать обо всем замечательном на свете, да и о многих повседневных вещах.

«Пожалуй, не было такого предмета, который не интересовал бы Горького. О чем бы ни заходила речь — об уральских гранильщиках, о раскопках в Херсонесе или о каспийских рыбаках — он мог изумить собеседника своей неожиданной и серьезной осведомленностью...» «Он открывает окно, и тут оказывается, что он может определить по голосу любую птицу и знает, какую погоду предвещают облака на горизонте. Он берет в руки какую-нибудь вещь — и она будто чувствует, что лежит на ладони у мастера, ценителя, знающего толк в вещах. До последних лет руки этого человека сохраняли память о физическом труде»¹.

На иллюстрации — портрет М. Горького по фотографии А. О. Карелина на почтовой карточке издания 1900-х годов.

¹ С. Маршак. Статьи «Живой Горький», «Горький — писатель и человек» в кн. «Воспитание словом». Изд-во «Советский писатель», М., 1961, стр. 247, 251.

Была в этом удивительном человеке еще одна черта, о которой писатель Вс. Иванов вспоминал так: «...среди «мелочей жизни», собственных большому уму и бывалому человеку, мелочей, без которых портрет большого человека — только схема, неизбежно идущая к забвению, была в нем и следующая «мелочь». Он был коллекционер»². Эта черта писателя хорошо заметна при знакомстве с домом на улице Качалова в Москве, где он провел последние годы жизни и где сейчас открыт мемориальный музей. Здесь находится личная библиотека М. Горького — одна из крупнейших среди библиотек, принадлежащих русским писателям (сейчас готовится ее описание), коллекция предметов восточного искусства, собрания монет, медалей. Несколькими картинами украшает стены комнат.

Увлечение коллекционированием у Алексея Максимовича имело свою особенность, которую опять-таки очень тонко охарактеризовал Вс. Иванов:

«Он был коллекционер. Но коллекционер-странный. Он собирал книги, любил их, дорожил ими, но если вам нравилась какая-нибудь из этих, иногда чрезвычайно редких книг, — он ее вам немедленно дарил. ...Он долго собирал коллекцию будд. Раз ему сказали, что такую коллекцию грешно держать дома и место ей в музее. Он немедленно подарил коллекцию в Русский музей в Ленинграде. Картины художников висели у него на стенах недолго. Они уходили тоже в музей... Ему нравились и житейские редкости хорошей, тщательной работы, особенно восточные, и вкус он в таких случаях проявлял удивительный. Разумеется, эти перлы быта уходили от него очень скоро, но он не унывал и продолжал собирать»².

Готовность легко дарить свои собрания привела к тому, что горьковские коллекции существуют сейчас не только в доме писателя, но и во многих музеях. Для Алексея Максимовича настоящее коллекционирование — благородное и полезное увлечение, благодаря которому сохраняются источники для изучения истории культуры народов. Своих близких и друзей писатель старался приохотить к коллекционированию, считая, что оно вырабатывает у человека целеустремленность и способствует накоплению знаний.

Алексей Максимович высоко ценил все источники знания. Конечно, первым среди них была книга. В рассказе «Как я учился» есть такие проникновенные слова:

«Во всем, что сделано и делается человеком, в каждой вещи — заключена его душа, всего больше этой чистой и благородной души в науке, в искусстве, всего краше и понятнее говорит она — в книгах»³.

В Музее-квартире А. М. Горького на ул. Качалова сохранилась подлинная личная библиотека писателя, состоящая из 10000 томов. Значительная часть их — книги, с которыми Горький не расставался всю жизнь; здесь сочинения любимых писателей — Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, Лескова, Бунина, экземпляры с автографами и дарствен-

² Вс. Иванов. «Встречи с Максимом Горьким». Изд-во «Молодая Гвардия». М., 1947, стр. 85.

³ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, М., ГИХЛ, 1950—1953, т. 14, стр. 240. В дальнейшем все ссылки даются на это издание.

ными надписями, книги, которые Горький приобрел в числе первых своих книг.

В 90-х гг. у него уже была личная библиотека. С тех пор состав его собрания многократно обновлялся. Сотни книг Горький подарил общественным организациям, библиотекам, частным лицам. По воспоминаниям современников, буквально не было человека, как-то причастного к литературе, который не уносил бы от него нужных томов.

Цена книги как источник знания, Горький относился к собиранию их и как библиофил.

«Жаден он был не только к литературе художественной, но и к научной книге разных областей и специальностей. Ничто новое в области мысли и культуры не проходило мимо него, — рассказывал друг писателя, литературовед и книголюб В. А. Десницкий. — Был интерес к русской старой и старинной книге, к книге «редкой», и эти «редкие» книги он не так охотно выпускал из своих рук, следил за их судьбой, берег и даже не всем показывал... На некоторых книжках подобного порядка собственной рукой владельца были сделаны даже пометки: «редка», «книжка весьма редкая...»⁴.

Увлечение Горького коллекционированием многих удивляло. Они безуспешно пытались искать аналогии в его творчестве. Но в галерее горьковских персонажей только однажды встречается «коллекционер» — это пароходчик Прохор Храпов из второго варианта «Вассы Железновой», коллекционирующий... замки, что ярко характеризует мораль класса хозяев.

Давида Бурлюка, художника и поэта, поразили коллекции в доме в Мустаяках под Петроградом при знакомстве с писателем в 1915 г.: старинное оружие, французские медали, японская резная кость. Они «разбивали» его предствление о Горьком-писателе и человеке из народа. В разговоре на эту тему Горький сказал Бурлюку, что не видит ничего странного в несоответствии между творчеством и личностью человека. «Не обязательно, чтобы все черты находили отражение в литературе. Писатель и шире, и уже написанного им»⁵.

О том, как он впервые встретил в людях склонность к собирательству и получил в подарок коллекцию медалей, писатель рассказал в очерке «Время Короленко». Алексей Максимович припомнил, что первый совет познакомиться с Короленко он получил... от жандармского генерала: «одна из забавных шуток странной русской жизни»⁶.

«Меня арестовали и посадили в одну из четырех башен Нижегородской тюрьмы... (речь идет об аресте по делу рабочего С. Сомова в 1889 г. — В. Ч.). Отвели на допрос к самому генералу Познанскому, и вот он, хлопая багровой, опухшей рукой по бумагам, отобранным у меня, говорит, всхрипывая:

— Вы тут пишете стихи и вообще... Ну, и пишите! Хорошие стихи — приятно читать... — Какой вы революционер? — брызгливо говорил он. — Вы — не еврей, не по-

⁴ В. Десницкий. Сб. «М. Горький в воспоминаниях современников». ГИХЛ, М., 1955, стр. 126—127.

⁵ Сб. «Горький и художники». Изд-во «Искусство», 1964, стр. 50.

⁶ М. Горький. Собр. соч., т. 15, стр. 9.

Открытое письмо (лицевая сторона), издательство «Рассвет» (Киев)

ляк. Вот — вы пишете, ну, что же? Вот когда я выпущу вас — покажите ваши рукописи Короленко, — знакомы с ним? Нет? Это — серьезный писатель, не хуже Тургенева...

От генерала истекал какой-то тяжелый, душный запах. Говорить ему не хотелось, он вытягивал слово за словом, лениво, с напряжением. Было скучно. Я рассматривал небольшую витрину рядом со столом, в ней были разложены рядами металлические кружки.

Генерал, заметив мои косые взгляды, тяжело приподнялся, спросил:

— Интересно?

Подвинул кресло свое к витрине, и, открыв ее, он заговорил:

— Это — медали в память исторических событий и лиц. Вот — взятие Бастилии, а это — в память победы Нельсона под Абукиром, — историю Франции знаете? Это — объединение швейцарских союзов, а это знаменитый Гальвани — смотрите, как прекрасно сделано. Это — Кювье, — значительно хуже!

На его багровом носу дрожало пенсне, влажные глаза оживились, он брал медали толстыми пальцами так осторожно, как будто это была не бронза, а стекло.

— Прекрасное искусство! — ворчал он и, смешно оттопыривая губы, сдувал пыль с медалей.

Я искренне восхищался красотой кружочков металла и видел, что старик нежно любит их.

Закрыв — со вздохом — витрину, он спросил меня, люблю ли я певчих птиц? Ну, в этой области я знал, вероятно, больше, чем три генерала. И между нами завязалась оживленнейшая беседа о птицах...

...Лет через десять после забавного знакомства с генералом я, арестованный (вероятно, в апреле 1901 г., за революционную деятельность в Нижнем Новгороде — В. Ч.), сидел в Нижегородском жандармском управлении, ожидая допроса. Ко мне подошел молодой адъютант и спросил:

— Вы помните генерала Познанского? — Это мой отец. Он умер, в Томске. Он очень интересовался вашей судьбой, следил за вашими успехами в литературе и нередко говорил, что он первый почувствовал ваш талант. Незадолго до смерти он просил меня передать вам медали, которые правились вам, — конечно, если вы пожелаете взять их...

Я был искренне тронут. Выйдя из тюрьмы, взял медали и отдал их в нижегородский музей⁷.

⁷ М. Горький. Собр. соч., т. 15, стр. 9—12.

Горькому было свойственно чуткое понимание не только искусства слова, но и других областей художественного творчества. Современники отмечают в нем ранний интерес к народному искусству, склонность к собирательству предметов народного творчества и старины. Став газетным работником, А. Пешков наряду с книгами приобретает гравюры, репродукции картин, вещи художественной работы. В письмах встречаются просьбы купить для него гравюры⁸. О. Ф. Ивина-Лошакова, в детстве знавшая писателя, передала в 1937 г. музею А. М. Горького в Москве три литографии с видами Финляндии, которые, по ее словам, служили украшением первого самостоятельного жилища писателя — домика-бани в Нижнем Новгороде.

В редакции «Нижегородского листка» Горький зачастую появлялся с книгами, рукописями, с изделиями заволжских кустарей из Городца или Хохломы. «Посмотрите, господа, какая великолепная штука, — говорил Алексей Максимович, предъявляя для обозрения ту или другую добытую им местную художественную редкость»⁹. Хохломская расписанная золотом по черному фону тарелочка с белкой среди ветвей — работа мастерицы А. Ершовой — и сейчас хранится в последнем кабинете писателя.

Поездки в Петербург и Москву, личное знакомство с писателями и издателями, художниками и артистами помогают формированию эстетических взглядов молодого писателя. В его письмах звучит восхищение Художественным театром (где он бывает вместе с А. П. Чеховым), Третьяковской галереей, Эрмитажем и Публичной библиотекой. В 1904 г. происходит личное знакомство Горького с В. В. Стасовым, выдвинувшим в 1901 г. писателя в почетные академики. Стасов отмечает оригинальность и широту его взглядов, называет Горького одним из умнейших и глубочайших людей России¹⁰. В годы жизни в Нижнем Новгороде Алексей Максимович был активным участником местных культурных организаций. Его имя упоминается в отчетах Комитета по управлению городским музеем, в журналах ученой архивной комиссии, в отчетах городской библиотеки, документах общества любителей художеств. Библиотека получила в 1900—1914 гг. от него в дар 953 книги¹¹, архивная комиссия — материалы по нумизматике, музей — картины, скульптуры, фотографии, вещи старинной работы, монеты и медали. В отчете Комитета по управлению музеем за 1901 г. впервые отмечен дар монет, медалей и жетонов. В 1907 г. Комитет постановил отметить в числе активных помощников музея А. М. Пешкова — наградить бронзовой ме-

⁸ «Архив А. М. Горького», т. V. ГИХЛ, М., 1955, стр. 16, 18.

⁹ Ф. Хитровский. «Горький в редакции «Нижегородского листка» в сб. «М. Горький в воспоминаниях современников». ГИХЛ, М., 1955, стр. 111.

¹⁰ «И. Репин и В. Стасов». Переписка, т. 3. Изд-во «Искусство», М.-Л., 1950, стр. 223.

¹¹ П. Берков. «Личные библиотеки трех русских писателей» в сб. «Книга. Исследования и материалы», т. VIII. Изд. Всесоюзной книжной палаты, М., 1963, стр. 368.

далью, учрежденной в память реставрации нижегородского Кремля и открытия здесь музея. В каталогах музея отмечены дары А. М. Пешкова: в 1906 г. — 31 экспонат, в 1911 г. — 43 экспоната, в издании 1914 г. особо отмечен дар в нумизматический отдел¹². В 1909 г. Алексей Максимович прислал на имя городского головы Нижнего Новгорода письмо с сообщением, что все предметы изобразительных искусств, сданные им в музей на хранение, он просит считать собственностью музея. В это время писатель находился в эмиграции, но комитет по управлению музеем избирает его своим почетным членом.

В начале 900-х гг. Горький становится всё ближе к освободительной борьбе русского рабочего класса, его творчество воплощает идеи этой борьбы. Участие Горького в революционном движении на родине, в Нижнем Новгороде, затем в революции 1905 г. вызывает преследования со стороны царского правительства. После событий «кровавого воскресенья» — 9 января — он был заключен в Петропавловскую крепость, но освобожден под давлением общественного мнения в стране и за рубежом. В декабрьские дни он находился в Москве, в его квартире участники восстания изготовляли бомбы. Против Горького было возбуждено дело об участии в Московском восстании. Уехав по поручению большевистской партии за границу для пропаганды целей русской революции и сбора средств в помощь ей, писатель с 1906 г. по 1913 г. находится в эмиграции.

Пребывание за рубежом — в Германии, Соединенных Штатах Америки, Англии, Франции — дало возможность русскому писателю глубоко изучить не только общественный строй, рабочее движение, но культуру и искусство Европы и Америки.

По переписке Алексея Максимовича и воспоминаниям известно, что всегда в поле его зрения были библиотеки, музеи, театры крупнейших городов мира. Его привлекают музеи Берлина, через который в 1906 г. он едет в Америку¹³. V съезд РСДРП, встречи с Лениным, лекции для рабочих заполнили три недели, проведенные писателем в Лондоне в мае 1907 г.¹⁴ Однако он побывал в Британском музее, картинных галереях. По воспоминаниям Е. П. Пешковой, Алексей Максимович с увлечением рассказывал ей о своих прогулках с В. И. Лениным по городу и совместном посещении музеев¹⁵.

По состоянию здоровья местом его жительства становится о. Капри в Италии. В письмах оттуда писатель просит друзей приобрести и присылать книги русских авторов и переводы на русский обзор истории Италии, путеводители, исследования о людях науки и искус-

¹² КATALOGИ Нижегородского художественного и исторического музея. Н. Новгород, 1906 и 1911. Краткий путеводитель по Нижегородскому историческому музею. Н. Новгород, 1914.

¹³ «Архив А. М. Горького», т. V, М., 1955, стр. 174.

¹⁴ «Архив А. М. Горького», т. IX, М., 1966, стр. 28, 29.

¹⁵ Там же, стр. 294, примечание к письму № 20.

ства. Он составляет целые списки интересующих его изданий. Горький совершает несколько поездок по городам Италии (Флоренция, Рим, Неаполь, Пиза, Сиена, Орвиетто).

Подобно тому как в 1899—1900 гг. его поразили Москва и Петербург, так теперь его письма полны впечатлений от увиденных итальянских городов:

«...бегаю по галереям и почти обезумел от обилия красот»¹⁶; «Флоренция меня страшно захватила и своей красотой, и обилием предметов искусства, и тем, что из-за каждого угла здесь смотрят тебе в глаза спокойные глаза Истории, возбуждая в душе такие светлые и бодрые надежды на будущее человечества»¹⁷; в письмах из Рима: «облазил все музеи, был в частных галереях, видел кучу интересного, — голова моя подобна лавке антиквария»¹⁸.

На Капри у Горького побывали многие русские писатели, художники и другие деятели культуры. В своих воспоминаниях они отмечают постоянную направленность мысли Горького на демократическое содержание искусства, отличное знание памятников культуры. В одной из его публицистических статей того времени сказано:

«Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»¹⁹.

Как определенное выражение эстетических взглядов писателя следует рассматривать и его собрания древностей и предметов искусства.

Самым серьезным и длительным было увлечение изобразительным искусством. Алексей Максимович говорил о себе на склоне лет художнику Ф. Богородскому: «Собственно говоря, я свои позиции в литературе занял оттого, что с художниками да с артистами близко знался»²⁰. Собранные Алексеем Максимовичем произведения живописи и графики в основном поступили в музеи. Нижегородский краеведческий музей и выделившийся впоследствии из его состава Художественный музей всегда пользовались поддержкой Горького. Сюда были переданы гипсовый бюст Л. Толстого работы П. Аронсона, бронзовая статуэтка Горького работы И. Гинцбурга, три этюда М. Нестерова, пейзажи И. Левитана, Г. Ярцева, М. Хренова, два портрета работы С. Сорина, копии с картин И. Репина, В. Поленова, Н. Ге, К. Савицкого (Алексей Максимович специально заказывал их опытным художникам). В начале 900-х гг. Нижегородскому музею были переданы офорты, рисунки, репродукции всемирно известных произведений искусства, фотографии русских писателей.

¹⁶ Там же, стр. 36.

¹⁷ Письмо Е. П. Пешковой. Флоренция, 1907 г., в кн. «Архив А. М. Горького», т. IX, 1966, стр. 38.

¹⁸ Письмо к Пятницкому, 1907 г., в кн. «Архив А. М. Горького», т. IV, 1954, стр. 219.

¹⁹ М. Горький. Собр. соч., т. 24, стр. 26.

²⁰ Сб. «Горький и художники». Изд-во «Искусство», 1964, стр. 104.

Значительное число картин писатель подарил родному городу уже в советское время. Это 5 картин Б. Кустодиева, 8 картин (серия «Майтрея-победитель») Н. Рериха, работы В. Бялыницкого-Бируля, Л. Туржанского, А. Рылова, П. Кончаловского, В. Яковлева, К. Вещилова — всего 28 картин русских и советских художников²¹.

Организованному в 1928 г. в Нижнем Новгороде Литературному музею Алексей Максимович передал приобретенный им в 1929 г. в Париже альбом иллюстраций П. Боклевского к роману И. Мельникова-Печерского «В лесах». Сюда же он послал три иллюстрации Б. Дехтерева к своему рассказу «Хозяин».

В знак любви и уважения к В. Серову Алексей Максимович долго хранил у себя его подарок — рисунок «Солдатушки, бравы ребятушки...», сделанный под впечатлением трагических событий 9 января 1905 г. в Петербурге, а затем отдал рисунок в Государственный русский музей. Рисунки В. Серова и В. Маковского на историко-революционные темы отданы Музею революции в Москве.

Старинную персидскую рукопись поэмы Низами «Хосров и Ширин», украшенную миниатюрами, получил от Горького Азиатский музей Академии наук в Петрограде в 1921 г.

Известно, что во время ссылки в Арзамас в 1903 г. Алексей Максимович собирал картины художников так называемой «Арзамасской школы» — учеников академика А. В. Ступина. Горькому принадлежали также пейзажи А. Маневича, Д. Бурлюка, К. Горбатова, В. Фалилеева, С. Прохорова, В. Яковлева, Е. Качура-Фалилеевой, портретные работы О. Бегаса, С. Урановой. В кабинете писателя на Кронверкском проспекте в Петрограде был рисунок М. Добужинского «Москва в крови» или «Умиротворение», впервые опубликованный в № 2 сатирического журнала «Жупел» в 1905 г. Там же находилась исключительно редкая гравюра (цветной офорт) — портрет Ф. Вольтера, сделанный Аликсом по рисунку Гарневи в 1803 г. Рисунок Добужинского и гравюра Аликса находятся сейчас в музее А. М. Горького в Москве.

Неизвестна судьба двух очень интересных работ, находившихся у Горького. Одна из них — первая иллюстрация к произведениям писателя: рисунок И. Репина к рассказу «Зазубрина». Алексей Максимович получил его от автора в 1900 г., после публикации во французском журнале «Revue Illustrée», просил переслать с нижегородской квартиры в Петербург, и здесь след рисунка затерялся. Другая работа — картина Н. Рериха «Град обреченный» (1914 г., так называемая «Предвоенная серия», где в символической форме изображались бедствия войны). Алексей Максимович увидел ее на выставке объединения художников «Мир искусства» в феврале 1915 г. Художник вспоминал:

²¹ Письмо зав. фондом Горьковского художественного музея Музею А. М. Горького в Москве. 1950.

«Из бывших тогда у меня (картин — В. Ч.) он выбрал не реалистический пейзаж, но именно одну из так называемой «Предвоенной серии» — «Город осужденный», именно такую, которая ответила бы прежде всего поэту...»²².

В годы империалистической войны Горький многое сделал для сплочения культурных сил страны в борьбе против великодержавного шовинизма. Этим объясняется интерес писателя к произведениям антивоенной тематики.

Произведения живописи и графики вызвали у Горького мысли об общности задач писателя и художника. Он писал о русских художниках:

«...я много испытал глубоких радостей, глядя на работы этих людей, и очень полюбил их самих: хороший народ! Так верится, что они внесут в жизнь хмурой России много солнца, света, много высокой красоты искусства»²³.

Но вернемся к приобретениям Алексея Максимовича, особенно дорогим его сердцу, которые сохранились в его последней квартире и на даче под Москвой. Это — работы М. Нестерова, братьев Коринных, пейзаж Н. Бенуа и автопортрет П. Боклевского.

Горький был лично знаком с М. Нестеровым — автором одного из первых портретов писателя. Алексей Максимович с большим интересом осмотрел выставку портретных работ художника в Музее изобразительных искусств в 1935 г., хотел подобрать картину для нижегородского Художественного музея. Им была приобретена картина «Большая». По воспоминаниям П. Корина, на вопрос, что привлекает Алексея Максимовича в портрете умирающей от туберкулеза девушки, писатель ответил: «Я никогда не видал в искусстве, чтобы так была опозтизирована смерть»²⁴.

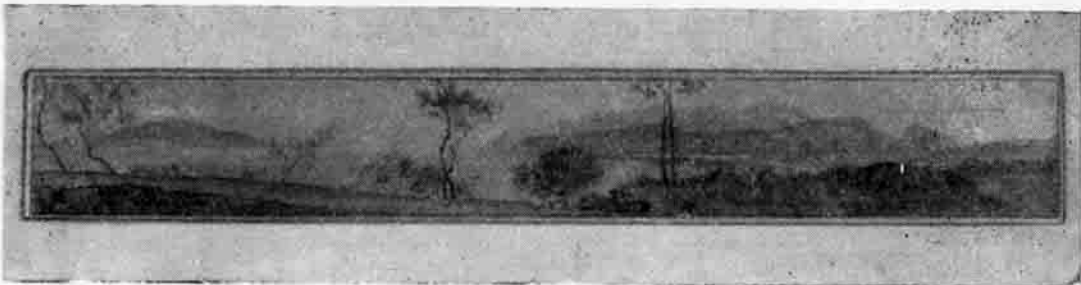
Пейзаж с девушкой в старинном русском костюме на высоком берегу реки и пейзаж Муранова (известной «усадьбы поэтов» Е. Баратынского и Ф. Тютчева под Москвой) — эти работы М. Нестерова тоже висели в рабочей комнате Алексея Максимовича на даче.

Горький сыграл большую роль в творческой судьбе художников П. и А. Коринных, учеников М. Нестерова. Картина «Панорама Сорренто» — подарок Павла Корина Алексею Максимовичу ко дню его рождения в 1932 г. Параллельно П. Корин работал над известным портретом писателя на фоне моря. «Панорама» воспроизводит вид на Сорренто с берега Неаполитанского залива, из окна комнаты, где писатель проводил свои рабочие часы. И в своей последней квартире Горький повесил ее в кабинете против письменного стола.

²² В. Князева. «Н. К. Рерих». Изд-во «Искусство», Л.-М., 1963, стр. 65—66. В воспоминаниях художника название картины имеет расхождение с общепринятым названием.

²³ М. Горький. Собр. соч., т. 29, стр. 271.

²⁴ Сб. «Горький и художники». Изд-во «Искусство», 1964, стр. 139.

Картина П. Корина «Панорама Сорренто»

На той же стене — копия с «Мадонны Литты» Леонардо да Винчи, с большим мастерством выполненная Александром Кориным.

Творчество и личность Леонардо да Винчи вызывали большой интерес писателя. В его последней библиотеке хранится несколько книг о художнике и первый русский перевод его «Трактата о живописи». В письмах Алексея Максимовича есть упоминания о знакомстве с произведениями Леонардо да Винчи в музеях Флоренции, об обещании выслать гравюру с «Джоконды» К. Пятницкому, о приеме в Обществе Леонардо да Винчи во Флоренции²⁵. Одной из первых в серии «Жизнь замечательных людей», созданной по инициативе Горького, была книга А. Дживелегова «Леонардо да Винчи» (Журнально-газетное объединение, М., 1935).

Акварель Николая Бенуа «Берег моря в Сорренто» — подарок автора — сделана в 1927 г., когда художник гостил у Горького.

По его воспоминаниям, этюд прибрежных скал особенно нравился Алексею Максимовичу, был «реквизирован» им и увезен в Москву²⁶.

Автопортрет П. Боклевского — одно из последних приобретений писателя. Этого художника, юриста по образованию, писатель относил к числу лучших иллюстраторов русской классики. В планах издательства «Русская литература» в 1918 г. Алексей Максимович предусматривал переиздание произведений Гоголя и Островского с иллюстрациями Боклевского. В 1932 г. Алексей Максимович приобрел у дочери художника превосходный пастельный автопортрет и папку рисунков. По его предложению она написала воспоминания об отце. Горький передал их Литературному музею в Москве.

Старинные вышивки, резьба по дереву, изделия холмогорских косторезов и восточная резьба по кости, обработка металла и сложная перегородчатая эмаль — работы мастеров разных времен и разных народов — побывали в руках Горького. Писателя интересовало и холод-

²⁵ Письмо К. Пятницкому. «Архив А. М. Горького», т. IV, 1954, стр. 210, 212, 214; Письмо Е. Пешковой. «Архив А. М. Горького», т. IX, 1963, стр. 116.

²⁶ Сб. «Горький и художники». Изд-во «Искусство», 1964, стр. 83.

ное оружие. В обработке металла техника граничит с искусством; недаром среди мастеров народных ремесел — основоположников искусства — Горький одними из первых назвал кузнецов и златокузнецов.

Алексей Максимович стал собирать коллекцию холодного оружия в годы жизни на Капри. Сама коллекция не сохранилась. О ней известно лишь по воспоминаниям современников.

Старинные кинжалы, клинки и ножи на стенах дома в Мустамяках, где писатель устроился после возвращения из эмиграции, запомнил сын Л. Андреева Вадим, которого в детстве брали в гости к Алексею Максимовичу:

«Горький обменялся несколькими фразами с бабушкой, спросил о здоровье отца, и поднявшись из-за письменного стола, отодвинув недописанный лист, на который он положил пресс-папье, повел меня показывать коллекцию старинных кинжалов, развешанную на одной из стен кабинета. Часть коллекции хранилась в старинном окованном медью огромном сундуке.

Среди кинжалов мне особенно понравился один, очень широкий, с резной рукояткой и совершенно необыкновенной формы.

— Это кинжал совсем особенный. Внутри у него отравленное лезвие. Вот видишь?

Алексей Максимович сжал рукоятку, внешнее широкое лезвие открылось как пасть, и из глубины выскочило длинное острое, похожее на змеиное жало»²⁷.

Писатель искал иллюстрированную историю холодного оружия, как и вообще подбирал книги, каталоги и другие пособия для изучения экспонатов своих коллекций. «Не встретишь ли, случайно, — писал он Е. Пешковой в Париж, — каталога какого-нибудь букиниста, торгующего старинными художественными изданиями? Встретишь — вышли. И еще — попадет на Сене, в ларях, книга, трактующая об оружии старинном — какая-нибудь «История холодного оружия», — купи! Или описание медалей, т. е. описание чьей-нибудь коллекции медалей. Но книги эти обязательно должны быть иллюстрированы, — особенно по оружию!»²⁸. Надо думать, что в оружии его привлекало и мастерство изготовления, и своеобразная красота. «Были бы у меня деньги, купил бы я себе один старый нож, цена его 100 фр. — какой нож! Возлюбленную зарезать не жалко эдакой приятной штукой, поверьте слову!»²⁹.

Итальянский нож-стиллет был получен Алексеем Максимовичем в подарок от итальянских почитателей его таланта, с паспортом, где перечислялись владельцы стилета и войны, в которых им довелось участвовать. Впоследствии Алексей Максимович подарил его А. Тихонову (Сереброву) и сделал на паспорте надпись, что дарит его только для мирных целей — разрезать книги для чтения³⁰.

²⁷ В. Андреев. «Детство». Изд-во «Сов. писатель», 1963, стр. 115.

²⁸ Из письма 1910 г. «Архив А. М. Горького», т. IX, 1966, стр. 103.

²⁹ Письмо 1907 г. К. Пятницкому из Флоренции. «Архив А. М. Горького», т. IV, 1964, стр. 211.

³⁰ Сведения Н. А. Пешковой и А. Н. Тихоновой. Стиллет находится сейчас в Музее А. М. Горького в Москве.

Большая часть коллекции оружия, по воспоминаниям близких писателя, была подарена Ф. Шаляпину для использования в исторических ролях. Ирина Федоровна Шаляпина вспоминает, что отец любил рассказывать о старинном оружии и особенно об одном восточном кинжале. В годы революции, вспоминает она, петроградский пикет был удивлен старинными кинжалами на стене в квартире знаменитого артиста. Некоторые вещи из этой коллекции Шаляпин сохранил у себя до конца своих дней, а остальные, оставшиеся в петроградской квартире, были переданы родственниками И. Дворищина (антрепренера и друга артиста) в Ленинградский театральный музей.

Часть предметов из коллекции оружия писатель подарил сыну Максиму. Много лет спустя эти вещи были переданы семьей Горького в Переяславский краеведческий музей для экспозиции о жизни Шаляпина.

Самая большая коллекция, которую Алексей Максимович пополнял до последних лет жизни, — коллекция предметов восточного искус-

Из коллекции предметов восточного искусства, хранящейся в кабинете А. М. Горького в Музее-квартире на ул. Качалова

ства. Интерес к культуре, литературе и искусству восточных народов выражался у писателя в подборе книг по этим вопросам, в личных контактах с учеными-востоковедами, в переписке с литераторами и общественными деятелями. В созданном по инициативе Горького издательстве «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению был особо выделен восточный отдел, в работе которого участвовали известные исследователи-востоковеды академик С. Ольденбург, И. Крачковский, В. Богораз, В. Алексеев.

В последней библиотеке писателя хранятся книги по литературе, философии, истории, просвещению, быту, географии, фольклору Китая, Индии, Японии, издания «Всемирной литературы» и отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Петроградского Совета, касающиеся восточных культур.

Алексей Максимович отмечал высокую талантливость японских художников.

В одном из писем журналисту О. Курода он писал:

«... я искренне люблю и никогда не перестаю восхищаться подлинным японским искусством... побывать в Японии просто, как все люди, а не в качестве «знатного» иностранца — моя мечта и хочется, чтобы она осуществилась»³¹.

К. Исида, переведивший произведения Горького на японский язык, послал ему «Исторический сборник японской художественной живописи во всех школах». В сопроводительном письме говорилось:

«Как я хорошо запомнил из нашей беседы с Вами в Москве, Вы всегда очень высоко ценили культуру всякого народа. И я глубоко уверен в том, что Вы по достоинству оцените наше искусство, оцените со свойственной Вам исключительной проницательностью, как никто из европейцев»³².

Среди собранных Горьким предметов восточного искусства — резьба по кости, камню, вещи из нефрита, кварца, дерева, фарфора, эмали, лака. Резьба по кости — миниатюрная скульптура — была предметом его особого увлечения, эта коллекция полностью сохранилась в последней квартире писателя.

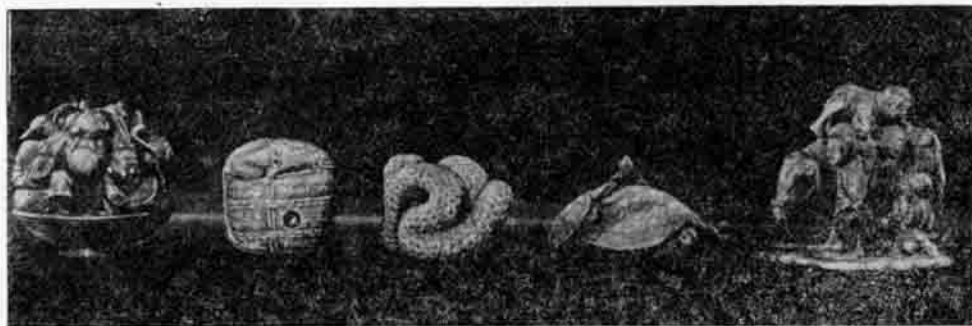
Миниатюрная скульптура особенно характерна для Японии. Наиболее часто встречаются фигурки в виде «нетцке» и «окимоно». Они и составляют основу горьковского собрания.

«Нетцке» — вещь вроде пуговицы или брелока — обязательная принадлежность мужского национального костюма. Она служит для прикрепления к поясу кисета, трубки, веера, футляра.

Миниатюрная скульптура «окимоно» — статуэтка на подставочке — обязательное украшение интерьера японского жилища. Есть фигурки смешанного типа «нетцке-окимоно». В этих миниатюрных скульптурах отражена жизнь, дух японского народа — его история, легенды и сказания, любовь к природе. Образы людей в «нетцке» очень жизненны, отличаются остротой социальной характеристики.

³¹ «Архив А. М. Горького», т. VIII. Переписка с зарубежными литераторами. Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 435.

³² Там же, стр. 443.

Миниатюрные скульптуры из слоновой кости — «нетцне» и «онимоно», Япония XVIII—XIX вв. (слева направо): верхний ряд: мужчина с черпаком, мастер-резчик, божество счастья, Дзюро с оленем, музыкантша, ребенок с мешком (мастер Ити-но), божество Сеннин с мешком; средний ряд: улитка, антер с шаром, отдыхающий ученый, борющиеся дети, крестьянин с бамбуком, мудрец Дарума (с ним связана легенда о происхождении чая); нижний ряд: семь богов счастья, крыса на тюке риса, борьба змеи с обьязыной, группа черепах, мальчик с буйволом (мастер Гиоку-сан)

Скульптуры из слоновой кости — «окимоно», Япония, XIX в. (слева направо): Демон-монах (символическое изображение ханжества), уличный торговец, крестьянин

В кабинете Горького в доме на ул. Качалова находится более 300 миниатюрных скульптурок из кости. Среди них много высокохудожественных. По времени изготовления скульптурки относятся к XVIII—XX векам. Собрание включает произведения известных народных мастеров — резчиков Томо-шика, Ити-но, Гиоку-ко, Маза-сан и многих других, оставивших и не оставивших на скульптурках подписи.

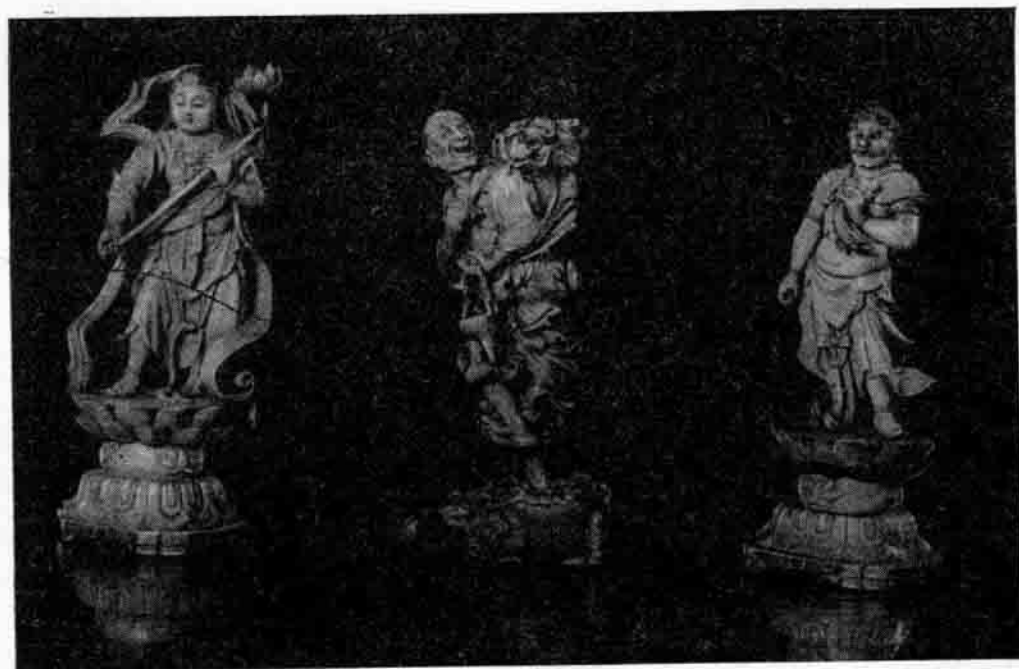
В двух стеклянных витринах-шкафах крошечные статуэтки крестьян, торговцев, уличных актеров, воинов, служителей культа, ученых, рыбаков, носильщиков, музыкантов. Здесь женщины, дети, старики. Тут же божества — добрые и злые, фигурки различных животных.

По сведениям Е. П. Пешковой, первые фигурки появились у Алексея Максимовича еще в Самаре, но серьезное и подробное знакомство его с восточной миниатюрной скульптурой произошло в Парижском восточном музее³³.

Много лет спустя он со всеми подробностями, с восхищением вспоминал этот музей. Вс. Иванов писал: «...он стал рассказывать, да еще как, точно переходил с нами от витрины к витрине...»³⁴.

³³ На сведения Е. П. Пешковой ссылается О. Глухарева в ст. «Коллекция японских художественных изделий Горького», «Япония—СССР», изд. АПН, 1965, № 12 (на японском языке).

³⁴ Вс. Иванов, в сб. «М. Горький в воспоминаниях современников», 1955, стр. 485.

Скульптуры из слоновой кости — «онимоно», Япония, XIX в. (слева направо): Теннин — буддийское божество, Гама Сеннин — божество с лягушками (мастер Мунэ-сан), Фудэ — буддийское божество

Скульптуры из слоновой кости — «онимоно», Япония, XIX—XX вв. (слева направо): мастер-чеканщик (мастер Маза-сан), рыбак, мужчина с ребенком (мастер Ко-Гиоку-Рики)

По сведениям Е. П. Пешковой, Алексей Максимович приобрел в Париже несколько японских «нетцке». Сама Екатерина Павловна подарила ему несколько забавных фигурок.

«Сегодня получил пуговицы («нетцке» — В. Ч.) — вот спасибо! Очень хороши, и я обрадовался. Увлекает меня это, как ребенка, уж очень красиво, верно ведь?» и просьба — если встретятся хорошие нетцке — купить.³⁵

Большую часть скульптурок Горький приобрел, находясь на Капри, куда их завозили моряки, возвращаясь с Востока.

Вс. Иванов подарил Алексею Максимовичу несколько «окимоно» и два резных кантонских шара (они изготавливаются из одного куска кости искусной распиловкой, в результате чего несколько шаров оказываются один внутри другого. За сложность исполнения такие шары у себя на родине получили название «дьявольских»). Большой шар, подаренный Вс. Ивановым, насчитывает 18 заключенных один внутри другого шаров).

Восточные вещи, в том числе и резьба по кости, служили украшением квартиры писателя на Кронверкском проспекте (в Петрограде) в 1915—1921 гг. и составляли предмет постоянной гордости хозяина.

В 1915 г. писатель В. Шишков оказался свидетелем беседы Алексея Максимовича с каким-то профессором.

«Горький был в длинном, из голубого шелка с цветами и драконами китайском халате, в очках и тибетейке. В таком наряде он напоминал китайского ученого. Показывая статуэтки божеств древневосточной мифологии, он ссылаясь на историю восточного искусства, приводил имена мастеров, характеризовал направления, школы, влияния. У свидетеля этой беседы возникла мысль: а и многому же, кроме своего ремесла, Горький умудрен!»³⁶

В чудесных строках вспоминает К. Федин подобные минуты у Алексея Максимовича на Кронверкском:

«Наверно, в сотый раз поворачивает он в своих пальцах фигурки из нефрита и кости, показывая мне коллекцию японских и китайских кустарных изделий. Но словно впервые открыл он и признал непостижимую ловкость кустика, виртуозную изысканность его догадки, с какою решались головоломные задачи создания этих крошечных чудес искусства.

Он упивается радостью, как человек, только что сделавший открытие, и его рассказ есть настоящее посвящение меня в труд безвестного дальневосточного резчика: я вижу, каков был этот первозданный кусок сырья, который взял в руки мастер, вижу неуклюжий самодельный стан, обтачивающий материал, затем — поочередно — инструменты для долбления, резьбы, шлифовки. Увлекая меня, он увлекается сам — ведь всюду сокрыто человеческое знание: вот так белится слоновая кость, а вот так полируется нефрит. А сверх всего этого, именно сверх всего — выше неотступности усилий, дьявольского терпения человека, его эластичного, как ящерица, ума — венцом всего возносится искусство»³⁷.

³⁵ «Архив А. М. Горького», т. IX, 1966, стр. 120, 124

³⁶ Сб. «Горький и Сибирь». Новосибирское книжное издательство, 1961, стр. 310.

³⁷ К. Федин. «Горький среди нас». Собр. соч., т. 9. ГИЗ, М., 1962, стр. 182.

Много лет спустя, в доме на ул. Качалова в Москве, Горький снова рассказывает о творчестве безымянных художников из народа, показывая резные статуэтки и рисунки³⁸.

Художница В. Ходасевич, состоявшая членом «коммуны», образовавшейся на квартире у Горького в трудные 20-е годы, писала портрет Алексея Максимовича и позже часто встречалась с ним. Интересна ее оценка художественных вкусов писателя и его восприятия изобразительного искусства:

«Алексей Максимович очень любил искусство восточных народов, но особенно китайское искусство. Его восхищало мастерство китайских художников, выработанное тысячелетиями, иногда доходящее до фантастической виртуозности и выразительности. Он восхищался их умением подчинить своему замыслу любой материал, будь то краски, кость, металл, эмаль, камень, глина, фарфор, шелк. Необычайное мастерство композиции, способность выбрать наиболее характерное и в меру его подчеркнуть — вот элементы, которые видел, чувствовал и ценил Горький в их произведениях»³⁹.

Коллекция восточного искусства в петроградской квартире включала предметы из бамбука, лака, бронзы, майолики, нефрита, агата, горного хрусталя, аметиста и других камней, росписи на шелку, рисунки тушью, древние вышивки. Были среди них редкие и древние, которые Алексей Максимович выискивал у антикваров, вспоминает В. Ходасевич. Позже, приезжая в Москву из Ленинграда, она неизменно привозила «древние китайские косточки», и Алексей Максимович, благодаря за подарок, жаловался, что нет времени самому походить по антикварам и откопать какую-нибудь «великолепную штуку», подобную предподнесенной⁴⁰.

В доме на ул. Качалова в шкафчике японской работы с инкрустацией и резьбой собраны вазочки, печатки, флакончики, статуэтки и чешуйчатый костяной дракон. В квартире — вазы из фарфора, резьба по дереву и лаку, изделия перегородчатой эмали.

Уместно вспомнить и про «коллекцию будд», о которой упоминал Вс. Иванов. О судьбе ее сообщил Ленинградский музей этнографии народов СССР в ответ на запрос автора этой статьи. Музей образовался в конце 20-х гг. на базе этнографического отдела Русского музея, куда 20 октября 1921 г. Горький передал коллекцию, состоявшую из 65 предметов. Среди них были буддийские статуэтки и другие изделия восточного прикладного искусства — из бронзы, нефрита, фарфора, дерева и других материалов. В 1932—1936 гг. они были переданы по профилю в Государственный Эрмитаж, в Музей истории религии и в Музей антропологии и этнографии в Ленинграде.

Алексей Максимович увлекался нумизматикой. О своем увлечении он писал А. Золотареву с о. Капри:

³⁸ Г. Серебрякова. «Максим Горький» в кн. «Странствия по минувшим годам». Изд-во «Советский писатель». М., 1965, стр. 101.

³⁹ Воспоминания В. М. Ходасевич в сб. «Горький и художники». Изд-во «Искусство», 1964, стр. 75.

⁴⁰ Там же, стр. 76.

«А я нумизматом становлюсь — факт. Подарили мне несколько десятков греческих и римских монет, я их разглядел, влюбился и увлекаюсь. Потом арендную или куплю Сахару и начну собирать коллекцию кафедральных соборов, вот и подите меня»⁴¹.

В поисках Горький неоднократно обращался к художнику И. Бродскому, страстному коллекционеру, с просьбой «поискать старых монет». Художник усердно искал, а потом с конфузом вспоминал, что часть его находок оказалась подделками. Все же он нашел для Алексея Максимовича старинную русскую «денгу» и несколько персидских монет с изображением птиц и животных. Бродский отметил, что страсть к коллекционированию у Горького была в крови и что знания в нумизматике он накопил значительные⁴².

Как указывалось выше, в 1914 г. Нижегородский музей получил от Горького большой дар для нумизматического отдела. Сейчас переданные им в 1902—1914 гг. монеты и медали находятся в Литературном музее г. Горького (к сожалению, их не изучали и музей ничего не сообщил нам о составе коллекции). Было бы хорошо, если этим занялись нумизматы из Горьковского отделения ВОФ!

В 1914—1915 гг., находясь в Мустмяках, Горький охотно демонстрировал гостям монеты и медали. Поэт Д. Семеновский вспоминает:

«После чая он пригласил всех в свою рабочую комнату. Часть ее занимал длинный некрашенный стол, загроможденный книгами, рукописями, чистой бумагой. Горький подошел к шкафу и достал из него небольшой ящик. В ящике были монеты и медали. Алексей Максимович сел и, склонившись над ящиком, захватил пригоршню металлических кружков — белых, желтых, темных.

Пересыпая их в ладонях, он сказал с легким оттенком гордости в голосе:

— Недурная коллекция! Все сам собрал.

Высыпал монеты обратно и стал показывать каждую в отдельности. Металлические кружки были памятниками разных исторических событий, отражением культур, эр, давно исчезнувших государств.

Держа в ладони большую золотую монету эпохи Возрождения с чьим-то гордым профилем, любуясь изяществом чеканки, Горький говорил:

— Посмотрите, как сделана эта головка! Какая благородная красота!

Золотую монету сменила кожаная гривна времен удельных князей:

— А вот это совсем в другом роде.

В коллекции оказалась и серебряная медаль, изготовленная царским правительством в русско-японскую войну на случай победы над врагом. На медали были выбиты торжественно-нелепые слова: «Да вознесет вас господь в свое время!»

Усмехаясь, Алексей Максимович рассказал ее историю. Проект медали с надписью «Да вознесет вас господь» был представлен на «высочайшее утверждение». Как ни скудоумен был Николай Второй, однако после Цусимы даже он чувствовал, что такая медаль не по времени. Поэтому он написал на проекте: «В свое время». Резолюция оказалась под словами изречения и была сочтена министрами за добавление к нему.

Памятник самодержавной глупости со звоном лег в ящик»⁴³.

⁴¹ Газета «Советская Россия» от 23 ноября 1963 г., № 276 (2261), стр. 4.

⁴² В сб. «Горький и художники», 1963, стр. 32, 165, 166, 175, 182.

⁴³ В сб. «М. Горький в воспоминаниях современников», ГИХЛ, М., 1955, стр. 387—388.

Эта коллекция, к сожалению, не сохранилась. Нумизматическое собрание, находящееся сейчас в последней московской квартире Горького, — другое. История его такова. Алексей Максимович расстался с коллекцией, подарив ее Ивану Павловичу Ладыжникову, старому революционеру, организатору заграничного партийного издательства в 1905 г. Он был очень близким Горькому человеком. После смерти писателя И. Ладыжников разбирал его архив; желая сохранить памятные вещи Горького, он вернул подарок. Это собрание состоит из 386 монет и 261 медали.

Особый интерес представляют памятные медали. События, увековеченные в бронзе, приоткрывают нам круг интересов великого писателя-гуманиста.

В коллекции — медали XVII—XIX вв., чеканенные в России, Франции, Англии, Италии, Австрии, германских княжествах, Испании, Польше, Курляндии, Сербии, Чехии, Колумбии.

Здесь медали, которыми были отмечены события русской истории: создание отечественного флота при Петре I (1696 г.)⁴⁴, открытие Петербургского университета в здании 12 коллегий (1724—1835 гг.), кругосветное плавание русских моряков под командованием Крузенштерна и Лисянского (1803—1806 гг.), 100-летие Российской академии наук (1724—1824 гг.), 100-летие Отечественной войны (1812—1912 гг.) и др. Вторая и третья медали — работы известного русского мастера Ф. Толстого. Гипсовый барельеф работы этого мастера на события 1812 г. Горький еще в 900-е гг. подарил Нижегородскому музею.

Особенно близки сердцу писателя были три русские медали, посвященные 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Алексей Максимович считал, что «Пушкин для русской литературы такая же величина, как Леонардо для европейского искусства». «Гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России»⁴⁵. Одна из этих медалей — работы резчика Скуднова, выпущенная специально для Академии наук, до сих пор остается в числе лучших пушкинских медалей.

Медаль к 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина, (все медали даны в размере 1/2 натуральной величины)

⁴⁴ В скобках даются годы, указанные на медалях.

⁴⁵ М. Горький. Собр. соч., т. 24, стр. 96, 184.

Медаль к 150-летию со дня смерти
Леонардо да Винчи

Значительное место в собрании занимают итальянские медали. Писатель, много лет проживший в Италии — на родине медальерного искусства, любил эту страну, ее талантливый народ. В его собрании юбилейная медаль с портретом Леонардо да Винчи работы скульптора Д. Трентакосте, отчеканенная в 1902 г. в честь 450-летия со дня рождения Леонардо. Она в специальной оправе висела в кабинете Горького на Капри, а затем была увезена в Россию. Алексей Максимович хранил также медаль, отчеканенную в 1669 г. к 150-летию со дня смерти Леонардо.

Дорога для Горького была медаль, выбитая в память Данте Алигьери. Впервые попав во Флоренцию, Горький писал К. Пятницкому:

«Сегодня... был на вилле Данта — т. е. Фолько Портинари, отца Беатриче, где в башне жил и работал Дант. Вилла теперь принадлежит неким Бонди, они сохранили комнату поэта, не реставрируя ее, но в ней только стол, кресло, сундук и аналой. Все это — древнее, удивительно простое и какое-то особенное, все заставляет дрожать сердце»⁴⁶.

Ему же он пишет о знакомстве с рисунками и миниатюрами во флорентийской библиотеке Лаурентиана, которые легли в основу иллюстраций Гюстава Дорэ к произведениям Данте⁴⁷. «Божественная комедия» Данте с иллюстрациями этого художника есть среди книг Алексея Максимовича, и хранилась она не в общем книжном шкафу, а отдельно в кабинете, возле рабочего стола.

Ряд медалей посвящен поэтам: медали неаполитанской работы, выпущенные в честь Алкмеона, Овидия, Витрувия, Торквато Тассо, Франческо Петрарки и Данте Алигьери (точнее — медаль Флорентийской выставки к 600-летию со дня смерти Беатриче, легендарной возлюбленной Данте) и медаль, посвященная знаменитому сицилийскому поэту Джованни Мели. По тематике к этим медалям примыкает немецкая медаль 1815 г. в честь Фридриха Шиллера.

В коллекции есть и медали, посвященные знаменитым художникам и скульпторам. Это — медаль в честь Рафаэля, копия старинной однойсторонней медали с портретом Микельанджело и медаль 1878 г., выпущенная к 400-летию этого скульптора, медали различных лет в честь Л. Бернини, А. Кановы, Л. Бартолини, Бенвенуто Челлини.

⁴⁶ М. Горький. Собр. соч., т. 29, стр. 32—33.
⁴⁷ «Архив А. М. Горького», т. IV, 1954, стр. 210.

Медаль в честь Джузеппе Гарибальди

Выпуском медалей в Италии отмечены значительные события в технике и строительном деле: реставрация флорентийского собора Санта Мария дель Фиоре в 1876—1886 гг., постройка туннеля в Тиволи в 1835 г., постройка висячего моста в Тоскане и моста у Фелициано в 1836 г., сооружение Симплонского туннеля в 1898—1906 гг., близ Милана. Все они были у Алексея Максимовича. Событие, отмеченное последней из этих медалей, послужило писателю сюжетом для одной из «Сказок об Италии».

В медальерном искусстве широко отражены события объединения Италии в национальное государство. Среди вещей этой тематики в горьковской коллекции сохранилась интересная медаль в честь Джузеппе Гарибальди. Этому герою национальной борьбы Горький посвятил небольшой очерк «Как я первый раз услышал о Гарибальди». Он был включен в юбилейный сборник памяти Гарибальди, изданный к 100-летию со дня его рождения студентами Римского университета в 1907 г.

Из произведений французского медальерного искусства Горький выбрал медали в честь взятия Бастилии, явившегося началом Великой французской революции, и в честь Руже де Лилля, автора «Марсельезы» (выпущена в 1855 г., на ней — ноты и текст гимна).

Великий книголюб, Алексей Максимович не мог пройти мимо медали, выбитой в честь изобретателя книгопечатания И. Гутенберга, и жетона, выпущенного французским издательством Дюпон, с изображением Гутенберга и Зенефельдера, усовершенствовавшего печатный процесс.

Отдельно от своего нумизматического собрания Алексей Максимович хранил советские памятные медали, выпуском которых были

Медаль, посвященная изобретателю книгопечатания И. Гутенбергу

отмечены в 1935 г. XV Международный физиологический конгресс и Международный конгресс по иранскому искусству и археологии.

На письменном столе на даче он держал массивную медную гривну 1726 г. и медный, так называемый «сестрорецкий» рубль 1771 г.

В московской квартире Горького сохранился альбом с бонами. По воспоминаниям близких, он был подарен писателю в Москве, но кем — неизвестно. В этом альбоме 602 денежных знака 104 наименований, боны Российской империи начиная с 1807 г., Временного правительства и многочисленных белогвардейских «правителей».

Одну из страниц альбома занимает «особое прибавление» к газете «Русское Дело» № 12 за 1906 г. — издательский проект «денежных знаков Российской социал-демократической республики» достоинством в 1, 3 и 10 рублей. Реакционный издатель газеты хотел высмеять идею республики. Президентом же республики на бонах назван не кто иной, как М. Горький.

Заключительный раздел альбома посвящен денежным знакам Советского государства, находившимся в обращении в 1921—1924 гг.

Кроме того, в переписке Горького были обнаружены боны непревзойденной оригинальности — этикетки винных бутылок, имевшие хождение в качестве денежных знаков. Как известно, их прислал Горькому его знакомый, Алексей Алексеевич Семенов, занимавший в первые годы после Октябрьской революции пост наркома финансов Якутской республики. В Архиве М. Горького вместе с письмами А. Семенова хранятся три из этих «денежных знаков»: «Мадера — 1 руб., «Кагор» — 10 руб. и «Оporto» — 25 руб.

История «якутских денег» очень заинтересовала Горького, и он упомянул о ней в очерке «О единице». Там есть такие строки:

«Из всех бумажных денег, которые пускались в оборот на безграничном пространстве Союза Советов, самые оригинальные деньги выпустил Алексей: он взял разноцветные этикетки для бутылок вина, своей рукой написал на «Мадере» — 1 руб., на «Кагоре» — 3 руб., «Портвейн» — 10 р., «Херес» — 25 р., приложил печать Наркомфина, и якуты, тунгусы очень хорошо принимали эти деньги как заработную плату и как цену продуктов. Когда Советская власть погасила эти своеобразные квитанции, Семенов прислал мне образцы их»⁴⁸.

В одном из горьковских писем к Семенову говорится:

«Преклоняюсь перед Вашей неистощимой энергией. Вы поверите в искренность этого преклонения, вспомнив, как высоко ценю я труд и поэзию труда. А Вы — именно поэт. В грустные минуты я люблю вспоминать о Вас и рассказываю Вашу жизнь другим. У меня сохранились Ваши «деньги», этикетки с бутылок вина. Это — редкость...»⁴⁹.

Хочется подчеркнуть, что собрания монет, медалей, бон не были чем-то случайным в биографии писателя. Он собирал не только вещи, но и литературные источники, посвященные им, настойчиво искал специальную литературу. Только в его последней библиотеке есть, на-

⁴⁸ «Новый мир», 1960, № 11, стр. 59.

⁴⁹ Там же, стр. 72.

пример, сборники материалов по византийским монетам, работа А. Бутковского «Нумизматика, или история монет древних, средних и новых веков», изданная в 1861 г., «Записки нумизматического отделения Археологического общества», книжка казанского коллекционера С. Двинянинова «Редкие монеты, марки, фарфор и старинные вещи» и другие издания.

Несколько слов следует сказать об отношении Горького к филателии. Еще в 1911 г. в русских газетах было опубликовано любопытное письмо, озаглавленное «Горький — поставщик марок». В комментариях к нему говорилось, что гимназист Федя Волчанецкий из Владимира обратился к писателю, жившему тогда на Капри, с просьбой прислать ему заграничных марок. В ответ он получил письмо со вложенными марками и таким шутивным текстом:

«Посылаю Вам, дядя Федя, марок. Очень буду рад, если это доставит Вам удовольствие. Будьте здоровы. Желаю всяческих успехов. М. Горький — поставщик марок для русских и иных наций мальчиков и девочек»⁵⁰.

В те же годы Алексей Максимович обратился с просьбой к писателю В. Язвицкому:

«Хочу просить Вас об одолжении: купите, пожалуйста, всю серию болгарских марок, почтовых, со штемпелем «Освободительная война» и пошлите мне, наложив платеж. Я хочу сделать подарок одному филателисту — очень прошу Вас помочь мне в этом. 3/XI. 13. Capri»⁵¹.

С разговора о марках началось знакомство Алексея Максимовича с Владимиром Познером в 1914—1915 гг., когда тот был еще подростком. Уважительное обращение Горького к нему на «Вы», доброжелательный вопрос о марках и обещание принести некоторые марки в следующий раз запомнились ему навсегда⁵². Вскоре В. Познер вместе с родителями выехал во Францию. Он автор нескольких книг и, в частности, воспоминаний о встречах с Горьким.

Когда в 1927 г. по образцу международных рабочих спортивных, литературных и других организаций образовался «Филателистический интернационал», Горький поддержал его, вступив в его ряды. В списке членов появилась запись: «1485. Peschkow A. M. — Sorrento, villa il Sorito, presso Napoli»⁵³.

Горький всегда вел обширную переписку. Известно, что сам он писал по 10—15 писем в день, а получал еще больше. С почтовыми марками ему приходилось дело иметь постоянно, однако филателистом его вряд ли можно назвать. Филателистической коллекции, в полном смысле слова, у Алексея Максимовича не было. Зато своему сыну Максиму он привил настоящую любовь к филателии. Коллекция

⁵⁰ Газета «Приазовский край» (Ростов-на-Дону) от 19 октября 1911 г., № 275.

⁵¹ «Архив А. М. Горького», т. VII, 1959, стр. 120.

⁵² Vladimir Pozner. «Souvenirs sur Gorki» Les Editeurs Francais Reunis, Paris, 1957, p. 12.

⁵³ «Советский филателист», «Советский коллекционер», Radio de Filintern, март, 1927, № 3, стр. 36.

Максима Алексеевича собиралась много лет, была обширной и интересной — сохранилось 12 альбомов с марками.

В предметах коллекционирования Горький видел, прежде всего, овеществленный труд человека-творца, творчество народных талантов, гений народа. Алексей Максимович был глубоко убежден, что именно люди труда

«...были творцами той красоты, которую мы видим на этрусских вазах, знаем по древнейшим украшениям из золота, по оружию, скульптуре, по развалинам древних храмов Египта, Греции, Мексики, Перу, Индии, Китая, по средневековым соборам Европы, по восточным коврам и гобеленам Фландрии и т. д.

Кто превращал в искусство тяжкий, ежедневный труд сначала — на себя, а затем — на господ? Основоположниками искусства были гончары, кузнецы и золотокузнецы, ткачихи и ткачи, каменщики, плотники, резчики по дереву и кости, оружейники, маляры, портные, портнихи и вообще — ремесленники, люди, чьи художественно-деланные вещи, радуя глаза, наполняют музеи... Людям, работающим над изменением вещества, материи и условий жизни, доступна величайшая из радостей — радость творцов нового, необыкновенного»⁵⁴.

Именно неугасимый интерес к историческому прошлому, к традициям и искусству народов, к процессу народного творчества пробудил в Горьком страстного коллекционера. Он любил вещи, любовался ими, изучал их. Так многочисленные коллекции стали его новыми университетами. Они помогали многое узнать с новой стороны, рождали желание рассказать о них людям, обогащали его талантливое перо.

Горький любил говорить, что человек по натуре своей художник: он всюду стремится вносить в свою жизнь красоту. Высоко ценя труд, Алексей Максимович считал его основанием культуры и называл «второй природой» человека. Идеалом в таком понимании труда для него был Чехов.

«Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда, как основания всей культуры, так глубоко и всесторонне, как Антон Павлович. Это выражалось у него во всех мелочах домашнего обихода, в подборе вещей и в той благородной любви к вещам, которая, совершенно исключая стремление накапливать их, не устает любоваться ими, как продуктом творчества духа человеческого»⁵⁵.

Самому Горькому было свойственно именно то отношение к вещам, которое восхищало его в Чехове. Остро ненавидя мещанство с его «культом вещей», Алексей Максимович любил вещи по-чеховски: страстно их собирая, он щедро раздавал их людям. Тонко чувствуя прекрасное, он и в людях стремился пробудить чувство красоты. Эту горьковскую черту тонко подметил поэт Д. Семеновский:

«Даря музеям картины, коллекции монет, восточные вазы, Горький стремился сделать искусство доступным народу. Он хотел, чтобы заключенная в искусстве творческая энергия человека вызвала в массах еще более мощную волну творчества»⁵⁶.

⁵⁴ М. Горький. Собр. соч., т. 27, стр. 444.

⁵⁵ М. Горький. Собр. соч., т. 5, стр. 431.

⁵⁶ Д. Семеновский. «Письма и встречи» в сб. «М. Горький в воспоминаниях современников», М., 1955, стр. 402.

На склоне лет (в 1934 г.), отвечая на письма советских людей, которым Великий Октябрь впервые в мире предоставил безграничные возможности для развития всех способностей, людей, имеющих полное право пользоваться результатами своего труда, Горький как бы подводит итог:

«В нашей стране всякий труд должен превращаться именно в искусство преобразовать мир, в искусство изменения страны, украшения ее словом, делом, вещами. Красивые вещи воспитывают творческое воображение людей и уважение их к труду... Тот, кто хорошо, искусно работает, тот имеет право требовать, чтобы для него пекли хороший хлеб, делали красивую мебель, посуду, красивые материи, строили красивые дома»⁵⁷.

Великий писатель щедро дарил народу не только кропотливо собираемые им произведения искусства, но и приобретенные с их помощью знания. Общеизвестна его огромная общественная деятельность в первые годы после Великого Октября. Он был председателем Комитета по охране музеев, членом совета Эрмитажа, председателем экспертной комиссии при Наркомвнешторге. Под его наблюдением шел разбор библиотек и ценнейших коллекций произведений искусства, оставшихся во дворцах и в особняках Петрограда. Авторитет Горького помог правильно организовать дело, привлечь знающих людей, в результате чего для республики были спасены огромные культурные ценности, ставшие достоянием создавшего их народа.

⁵⁷ М. Горький. Собр. соч., т. 27, стр. 380.

К. БЕРНГАРД,

Доктор технических наук,
председатель жюри Всесоюзной
филателистической выставки
«50 лет Октября»

РАЗДУМЬЯ ПОСЛЕ ЮБИЛЕЙНОЙ ВЫСТАВКИ

Всесоюзная филателистическая выставка «50 лет Октября», проведенная в Москве, в Политехническом музее, с 1 по 15 октября 1967 г., явилась смотром полувекового пути развития советской филателии. За 15 дней ее посетило более 30 тыс. человек. Это редкий успех, выпадающий на долю национальных филателистических выставок.

По общей площади экспозиции, а также по количеству и качеству демонстрировавшихся коллекций юбилейная выставка намного превзошла все предшествовавшие филателистические выставки, проходившие в нашей стране.

Первая Всесоюзная филателистическая выставка была организована и успешно проведена вскоре после окончания гражданской войны. Сам факт открытия ее 15 декабря 1924 г. красноречиво свидетельствовал о том, какое большое значение Коммунистическая партия и Советское правительство придают филателии.

Следующая Всесоюзная филателистическая выставка была организована Народным комиссариатом связи СССР в 1932 г. в Москве. Позднее ее экспозиция была показана ленинградцам. На этой выставке демонстрировались только государственные коллекции. Однако в ее

подготовке принимало участие и Правление Всероссийского общества филателистов.

Международная филателистическая выставка состоялась в Москве летом 1957 г. Она была организована для участников VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов с целью популяризации роли филателии в развитии культурных связей между странами и воспитании молодого поколения в духе дружбы и международного сотрудничества.

В следующем, 1958 г. Министерство связи СССР организовало в Ленинграде большую выставку государственных коллекций, посвященную 100-летию русской почтовой марки.

Начиная с 1958 г. возобновилось проведение городских, областных и республиканских филателистических выставок. Они организовывались местными обществами коллекционеров. К этому же времени относятся и первые выступления советских коллекционеров в качестве экспонентов на крупнейших международных филателистических выставках.

В 1967 г. на Всесоюзной выставке «50 лет Октября» экспонировались почтовые марки и другие филателистические материалы, выпущенные в обращение советскими почтовыми органами.

Лишь тематические коллекции могли содержать филателистические материалы других государств при условии, что они посвящены Советскому Союзу.

Представленные на выставке экспозиции подразделялись на три класса — официальный, почетный и конкурсный.

В официальном классе демонстрировались коллекции государственных организаций. Наряду с художественно оформленной тематической коллекцией Министерства связи СССР и экспозицией Центрального филателистического агентства Союзпечати в официальном классе были выставлены государственные коллекции Демократической Республики Вьетнам, Народной Республики Болгарии и скромная по внешнему виду, но весьма интересная экспозиция почтовых марок Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.

В почетном классе демонстрировались коллекции почтовых марок и филателистическая литература, представленные нашими зарубежными друзьями — филателистами Народной Республики Болгарии, Германской Демократической Республики, Социалистической Республики Румынии, Чехословацкой Социалистической Республики, Демократической Республики Вьетнам, Польской Народной Республики, Монгольской Народной Республики, Республики Куба. В этом же классе четыре коллекции выставили члены жюри — советские филателисты Х. Апсе (Рига), Е. Войханский (Баку) и С. Пархомович (Москва).

По конкурсному классу экспонировались собрания почтовых марок и филателистических материалов, представленные коллекционерами 40 городов Советского Союза. Собрания эти подразделялись на генеральные, специализированные, исследовательские, мотивные и тематические, юношеские. Отдельную группу конкурсного класса составляла филателистическая литература.

Оценка экспозиций конкурсного класса производилась в соответствии с правилами, установленными действующими положениями Международной федерации филателистов (ФИП) для международных и национальных филателистических выставок. В частности, оценка тематических и мотивных коллекций производилась по балльной системе на основе следующих показателей:

1. Оформление:

Общее впечатление от коллекции — до 15 баллов

2. Тематика, сюжет:

а. Разработка темы, сюжета — до 25 баллов

б. Объем (полнота) коллекции — до 15 баллов

в. Оригинальность и степень раскрытия темы — до 15 баллов

итого до 55 баллов

3. Филателистические элементы:

а. Филателистические знания — до 10 баллов

б. Состояние и редкость марок и других филателистических материалов — до 20 баллов

итого до 30 баллов

Всего до 100 баллов

По набранному числу баллов определялась награда, присуждаемая коллекции: 90 и более баллов — золотая медаль, от 70 до 89 баллов — серебряная, от 50 до 69 баллов — бронзовая.

Для генеральных, специализированных и исследовательских коллекций основными критериями оценки являлись: полнота собрания, филателистические и исследовательские элементы, оформление.

Юношеским коллекциям присуждались только дипломы, подразделявшиеся на три степени.

Общие результаты оценки всех экспонатов выставки приведены в табл. 1.

Международная федерация филателистов (ФИП) решила: начиная с 1968 г. на международных выставках принимать только те коллекции почтовых марок, которые на предыдущих международных или национальных выставках отмечались наградами не ниже серебряной медали. Следовательно, 34 коллекции советских филателистов, получившие на юбилейной выставке золотые и серебряные медали, обрели право экспонироваться на международных выставках, проводимых под патронатом ФИП.

Общие результаты оценки экспонатов Всесоюзной филателистической выставки «50 лет Октября»

Классы	Количество								Награды										
	участников				экспонатов				По конкурсным классам						По официальному и почетному классам				
	всего	в том числе			всего	в том числе			Медали			Дипломы					Специальные призы		
		организаций	клубов филателистов	филателистов		коллекций марок	филателистич. литературы	прочих	золотые	серебряные	бронзовые	почетные	I степени	II степени	III степени				
I. Официальный	5	5	—	—	5	4	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—
II. Почетный:																			
а) Зарубежные участники	19	3	—	16	20	17	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	19	5
б) Члены жюри	3	—	—	3	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—
Итого	27	8	—	19	29	25	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	27	5
III. Конкурсный																			
А. Б. В. Генеральные, специальные и исследовательские коллекции	21	—	—	21	22	22	—	—	5	6	6	2	—	—	—	—	—	3	—
Г. Тематические и мотивные коллекции	167 ¹⁾	—	1	106	115	115	—	—	3	20	30	29	—	—	—	—	—	10	—
Д. Юношеские коллекции	14 ²⁾	—	2	12	14	14	—	—	—	—	—	2 ³⁾	2	3	9	3	—	—	—
Е. Филателистическая литература	11	2	—	9	14	—	14	—	1	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—
Итого	153	2	3	148	165	151	14	—	9	28	38	35	2	3	9	16	—	—	—
Всего	180	10	3	167	194	176	17	1	9	28	38	35	2	3	9	16	27	5	5

¹⁾ В том числе одна коллективная.

²⁾ В том числе две коллективные.

³⁾ Двумя почетными дипломами награждены руководители кружков юных коллекционеров.

Часть присланных на выставку материалов не демонстрировалась — не хватило выставочного помещения. В результате посетители лишились возможности увидеть многие ценные собрания, в частности, награжденные серебряными медалями коллекции В. Мурагова (Москва) «Летопись полувека» и М. Айзена (Одесса) «Стандартные выпуски почтовых марок РСФСР и СССР». В значительно сокращенном виде демонстрировались коллекции, которым присуждены золотые медали. Однако жюри внимательно изучило все представленные на выставку

коллекции, и это обеспечило полноту и объективность их оценки.

Преимущественным направлением советской филателии стало тематическое коллекционирование. Тематические коллекции явно преобладали над мотивными, а те и другие вместе составляли 76% экспонатов, отнесенных к конкурсному классу.

О направленности и разнообразии интересов советских филателистов можно судить по названиям коллекций, отмеченных медалями (табл. 2). Радует, что

Тематические коллекции, награжденные медалями

Названия коллекций	Составители	Город	Награды
1 Жизнь и деятельность В. И. Ленина	А. Алтыкие и С. Крепе	Москва	Золотая медаль и приз Московского отделения ВДФ
2 Полиграфия, книга, печать на почтовых марках	М. Соколов	Москва	Золотая медаль и приз ВЦСПС
3 Летопись полувека	В. Сегаль	Горький	Золотая медаль
4 Невская твердыня	Я. Озолнь	Рига	Серебряная медаль и приз Министрства связи СССР
5 Радиоэлектроника — основа технического прогресса	А. Терещенко	Харьков	То же
6 Искусство принадлежит народу	Н. Бугельская	Москва	«
7 Жизнь и творчество Т. Шевченко	Б. Джавала	Львов	«
8 Развитие сельскохозяйственной техники СССР	В. Шполянский	Москва	Серебряная медаль и приз ВЦСПС
9 Лениниана	И. Збарский	Москва	Серебряная медаль
10 История КПСС на марках СССР	Э. Айзенберг	Баку	То же
11 50-летию Великого Октября посвящается...	В. Павловский	Рига	«
12 Летопись полувека	В. Муратов	Москва	«
13 «...Плюс электрификация всей страны»	Я. Гинцбург А. Гинцбург	Ленинград	«
14 Советское здравоохранение	А. Батневский	Минск	«
15 Первый космонавт Ю. Гагарин	О. Мартышов	Москва	«
16 Советские исследования Арктики — Антарктики	О. Мартышов	Москва	«
17 Советские полярные исследования	К. Строев	Москва	«
18 Герои Советского Союза	И. Мушенко	Донецк	«
19 Их подвиг в веках не забудут народы	Г. Тельнов	Львов	«
20 Этого забывать нельзя!	А. Тейтельбаум	Баку	«
21 Хотят ли русские войны?	Я. Сморгонский	Рига	«
22 Писатели нашей Родины на марках мира	Г. Бакалинский	Москва	«
23 Женщины СССР	Л. Курахтова	Москва	«
24 На страже завоеваний Великого Октября	Клуб филателистов ЦДСА	Москва	Бронзовая медаль и приз
25 «Плавда»	Г. Грекин	Баку	Бронзовая медаль и приз журнала «Филателия СССР»
26 Горное дело в странах социализма	В. Иванов	Донецк	Бронзовая медаль и приз ВЦСПС
27 Страницы жизни Ленина	В. Сегаль	Горький	Бронзовая медаль
28 Маркс и Энгельс — основоположники научного коммунизма и Дятелю международного рабочего движения (2 коллекции)	М. Ободовский	Москва	Бронзовая медаль

Названия коллекций	Составители	Город	Награды
29 Главная площадь страны и Ф. Э. Дзержинский (2 коллекции)	Л. Копылов	Рига	То же
30 Урал (революционное движение, гражданская война, города и люди)	Г. Сантов и А. Воробьев	Свердловск	«
31 Величайшая гордость наша и Из истории русской революции (2 коллекции)	А. Гдалин	Ленинград	«
32 Великая Отечественная война 1941—1945 гг.	А. Лизарев	Гомель	«
33 Слава советскому народу — народу-победителю	В. Щербаков	Москва	«
34 Растущие крылья	В. Притула	Москва	«
35 Этого забывать нельзя	В. Соловьев	Одесса	«
36 Украина (история, промышленность и культура)	К. Щедрин	Луганск	«
37 Башкирия — ее прошлое и настоящее	П. Кирюхин Башкирская АССР	Стерлитамак	«
38 Великий путь	М. Пирожников	Москва	«
39 Советская авиация	К. Бабенко Латвийская ССР	Даугавпилс	«
40 СССР — пионер освоения космоса	М. Штемпель	Москва	«
41 СССР — пионер освоения космоса	А. Краснов Костромская обл.	Киржач	«
42 СССР — пионер освоения космоса	Е. Алексеев	Ленинград	«
43 СССР в космосе	Л. Машетов	Ленинград	«
44 Советский человек в космосе	Г. Деревянченко	Нахабино Моск. обл.	«
45 Человек Страны Советов покоряет космос	З. Абкин	Рига	«
46 Впервые в космосе женщина	О. Грубич	Минск	«
47 Писатели и поэты народов СССР и Великий русский поэт А. С. Пушкин (2 коллекции)	Е. Детилот	Одесса	«
48 Писатели моей Родины	Н. Колобашкин	Москва	«
49 Деятели науки на марках СССР	З. Альшиц	Москва	«
50 Государственная Третьяковская галерея и Государственный Русский музей (2 коллекции)	О. Беляев	Ленинград	«
51 Изобразительное искусство нашей Родины	А. Гужаловский	Минск	«
52 Крушение колониальной системы империализма в Африке	Б. Павлов	Ленинград	«
53 Борющийся Вьетнам	А. Горбачевич	Москва	«

среди медалистов немало новых имен. Многие дебютанты вышли в первую шеренгу, потеснив «старичков», экспозиции которых знакомы по предыдущим выставкам. Шире стала тематика, появились новые оригинальные темы, ранее не встречавшиеся на отечественных и зарубежных выставках. И все же темати-

ка коллекций, представленных на юбилейный смотр, к сожалению, далеко не полно раскрыла многообразие политической, экономической и культурной жизни нашей страны. Явно не хватало экспозиций: «СССР — многонациональное государство». «Профсоюзы — школа коммунизма» и др. Отсутствовали коллекции,

посвященные таким важным отраслям народного хозяйства, как металлургия, легкая промышленность, транспорт.

Наибольший интерес у большинства посетителей выставки вызвали коллекции, посвященные полувековому пути советского народа, его борьбе за построение коммунизма в нашей стране. В подавляющей части эти коллекции — фундаментальные собрания, с весьма глубокой разработкой темы. Самой высокой оценки заслуживают экспозиции горьковчанина В. Сегалья, москвича В. Муратова и рижанина В. Павловского. «Золотая» коллекция В. Сегалья встретилась на выставке с достойной соперницей — экспозицией члена жюри Х. Апсе (Рига), которая демонстрировалась вне конкурса. Оба филателиста поставили перед собой одну задачу — показать соответствующей подборкой советских почтовых марок важнейшие события в жизни нашего государства за 50 лет его существования. Но к решению этой задачи они подошли по-разному. В. Сегаль последовательно, в хронологическом порядке, отобразил в марках все знаменательные события. Х. Апсе поставил перед собой задачу — каждый год полувековой истории советского государства отразить на одном альбомном листе. Такое построение экспозиции, безусловно, создало большие трудности, ибо исторические события разных лет по-разному документированы почтовыми марками. В одних случаях приходилось из большого количества событий и филателистических материалов отбирать наиболее важные; в других — проявлять максимум находчивости, чтобы на листе, посвященном определенному году, не допустить «пустот». Рижский филателист успешно преодолел эти трудности.

Лениниана — любимая тема филателистов не только нашей страны. Впервые она выдвинута ленинградцами. В 1930 г. на Международной Филателистической выставке «ИПОСТА» (Берлин) активисты Северо-западного отдела Всероссийского общества филателистов показали коллективную тематическую коллекцию «В. И. Ленин». Это была скромная экспозиция, состоявшая всего из 27 марок и 4 франкированных почтовых карточек¹.

Коллекционеры-первооткрыватели ограничились лишь теми филателистическими материалами, на которых воспроизводились портреты Владимира Ильича. Жизнь и революционная деятельность В. И. Ленина — ученого, революционера, вождя Великой Октябрьской социалистической революции, создателя первого в мире социалистического государства — в коллекции не раскрывались, хотя накопившиеся к 1930 г. филателистические материалы вполне позволяли это сделать. Таким образом, коллективная работа СЗО ВОФ практически являлась сюжетной, портретной, а не тематической коллекцией в привычном для нашего времени представлении. Несмотря на это, мы высоко чтим скромную работу ленинградских филателистов как первую веху на пути создания филателистической ленинианы.

А этот путь был большим и сложным. Вспоминается первый вариант ленинианы москвича И. Збарского, которую он около 20 лет назад показал своим друзьям в Московском доме ученых. Это уже была настоящая тематическая коллекция, композиционно ограниченная подборкой материалов в строгом хронологическом порядке. Несомненно, для своего времени ее можно было отнести к числу лучших. В 1962 г. коллекция И. Збарского заняла первое место на филателистической выставке «Ленин и его идеи», проводившейся в Варшаве.

Прошло еще пять лет. И. Збарский плодотворно разрабатывает свою коллекцию. Но с каждым годом у него становится все больше и больше соперников. На юбилейной выставке демонстрировалось уже семь коллекций, посвященных В. И. Ленину. И золотая медаль присуждается впервые экспонируемой, прекрасно составленной и оформленной коллекции двух московских инженеров — А. Алтыкиса и С. Крепса. Описание этой интереснейшей коллекции заслуживает отдельной статьи. Очевидно, лучше всего это делают ее создатели.

Третья тематическая коллекция, удостоенная золотой медали юбилейной выставки, — «Полиграфия, книга, печать на почтовых марках» москвича М. Соколова. Автор проявил большое знание избранной темы и всего относящегося к

¹ А. А. Данциг и Н. И. Носилов. «Берлинская международная филателистическая выставка». «Советский коллекционер», 1930, № 10.

ней филателистического материала. Не ограничившись исследованием современного состояния полиграфического производства и издательского дела, М. Соколов уделил большое внимание истории развития письменности и книгопечатания.

Обширную тематическую коллекцию «История КПСС на марках СССР», содержащую 550 листов, экспонировал бакинский коллекционер Э. Айзенберг. Естественно, что на стендах была показана только небольшая ее часть.

Отличались профессиональной глубиной разработки производственной тематики коллекции москвича В. Шполянского «Развитие сельскохозяйственной техники СССР», харьковчанина А. Терещенко «Радиоэлектроника — основа технического прогресса» и филателиста из Донецка В. Иванова «Горное дело в странах социализма».

Среди немногочисленных экспозиций, посвященных достижениям отдельных республик и экономических районов страны, интересна по теме и филателистической разработке коллективная коллекция свердловских филателистов Г. Саитова и А. Воробьева «Урал (революционное движение, гражданская война, города и люди)». К сожалению, авторы только коснулись богатой темы. Больше инициативы проявил П. Кирюхин из Стерлитамака. Его коллекция «Башкирия — ее прошлое и настоящее» — вдохновенный труд энтузиаста-краеведа, влюбленного в свой край и хорошо его изучившего. Невелика Башкирия, однако посвященная ей коллекция П. Кирюхина значительно полнее экспозиции его уральских коллег. Стоит особо отметить такие ее детали, как использование земских почтовых марок в качестве материала, иллюстрирующего дореволюционную экономику Башкирии, отображение современных зарубежных связей республики — экспорта промышленной продукции в страны всех континентов земного шара. Коллекция П. Кирюхина — наглядный пример огромных возможностей, которые предоставляет каждому филателисту местная, краеведческая тематика. Об этих возможностях следует повести серьезный разговор в республиканских, областных и крупнейших городских отделениях ВОФ. Сибирь, Дальний Восток, Среднеазиатские республики, Кубань, Донбасс и другие

районы нашего необъятного государства ждут своих филателистических описаний.

Возвращаясь к коллекции П. Кирюхина, важно отметить, что она вполне могла заслужить более высокую оценку (жюри присудило ей бронзовую медаль), если бы была лучше оформлена. Слабым ее местом является также помещение автором на некоторых листах одновременно чистых и гашеных марок.

Большое место в разделе тематических коллекций заняли на юбилейной выставке собрания, посвященные Советской армии — ее истории, развитию, победам, героям гражданской и отечественной войн, героям антифашистской и национально-освободительной борьбы. Не скроем, что некоторые коллекции на эту тему дублировали и в какой-то мере даже копировали друг друга. Вместе с тем многие авторы проявили ярко индивидуальный подход к раскрытию тем, показали свой собственный «почерк», что особенно важно в тематическом коллекционировании.

Нельзя не остановиться на экспозиции рижанина Я. Сморгонского «Хотят ли русские войны?». Коллекция посвящена миролюбивой политике Советского Союза. В раскрытии этой важной темы автор пошел по совершенно новому, оригинальному пути. Чтобы отразить вклад советских людей в дело мира во всем мире, он проиллюстрировал почтовыми марками широко известную песню на слова Е. Евтушенко. Каждый лист оригинальной коллекции отведен отдельной строке песни.

Составление коллекции осложнялось тем, что отдельные строки песни, в частности слова «Хотят ли русские войны», неоднократно повторяются. И перед Я. Сморгонским стояла трудная задача — для каждой строки-страницы найти оригинальный филателистический материал, притом такой, который наиболее точно соответствовал бы замыслу поэта. С такой трудной задачей коллекционер, на наш взгляд, успешно справился. Так, например, первую строку песни он иллюстрировал почтовыми марками антивоенной серии выпуска 1935 г. и другими марками, наглядно показывающими ужасы войны. А при повторении тех же слов филателист отвечает на вопрос, поставленный поэтом, марками, отражающими мирный труд советских людей, их миро-

любимую политику. И при этом каждый раз автор придает одним и тем же словам песни разный «филателистический рисунок». В этом большое достоинство разработки темы.

Нам приходилось наблюдать, как многие посетители выставки записывали содержание каждой страницы интересной коллекции Я. Сморгонского. Очевидно, предложенный им новый подход к разработке филателистической темы найдет своих последователей. Следует только пожелать, чтобы будущие экспоненты не копировали коллекцию рижанина, не повторяли ее, а творчески использовали интересную идею при разработке новых тем. И каждый из нас будет рад видеть на будущих выставках хорошо выполненные филателистические иллюстрации других любимых народом песен. Более того, мы порекомендовали бы президиуму Правления ВОФ объявить международный конкурс на коллекцию-иллюстрацию партийного гимна «Интернационал». Лучшие из этих коллекций можно было бы показать на предстоящей всесоюзной филателистической выставке, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

В том же разделе были широко представлены коллекции, посвященные достижениям советского народа в разных областях науки и культуры. Нет необходимости останавливаться на таких излюбленных филателистами темах, как освоение космоса или развитие советского спорта. Особенности оформления коллекций на космическую и спортивную тематику хорошо знакомы по многим выставкам.

К числу излюбленных филателистами можно отнести и литературные темы. Мы можем с удовольствием назвать львовского филателиста В. Джавала (жюри присудило ему серебряную медаль), показавшего обстоятельно разработанную коллекцию «Жизнь и творчество Т. Г. Шевченко». Но где же коллекции, посвященные классикам советской литературы, в частности М. Горькому, и В. Маяковскому, в память которых неоднократно выпускались почтовые марки как в нашей стране, так и за рубежом? Помимо портретных марок, можно собрать богатый филателистический материал, иллюстрирующий места, где они жили и работали, а также отдельные их

произведения, события, активными участниками которых они были.

...Итак, первое резюме: всемерно расширять тематику коллекций, глубже, полнее и разностороннее разрабатывать темы, вносить собственный индивидуальный «почерк» в каждую из них — таковы основные задачи дальнейшего развития тематического коллекционирования.

Возможности для этого у советских филателистов большие. Свыше 3700 советских почтовых марок, дополняемые марками зарубежных государств, — обильный материал для расширения тематики.

Новая тема отнюдь не означает необходимости начинать все заново. Как правило, большинство тематических коллекций комплектуется на базе хронологических. Каждая такая коллекция представляет тот минимум материала, который необходим создателю тематического собрания. Далее, при разработке темы от него требуется сугубо индивидуальный, творческий подход. Начинать разработку темы, как говорится, на голом месте, одновременно с изучением азов филателии — конечно, гораздо труднее. Поэтому молодому филателисту следует начать с создания мотивной коллекции, а затем, со временем, после накопления необходимых филателистических знаний, изучения всех прежних выпусков отечественных и иностранных марок переходить к тематическому коллекционированию.

Одновременно с детальной разработкой содержания темы, максимальным насыщением ее филателистическими материалами не следует забывать и о почтовой разработке — подборке конвертов с различными гашениями — первого дня, специальными памятными, нанесенными почтовыми учреждениями, расположенными в местах, связанных с событиями и деятелями, которым посвящены марки, и т. п.

Индивидуального, творческого подхода требует не только тематическая филателия, но и собирание генеральных, специализированных и исследовательских коллекций.

В этом отношении полезно напомнить филателистам приведенное в проспекте выставки «50 лет Октября» высказывание итальянского поэта лауреата Нобелевской премии Сальваторе Квазимодо: «Кроме ценности, которую марка приобретает с течением времени благодаря своей редкости, необходимо принимать во внимание

вание и ее историческую «систематизацию» так же, как у художественного произведения».

Именно историческая «систематизация» — отличительная особенность каждой генеральной коллекции. Эта систематизация сама по себе представляет разработку коллекции в историческом плане. Располагая в своих альбомах почтовые марки в хронологическом порядке, автор генеральной коллекции создает филателистическую иллюстрацию исторических событий, отраженных в выпусках марок.

Масштабы генеральной коллекции могут быть различными. Можно ограничиться собиранием основных серий марок без подразделения по зубцовке, бумаге, водяным знакам и другим разновидностям. Вместе с тем коллекцию можно безгранично расширять, детально подбирая разновидности марок каждого выпуска, дополняя их письмами и другими видами почтовой корреспонденции, штемпелями гашения, проектами, пробями, образцами и т. д.

Именно масштабы генеральной коллекции определяют ее творческую направленность. Коллекция без разновидностей — это первая ступень, ограниченная познанием рисунков, цветов и номиналов марок основных выпусков. На этой ступени творческие искания филателиста не идут далее предначертанного каталогом или иллюстрированным альбомом, который удалось приобрести для размещения коллекции.

Как только у филателиста появится интерес к разновидностям почтовых марок, начинается вторая ступень коллекционирования. Здесь появляются более широкие возможности для творчества. Отсюда уже недалеко до исследовательской коллекции.

Хорошей иллюстрацией перехода генеральной коллекции в исследовательскую может служить одна деталь в экспонированном на выставке собрании москвича В. Устиновского «Почтовые марки РСФСР». В этом собрании, наряду с основными марками выпуска «РСФСР годовым» и их многочисленными разновидностями, имеется конверт, франкированный этими марками. Дата штемпеля отправления на конверте — «25.1.1922» — не совпадает с указанием каталога ГФК о выпуске указанных марок

Диплом в ранге серебряной медали и медаль, которыми редколлегия сборника «Советский коллекционер» награждена за пропаганду филателии на Всесоюзной филателистической выставке «50 лет Октября».

в феврале 1922 г. Таким образом, конверт дает полное основание исправить ошибку, допущенную составителями каталога.

Мы допустили это небольшое отклонение от темы, чтобы показать, что творческий подход к раскрытию основного замысла присущ не только авторам тематических коллекций. Не в меньшей мере он обязателен и для создателей генеральных коллекций, не говоря уже о специализированных и исследовательских собраниях.

К таким выводам мы пришли на основе анализа лучших коллекций, демонст-

рировавшихся на юбилейной выставке. Поскольку критический разбор этих коллекций уже был в филателистической печати, ограничимся перечнем экспозиций, отмеченных медалями юбилейной выставки (табл. 3).

Небольшое количество экспонировавшихся генеральных, специальных и исследовательских коллекций (22 экспозиции в конкурсном классе) нельзя рассматривать как признак падения интереса к хронологическому коллекционированию. Объяснение этому надо искать, с одной стороны, в недостаточной организационной работе многих местных отде-

ТАБЛИЦА 3

Генеральные, специализированные и исследовательские коллекции, награжденные медалями

№ пп.	Названия коллекций	Составители	Город	Награды
1	Генеральная коллекция марок СССР	К. Васильев	Таллин	Золотая медаль и приз Министерства связи СССР
2	Фрагмент из генеральной коллекции марок СССР	С. Блехман	Москва	Золотая медаль
3	Фрагмент из генеральной коллекции марок СССР (почтовые марки РСФСР)	И. Морозов	Одесса	То же
4	Фрагмент из генеральной коллекции марок СССР (1923—1940 гг.)	О. Форафонов	Москва	«
5	Почтовые марки РСФСР	В. Устиновский	Москва	«
6	Почтовые марки Советского Туркестана	Он же		Серебряная медаль и приз
7	Стандартные выпуски почтовых марок РСФСР и СССР	М. Айзен	Одесса	Серебряная медаль
8	Марки Советской Грузии	В. Котлов	Баку	То же
9	Вооруженные силы СССР на почтовых марках	К. Киселев	Москва	«
10	Советские спецгашения 1922—1956 гг.	Н. Робцер	Москва	«
11	Как печатаются советские марки	Ю. Фрейдлин	Ленинград	«
12	Авиапочта ССР	В. Белкин	Свердловск	Бронзовая медаль и приз Министерства гражданской авиации
13	Почтовые спецгашения СССР за 1965—1966 гг.	А. Азарх	Москва	Бронзовая медаль
14	Марки Дальне-Восточной Республики	Г. Вартен	Минск	«
15	50 лет почты СССР	В. Барышев	Москва	«
16	Знаки почтовой оплаты первых лет Советской власти	В. Белкин	Ленинград	«
17	Почтовые марки по рисункам художника И. И. Дубасова	Н. Щеголев	Саратов	«

лений ВОФ, и, с другой стороны, в излишнем преклонении некоторых филателистов перед коллекциями лауреатов прежних отечественных и зарубежных выставок. Все это, к сожалению, ослабило отдельные разделы советской филателии. В частности, на украинские отделения ВОФ ложится вина за отсутствие генеральных коллекций почтовых марок Украины. Ереванское и Тбилисское отделения ВОФ вообще не приняли участия в юбилейной выставке.

На стендах выставки очень подробно были представлены марки РСФСР и СССР довоенного периода. Выпуски 1941—1967 гг. довелось увидеть только в коллекциях одессита М. Айзена и москвича К. Киселева, и то лишь стандартные марки и серии, посвященные Советской Армии. Таким образом, на выставке отсутствовала добрая половина отечественных почтовых марок. А ведь многие выпуски этого периода не только чрезвычайно интересны и важны по сюжетам своих рисунков. Они отличаются большим количеством разновидностей по зубцовке, бумаге, размерам рисунков, способам печати. К тому же из-за длительного перерыва в издании филателистической литературы этот период советской филателии, весьма обильный по выпуску марок, освещен очень слабо. Здесь огромное поле деятельности для исследователей, которые вряду с самостоятельной разработкой нуждаются в ознакомлении с материалами, имеющимися в коллекциях их многочисленных коллег.

И выставки — лучшее средство для такого ознакомления. Что упустит один филателист и даже постоянно общающиеся друг с другом филателисты одного отделения, одного клуба, то может быть восполнено коллективными усилиями всей филателистической общественности.

...Итак, еще одно резюме: на выставках нужно экспонировать не только хронологические коллекции довоенных советских марок, многие из которых теперь относятся к числу классических и трудно доступных. В равной мере необходимо привлекать генеральные, специализированные и исследовательские коллекции отечественных почтовых марок, издававшихся в сороковых — шестидесятых годах, всерьезно поощрять их исследования.

В заключение — о литературных экспонатах выставки.

Еще несколько лет назад любая публикация на филателистическую тему — будь то популярная статья, бесхитростно пропагандирующая пользу коллекционирования, или очередной каталог почтовых марок — рассматривалась как большое событие. Теперь положение несколько изменилось. В нашей стране ежегодно выпускается несколько книг и брошюр по филателии, издается филателистический журнал, выходит сборник «Советский коллекционер». Регулярно публикуют статьи и очерки по филателии журналы «Молодая гвардия», «Новая и новейшая история», «Авиация и космонавтика» и многие другие. Уже не приходится жаловаться на отсутствие филателистической литературы — она появилась. В то же время она далеко не полностью удовлетворяет возросшие запросы советских коллекционеров. И это естественно — отечественная филателистическая литература еще переживает период становления, сопряженный с выявлением читательских интересов, подбором кадров квалифицированных авторов, особенно исследователей, рецензентов, редакторов. Особенности переживаемого периода становления отразились в тех 14 экспонатах, которыми филателистическая литература была представлена на выставке.

Высшую оценку по классу литературы — золотую медаль — жюри присудило ленинградскому автору В. Карлинскому за исследование «Почтовые марки РСФСР 1918—1921 гг.» и «Советские почтовые тарифы 1917—1967 гг.», опубликованные в сборнике «Советский коллекционер» и журнале «Филателия СССР».

Сборнику «Советский коллекционер» и журналу «Филателия СССР» присуждены серебряные медали. Бронзовых медалей удостоены книги Е. Сашенкова и М. Левина «Филателия под знаком пяти колец», М. Арлазорова «Вам письмо». Наряду с книгой-справочником Л. Лепешинского «Филателистическая география» почетным дипломом оценено произведение особого жанра — сборник телевизионных сценариев по филателии, составленный О. Фининым для киевской телестудии.

Советские филателисты на иностранных выставках

за коллекции московских и ленинградских филателистов. Создается впечатление, что Московское и Ленинградское отделения ВОФ и объединяемые ими коллекционеры — это наиболее активные участники международных филателистических выставок. Однако такой вывод был бы поспешным и неверным. Московское отделение, охватывающее 6475 членов Общества, представило на выставку «50 лет Красного Октября» всего 14 коллекций, а Ленинградское отделение, объединяющее без малого 3000 филателистов, — 9. Между тем Рижское отделение, насчитывающее всего 915 членов, представило для обозрения 4 коллекции, а Бакинское отделение, в котором всего 350 филателистов, — 7 коллекций. При этом коллекции рижан и бакинцев были награждены медалями все без исключения, а из московских коллекций наград были удостоены только 75% и ленинградских — половина. При таком анализе результатов участия советских коллекционеров на иностранных филателистических выставках в 1967 г. нельзя не прийти к заключению, что правления Московского и Ленинградского отделений ВОФ, объединяющие большое число квалифицированных филателистов — обладателей прекрасных коллекций, недостаточно активно привлекают своих членов к участию в международных выставках.

В 1968 г. на Всемирной выставке «Прага—1968» все коллекции, представленные советскими филателистами, были награждены медалями, а пять коллекционеров получили специальные призы. Впервые коллекция советского филателиста была удостоена на Всемирной выставке большой золотой медали. Обладателем ее стал москвич С. М. Влехман.

Дипломами в ранге серебряной медали награждены по классу филателистической литературы редакционные коллеги журнала «Филателия СССР» и сборника «Советский коллекционер». (см. стр. 163)

На международной филателистической выставке «Тематика, Познань — 1968» из представленных советскими филателистами 33 коллекций были награждены медалями 23 работы. Остальные были отмечены дипломами. Бронзовой медали удостоен сборник «Советский коллекционер». (см. стр. 163)

В 1967 г. советские филателисты впервые показали свои коллекции на очередной выставке Международной организации аэрофилателистов (ФИСА) — «АЭРО-ФИЛА-67», состоявшейся в сентябре в столице Венгерской Народной Республики — Будапеште. Из представленных по конкурсному классу 26 коллекций 16 награждены медалями, в том числе одной — серебряно-позолоченной, шестью посеребренными и девятью бронзовыми.

В октябре того же года в Германской Демократической Республике, в городе Карл-Маркс-Штадте, была проведена филателистическая выставка, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции — «50 лет Красного Октября». Приглашенное к участию в выставке Всесоюзное филателистическое общество (ВОФ) представило по конкурсному классу 37 работ советских коллекционеров. Из них 28 были отмечены медалями, в том числе двумя золотыми и одной позолоченной. Кроме того, 8 советских участников выставки были награждены специальными призами.

На обеих выставках более половины общего числа медалей было присуждено

ПОЧТОВЫЕ МАРКИ СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

С. САЛТЫКОВ

18 ОКТЯБРЯ 1921 г. Президиум Совнаркома Армянской ССР утвердил новые тарифы на пересылку внутренней (только в пределах Армянской ССР) почтовой корреспонденции [1]¹. Они были опубликованы 27 октября [2]. Оплата за пересылку простых писем (которые до того пересылались бесплатно) устанавливалась в 1000 руб. за первые 20 граммов и 500 руб. за последующие, за заказ — 1000 руб., за первые 50 граммов бандерольных отправлений — 400 руб. и за последующие — 300 руб. и т. д.

Отсутствие почтовых марок создавало большие неудобства. Вместо того чтобы опустить простое письмо в почтовый ящик, приходилось сдавать его лично через почтовое окошко для оплаты наличными деньгами. Наркомпочтель Армении пытался изготовить знаки почтовой оплаты, соответствующие новым тарифам. В Эривани не оказалось соответствующей полиграфической базы, и литографский камень был

заказан в Тифлисе. Однако выполнение заказа затянулось, и Наркомпочтелю пришлось подтвердить циркулярной телеграммой № 299:

«впредь до выпуска новых марок продолжается существующий порядок приема и отправления простых писем точка 29 ноября 1921 г.» [3].

В самом конце 1921 г. Наркомпочтель Армении получил тираж двух серий почтовых марок оригинальных рисунков, напечатанных в Константинополе (Стамбуле). Первая состояла из 16 перфорированных и беззубцовых марок с номиналами от 1 до 25 000 руб. (№№ 01—034 по «Описанию почтовых марок Армянской ССР», публикуемому в конце этой статьи). Вторая серия состояла из 16 марок с номиналами от 100 до 20 000 руб., без зубцов (№№ 035—050). Обе серии напечатаны литографским способом на белой бумаге.

Обратите внимание на градацию номиналов марок обеих серий. Она совершенно

Оценки. См. «Советский коллекционер», вып. 5, 1967.

¹ Здесь и далее цифры в скобках обозначают ссылки на источники.

произвольна и явно не соответствует действовавшим в то время в Советской Армении почтовым тарифам. Это обстоятельство и определило их судьбу. Несмотря на острую потребность в знаках почтовой оплаты, Наркомпочтель Армении так и не смог использовать большинство константинопольских марок для почтового обращения.

Единственным, обнаруженным нами, источником, который датирует получение константинопольских марок октябрем 1921 г., является уже цитированная книга, посвященная 5-летию Советской Армении [4]. Каталог под ред. Ф. Чучина датирует обе серии январем 1922 г., что нам кажется более близким к истине. Действительно, до января 1922 г. никаких упоминаний об этих марках в архивных материалах не обнаружено. Текст приведенного ниже протокола от 9 января 1922 г., в котором эти марки впервые упоминаются, также свидетельствует о том, что они получены незадолго до этой даты и еще не поступили в Эриванскую почтово-телеграфную контору, на которую было возложено снабжение знаками почтовой оплаты всех учреждений связи Республики.

Тем временем тарифы, введенные 18 октября 1921 г., были заменены новыми, утвержденными 5 января 1922 г. Экономсовещанием Совнаркома Армянской ССР [5]. К сожалению, сами тарифы ни в архивных материалах, ни в газетных публикациях пока обнаружить не удалось.

Первое решение о порядке использования новых марок было принято специальной Комиссией Наркомпочтеля:

«ПРОТОКОЛ

1922 г. января 9 дня комиссия... выслушав доклад начпочтотдела о необходимости оплаты простых писем марками постановила: простую почтовую корреспонденцию оплатить имеющимися у Наркомпочтеля новыми советскими марками 25 руб. достоинства, повысив их достоинство до 1500 руб. Все марки послать на хранение Наконту Эриванской, поручив ему снабдить потель учреждения Армении означенными марками.

Члены комиссии (подписи)» [6].

В тексте протокола вместо слова «повысив» первоначально было написано «наложив», но зачеркнуто и исправлено на «повысив».

Таким образом, первым выпуском почтовых марок Армянской ССР является марка 25-рублевого номинала с рисунком рельефа птицы с женским лицом, зелено-вато-серого цвета (№ 022). Она условно была переоценена в новое достоинство — 1500 руб. и использована для оплаты простых писем. Эта марка находилась в обращении до середины апреля 1922 г. На этих марках встречается надпись от руки красными чернилами армянской буквы «к» (копейка). Действительно, судя по отношению № 345 Наркомпочтеля от 28 февраля 1922 г. [7], курс довоенного рубля тогда был равен 150 000 руб. дензнаками, т. е. тариф 1500 руб. соответствовал 1 коп.

Остальные 15 марок первого константинопольского издания (с зубцами и без зубцов) без надпечаток в почтовом обращении не были. Приводимая в каталоге под ред. Ф. Чучина и в граничных каталогах расценка гашеных марок этого издания является недоразумением. Изредка эти марки встречаются гашеными, но они погашены либо по недосмотру (будучи наклеены рядом с курсировавшими марками), либо по просьбе филателистов.

* *

Быстрое падение курса бумажных денег побудило Наркомпочтель Армянской ССР ввести новые тарифы в золотой валюте. Они были утверждены Президиумом Совнаркома Армянской ССР 22 февраля и подлежали введению в Эривани с 24 февраля, а в районах Армении с 1 марта 1922 г. [8]. Введение тарифов, однако, задержалось, по-видимому, из-за необходимости переоценки марок путем наложения надпечаток новой стоимости в золотой валюте. Фактически эти тарифы были введены только 13 апреля, а опубликованы 15 апреля 1922 г. [9]. Стоимость пересылки местного закрытого письма была установлена в 2 коп., иногороднего письма в пределах Закавказских республик — 4 коп., письма в Советскую Россию — 5 коп., за заказ — 4 коп., за бандероль весом до 50 граммов — 1 коп. и т. д. В соответствии с этими тарифами была произведена надпечатка новой стоимости на марках первой константинопольской серии.

13 апреля 1922 г. газета «Хорурданн Айастан» («Советская Армения») помести-

да официальное объявление Наркомпочтеля о новом, втором, выпуске почтовых марок Армянской ССР, которые «продаются во всех почтово-телеграфных учреждениях» Республики. Выпуск состоит из марок первой константинопольской серии с зубцами и без зубцов с надпечаткой новой стоимости в золотой валюте — 1, 2, 3, 4, 5, 10, 15, 20, 35 и 50 коп. (№№ 2—28). Судя по филателистическому материалу, самой ранней датой гашения марок второго выпуска является 12 апреля 1922 г.

13 апреля 1922 г. Наркомпочтель Армянской ССР опубликовал сообщение, что по его сведениям «в Константинополе и на других заграничных рынках появились почтовые марки С.С.Р.А». Поскольку марки не были выпущены в почтовое обращение, «Комиссариат сообщает, что это сделано со злоумышленной целью отдельными безответственными личностями, которые будут выявлены и привлечены к ответственности... Комиссариат почт-телеграфов утвердил и разрешил к обращению почтовые марки следующих достоинств: 1 р., 2 р., 3 р., 25 р., 50 р., 100 р., 250 р., 500 р., 20 000 р. и 25 000 р., (с надпечатками новой стоимости — С. С.), а почтовые марки достоинством 5 р., 1000 р., 2000 р., 5000р., 10 000 р. и 15 000 р. будут уничтожены» [10].

Накануне появления этого сообщения в газете, 12 апреля 1922 г., нарком почт и телеграфов Армянской ССР послал экономпредставителю Армении в Тифлисе телеграмму за № 282:

«По полученным сведениям в Тифлисе продаются новые почтовые марки Армении изданные в Константинополе. Марки нами не выпущены в продажу, очевидно злоупотребление, прошу... выяснить кем продаются и сообщить» [11].

Приведенные документы проливают некоторый свет на историю появления константинопольских серий почтовых марок Армянской ССР. Каталог под ред. Ф. Чучина утверждает, что первая серия из 16 марок с зубцами и без зубцов (№№ 01—034) напечатана по заказу Армянской ССР в Константинополе, в частной типографии, которая, согласно условию, имела право на получение 40% всего выпуска для продажи вне пределов Армянской ССР. Однако появление этих марок на константинопольском рынке явилось полной неожиданностью для Наркомпочтеля Республики. Следовательно, марки были заказаны без ведома Наркомпочтеля и правительства Армянской ССР.

Ряд косвенных данных убеждает нас в том, что заказ сделан художником Саркисом Хачатряном, который был командирован в Константинополь 19 августа 1921 г. Наркоминделом Армянской ССР для организации 6-й выставки Союза художников Армении.

Саркис Хачатрян (1886—1947) — известный художник. Его картины экспонируются в крупнейших музеях и картинных галереях Европы и Америки. По свидетельству Ваана Малезяна, армянского поэта, постоянного жившего во Франции, Саркис Хачатрян является автором рисунков почтовых марок Советской Армении, печатавшихся в Константинополе в 1921 г. На это есть указание в богатой коллекции марок Армении, подаренной В. Малезяном Государственному историческому музею Армянской ССР в Ереване. В этой коллекции широко представлены пробные марки Советской Армении константинопольского издания.

С. Хачатрян располагал мандатом Наркомпочтеля Армянской ССР, согласно которому он был уполномочен «вести переговоры с частными, общественными и государственными учреждениями о продаже почтовых марок и приобретении почтово-телеграфных материалов». Естественно предположить, что, зная о потребности Наркомпочтеля Армянской ССР в новых почтовых марках и используя свой мандат, С. Хачатрян по собственной инициативе заказал две серии марок по своим рисункам одной из частных типографий Константинополя. При этом он несколько превысил свои полномочия, поскольку в его мандате сказано, что «окончательные условия утверждаются в Эривани Наркомом почт-телеграфов».

Хотя приведенные выше соображения об авторстве С. Хачатряна и его инициативе в организации печатания первых марок Советской Армении весьма правдоподобны, желательно, разумеется, их подтверждение документальными данными.

* * *

В начале 1922 г. в Армении, по примеру РСФСР и Азербайджанской ССР, была выпущена серия почтово-благотворительных марок в пользу голодающих. Основанием для этого выпуска послужило постановление ЦИК Армянской ССР от 14 марта 1922 г., в котором говорилось:

«1. В пользу голодающих Армении выпустить почтовые марки в золотой валюте следующих достоинств: 1 к., 2 к., 3 к., 4 к., 5 к., 10 к., 15 к., 20 к.

2. Все почтовые отправления подвергать дополнительному сбору в пользу голодающих в размере 50 процентов стоимости почтового тарифа.

Государственные, общественные и благотворительные учреждения освобождаются от этой оплаты...

4. Возложить обязанности по продаже почтовых марок и взиманию сборов на почтово-телеграфные учреждения...» [12].

Из текста постановления нельзя заключить, оплачивался ли этими марками только дополнительный 50-процентный сбор в пользу голодающих или также и основной почтовый тариф. Изучение цельных вещей показывает, что имел место второй вариант. Найдены старые письма и переводные бланки, оплаченные марками второго выпуска и выпуска в пользу голодающих в самых разнообразных соотношениях сумм, вплоть до оплаты только марками в пользу голодающих. Следовательно, марки этого выпуска, безусловно, являются **почтово-благотворительными**.

Однако 14 марта 1922 г. нельзя принять как дату фактического выпуска в обращение серии в пользу голодающих. Само постановление было опубликовано только 25 марта 1922 г. Номиналы марок в золотой валюте соответствуют тарифам от 22 февраля, которые были опубликованы только 15 апреля, а фактически введены 13 апреля 1922 г. Ясно, что раньше этой даты, т. е. до выпуска в обращение марок основной серии, марки в пользу голодающих не могли быть выпущены в обращение. Каталог под ред. Ф. Чучина датирует эту серию маем 1922 г.

С достаточной уверенностью можно полагать, что серия в пользу голодающих фактически поступила в обращение несколько позже серии марок второго вы-

пуска или, в крайнем случае, одновременно с нею. Таким образом, серия в пользу голодающих является третьим выпуском почтовых марок Советской Армении. Он состоит из 10 марок второго константинопольского издания (№№ 037—046) с надпечаткой новой стоимости в золотой валюте — 1, 2, 3, 4, 5, 10, 15 и 20 коп. (№№ 29—39).

Насколько нам известно, до сих пор в филателистической литературе не было отмечено, что эта серия почтовых марок Советской Армении выпущена в пользу голодающих.

Почтовые марки второго и третьего выпусков находились в обращении дольше других — с середины апреля 1922 г. до конца мая 1923 г.

Здесь уместно упомянуть, что 29 июня 1922 г. Наркомпочтель Армянской ССР разослал циркулярную телеграмму, предлагающую строго придерживаться обязательной оплаты почтовыми знаками корреспонденции, адресованной за границу [13]. Опущенные в почтовые ящики не оплаченные марками письма предлагалось по возможности возвращать отправителям с указанием причины возврата. На корреспонденцию, адресованную в Персию (Иран) и в другие страны, были установлены временные тарифы. Эта циркулярная телеграмма подтверждает, что почтовые марки Советской Армении курсировали не только в Закавказских республиках и Советской России, но и применялись для оплаты заграничной корреспонденции, т. е. **полностью соответствовали статусу государственных знаков почтовой оплаты**.

В 1922 г. при Наркомфине Армянской ССР было создано Управление Гознак. 24 мая 1922 г. Президиум Совнаркома Армянской ССР постановил «разрешить Народному Комиссариату Финансов начать печатание марок» [14]. Это решение было, по-видимому, обусловлено стремлением использовать готовые печатные формы (литографские камни), в свое время заказанные в Тифлисе, но полученные только в середине января 1922 г. [15]. Готовые марки были переданы Наркомпочтелю Армянской ССР двумя партиями — 14 и 27 октября 1922 г. [16]. Это была первая серия знаков почтовой оплаты Армян-

ской ССР, напечатанная в Эривани. Она находилась в производстве почти год, в течение которого почтовые тарифы неоднократно менялись. В результате номиналы ее марок оказались не соответствующими действующим тарифам. По этой причине серия не могла быть и не была выпущена в обращение. Однако несколько позже марки были все же использованы, но только в качестве провизорий.

Третье (эриванское) издание знаков почтовой оплаты Армянской ССР состоит из десяти перфорированных марок оригинальных рисунков достоинством от 50 до 10 000 руб., изготовленных литографским способом в две краски (№№ 051—060).

* * *

Между тем в почтовом обращении ощущался недостаток марок низких номиналов. Наркомпочтель восполнил его выпуском новых провизорий. На марках первого константинопольского издания и на провизориях высоких номиналов (15, 20 и 35 коп.) второго выпуска были сделаны три надпечатки: 1, 2 и 3 коп. (№№ 40—58). Точную дату четвертого выпуска почтовых марок Армянской ССР установить не удалось. В каталоге под ред. Ф. Чучина он датирован январем 1923 г. Возможно, что марки этого выпуска выходили разновременно.

В начале 1922 г. (12 марта) была создана Закавказская Федерация Социалистических Советских Республик Азербайджана, Армении и Грузии, преобразованная 13 декабря того же года в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР). Поскольку в соответствии с союзным договором народные комиссариаты почт и телеграфов должны были объединиться в Закавказский народный комиссариат почт и телеграфов (Закнаркомпочтель), ЦИК Армянской ССР принял 6 сентября 1922 г. решение о ликвидации Наркомпочтеля Армянской ССР [17], но он продолжал фактически функционировать до конца 1922 г.

Постановлением № 24 Совета Народных Комиссаров Армянской ССР от 16 ноября 1922 г. было решено «вести в действие Закавказский почтово-телеграфный тариф» [18] в общей для всех Закавказских республик валюте — рублях (в закавказских бонах, декрет о выпуске которых опубликован 10 января 1923 г.). Потребовался

новый, пятый по счету и последний, выпуск знаков почтовой оплаты Армянской ССР. Аналогичные выпуски появились во второй половине 1923 г. также в Азербайджанской ССР и Грузинской ССР.

Пятый выпуск почтовых марок Армянской ССР состоит из 10 марок третьего (эриванского) издания (№№ 051—060) с надпечатками нового достоинства от 10 000 до 500 000 руб. (№№ 59—83). Точную дату фактического выпуска в обращение марок этой серии установить по документальным данным пока не удалось. Каталог под ред. Ф. Чучина датирует его февралем — маем 1923 г., однако филателистический материал эту дату не подтверждает. Марки второго, третьего и четвертого выпусков встречаются с датами гашения до конца мая 1923 г., а марки пятого выпуска имеют даты гашения начиная с июня 1923 г. Вероятной датой, подлежащей уточнению, является конец мая или начало июня 1923 г.

Марки пятого выпуска курсировали до сентября 1923 г. — до поступления в обращение почтовых марок ЗСФСР. В начале 1924 г. их заменили первые общегосударственные почтовые марки СССР — «золотой стандарт».

* * *

Заканчивая краткую историю почтовых эмиссий Советской Армении, мы переходим к их описанию. Заботясь о хронологической последовательности изданий и выпусков, а также о правильной классификации всего, уже известного филателистам коллекционного материала, мы сочли необходимым включить в описание как выпущенные, так и невыпущенные в обращение почтовые марки Армянской ССР. Изданные, но не выпущенные в обращение серии именуется «изданиями» (два константинопольских и одно эриванское), и для их марок введена самостоятельная нумерация с нулем впереди (01—034, 035—050 и 051—060). Выпущенные в обращение и курсировавшие знаки почтовой оплаты именуется «выпусками». Всего их было пять. В описании им присвоена собственная порядковая нумерация (1, 2—28, 29—39, 40—58, 59—83).

В описание включены, за единичными исключениями, только те разновидности, существование которых подтверждено филателистическим материалом, который был

доступен автору. Не включены разновидности, являющиеся следствием небрежности или ошибки, т. е. типичный полиграфический брак: пропуск перфорации, сдвиг краски, пропуск надпечаток, двойные надпечатки, ошибочные надпечатки с исправлениями от руки и т. п.

Все изображения марок даны в масштабе 3/4, а надпечаток — в натуральную величину. Поскольку форма надпечатки, производимой вручную, меняется в зависимости от силы и направления нажима, количества краски, чистоты штемпеля и т. п., за основу брались наиболее четкие надпечатки, выбранные из большого количества однотипных марок.

Все марки Советской Армении без надпечаток были фальсифицированы за границей. По краске, бумаге, перфорации, клею и деталям рисунка фальсификаты легко отличить от настоящих. Более опасны для коллекционеров настоящие марки с фальшивыми надпечатками, но и они распознаются без особого труда, так как форма цифр фальшивых надпечаток, как правило, заметно отличается от настоящих.

Марки Советской Армении оригинальных рисунков без надпечаток в почтовом обращении не были (кроме № 1). Поэтому, почти как правило, фальшивые надпечатки делаются на чистых марках, и наличие гашения штемпелем того времени является хорошей гарантией подлинности марки. Следует отметить, однако, что иногда фальшивый штемпель аккуратно накладывается на настоящий, чтобы превратить гашеную марку в редкую разновидность.

Приводим список основных почтовых штемпелей, которыми гасились марки Советской Армении в 1922—1923 гг. Все эти штемпеля являются дореволюционными. Их надписи сделаны на русском языке по

старой орфографии, с обозначением даты арабскими цифрами. В скобках приведены современные названия населенных пунктов; числа обозначают диаметр штемпеля в миллиметрах.

1. Александрополь (Лениванкан), 28
2. Аллаверды Тифл. (Алаверди), 29
3. Аштарак Эрив., 25
4. Басаргечар Эрив., 25
5. Воронцовка Тифл., 26
6. Гирюсы Елисавет. (Горис), 28
7. Делижан Елисавет. (Дилижан), 28
8. Джелаль Оглы Тифл. (Степанаван), 26
9. Джульфа, 29
10. Джульфа овальной формы
11. Еленовка Эрив. (Севан), 24
12. Камарлю Эриван. (Камарлу), 28
13. Каравансарай Елис., 26
14. Караклис Эрив. (Кировакан), 28
15. Каранлуг Эрив. (Мартуни), 24
16. Кешишкенд Эрив. (Ехевнадзор), 28
17. Михайловка Елис., 29
18. Нахичевань, 28
19. Нижние Ахты Эриванск. (Раздан) 28
20. Ново-Баязет Эрив. (Камо), 29
21. Ново-Баязет Эрив. (Камо), 26
22. Ордубат, 29
23. Тауз-Кала, 29
24. Узунлярское Тифл. Сельск. Упр., 29
25. Шахтагты, 29
26. Эривань (Ереван), 28
27. Эривань (Ереван), 26
28. Эчмиадзин Эрив., 28

Пока не найдены оттиски штемпелей действовавших в то время почтово-телеграфных контор и отделений: Аликучак, Арташат, Бараны, Гамзачиман, Давалу, Зойраблы, Сухой Фонтан, Эривань-вокзал.

Некоторые из перечисленных выше населенных пунктов сейчас входят в состав Азербайджанской ССР.

ИСТОЧНИКИ:

1. ЦГАОРСС Арм. ССР, ф. 113, оп. 3, д. 27, л. 12.
2. Газета «Хорурдани Айастан», № 206 от 27 октября 1921 г.
3. ЦГАОРСС Арм. ССР, ф. 160, оп. 1, д. 7, л. 89.
4. «Советская Армения. Пять лет, 1920—1925», издание ЦИК и СНК Арм. ССР, Ереван, 1926.
5. ЦГАОРСС Арм. ССР, ф. 113, оп. 11, д. 217, л. 1.
6. ЦГАОРСС Арм. ССР, ф. 127, оп. 1, д. 49, л. 19.
7. ЦГАОРСС Арм. ССР, ф. 127, оп. 1, д. 49, л. 30.
8. ЦГАОРСС Арм. ССР, ф. 113, оп. 3, д. 67, л. 9—10.
9. Газета «Хорурдани Айастан», № 84 от 15 апреля 1922 г.
10. Газета «Хорурдани Айастан», № 82 от 13 апреля 1922 г.
11. ЦГАОРСС Арм. ССР, ф. 127, оп. 1, д. 49, л. 78—79.
12. Газета «Хорурдани Айастан», № 86 от 25 марта 1922 г.

13. ЦГАОРСС Арм. ССР, ф. 160, оп. 1, д. 7, л. 33.
 14. ЦГАОРСС Арм. ССР, ф. 113, оп. 3, д. 68, л. 49.
 15. ЦГАОРСС Арм. ССР, ф. 127, оп. 1, д. 49, л. 3.

16. ЦГАОРСС Арм. ССР, ф. 127, оп. 1 д. 19, л. 309 и 350.
 17. Газета «Хорурданн Абастан», № 208 от 14 сентября 1922 г.
 18. ЦГАОРСС Арм. ССР, ф. 113, оп. 3, д. 69, л. 37.

ОПИСАНИЕ ПОЧТОВЫХ МАРОК АРМЯНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1921 (конец года). ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ПОЧТОВЫХ МАРОК АРМЯНСКОЙ ССР. Печатались в Константинополе (Турция). Художник Саркис Хачатрян (?). На всех марках надпись: «С. С. Республика Армения» или ее аббревиатура (на армянском языке). Литографская печать на белой бумаге, клей белый или желтоватый. Без зубцов и с линейной зубцовкой 11 $\frac{1}{2}$.

В почтовом обращении не были.

Без зубцов.

01. 1 р. Серп и молот в орнаментированной рамке. Оливково-зеленая.
 а. Темно-оливковая.
 02. 2 р. Горный козел (из рельефов древнеармянской архитектуры). Черно-зеленая.
 а. Темно-серая.
 03. 3 р. Пятиконечная звезда, серп и молот в орнаментированной рамке. Карминовая.
 а. Розовая.
 04. 5 р. Развалины древней столицы Армении города Ани. Темно-коричневая.
 05. 25 р. Птица с женским лицом (из рельефов древнеармянской архитектуры). Зеленовато-серая.
 06. 50 р. Красноармеец с винтовкой. Красная.
 а. Бледно-красная.
 07. 100 р. Крылатый лев (из рельефов Ахтамарского храма на озере Ван, X век). Коричнево-желтая.
 а. Оранжевая.
 08. 250 р. Серп и молот в пятиконечной звезде, в орнаментированной рамке. Синяя.
 а. Темно-синяя.
 б. Сери-синяя.

09. 500 р. Крестьянин с косой на фоне горы Арагац. Лилово-коричневая.
 а. Светло-лиловая.
 010. 1 000 р. Рыбак с сетью на берегу озера Севан. Темно-зеленая.
 а. Сине-зеленая.
 011. 2 000 р. Здание Эриванской почтово-телеграфной конторы. Желтая.
 а. Темно-желтая.
 012. 5 000 р. Руины часовни в древней столице Армении городе Ани. Темно-коричневая.
 013. 10 000 р. Женщина с веретеном и ребенком. Красно-коричневая.
 а. Светло-коричневая.
 014. 15 000 р. Храм на острове озера Севан. Черно-синяя.
 а. Светло-синяя.
 015. 20 000 р. Птица с головой зверя (из рельефов Ахтамарского храма на озере Ван, X век). Красно-лиловая.
 а. Лиловая.
 016. 25 000 р. Крестьянин за плугом на фоне горы Арарат. Синяя.
 а. Голубая.
 017. 25 000 р. Рисунок марки 016. Желто-коричневая (ошибка цвета).

Линейная 11 $\frac{1}{2}$

018. 1 р. Рисунок марки 01. Оливково-зеленая.
 а. Темно-оливковая.
 019. 2 р. Рисунок марки 02. Темно-серая.
 020. 3 р. Рисунок марки 03. Карминовая.
 а. Розовая.
 021. 5 р. Рисунок марки 04. Темно-коричневая.

Первое издание почтовых марок Армянской ССР

022. 25 р. **Рисунок марки 05.**
Зеленовато-серая.
023. 50 р. **Рисунок марки 06.**
Красная.
а. Вледно-красная.
024. 100 р. **Рисунок марки 07.**
Коричнево-желтая.
025. 250 р. **Рисунок марки 08.**
Синяя.
а. Темно-синяя.
026. 500 р. **Рисунок марки 09.**
Лилово-коричневая.
027. 1 000 р. **Рисунок марки 010.**
Сине-зеленая.
028. 2 000 р. **Рисунок марки 011.**
Желтая.
а. Темно-желтая.
029. 5 000 р. **Рисунок марки 012.**
Темно-коричневая.
030. 10 000 р. **Рисунок марки 013.**
Красно-коричневая
а. Светло-коричневая.
031. 15 000 р. **Рисунок марки 014.**
Черно-синяя.
032. 20 000 р. **Рисунок марки 015.**
Красно-лиловая.
а. Лиловая.
033. 25 000 р. **Рисунок марки 016.**
Синяя.
а. Голубая.
034. 25 000 р. **Рисунок марки 016.**
Желто-коричневая (ошибка цвета).

Примечания: 1. Марки встречаются в многочисленных оттенках основных цветов.

2. Марка 022, переоцененная в новое достоинство, была в почтовом обращении непродолжительное время (см. Первый выпуск почтовых марок Армянской ССР). Марки 01—03, 05—09, 015—020, 022—026, 032 и 033 были в почтовом обращении с надпечаткой новой стоимости (см. Второй выпуск почтовых марок Армянской ССР). Марки 04, 010—014, 021, 027—031 и 034 в почтовом обращении не были и не надпечатывались.

3. Марка 07а отличается от марки 07 по рисунку: фон марки 07а из вертикальных линий равномерно покрывает все живописное поле, тогда как в правой половине марки 07 фон почти не заметен.

4. Существуют пробные марки этого издания, выполненные в черном и в других цветах, без зубцов.

1921 (конец года). **ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ПОЧТОВЫХ МАРОК АРМЯНСКОЙ ССР.** Печатались в Константинополе (Турция). Художник Саркис Хачатрян (?). На всех марках надпись: «С. С. Республика Армения» или ее аббревиатура (на армянском языке). Литографская печать на белой бумаге, клей белый или желтоватый.

В почтовом обращении не были.

Без зубцов.

035. 100 р. **Женщина за прялкой.**
Красная.
036. 100 р. **Рисунок марки 035.**
Сине-черная.
037. 250 р. **Летающий журавль.**
Красная.
038. 250 р. **Рисунок марки 037.**
Сине-черная.
039. 500 р. **Армяне-беженцы в арбе, запряженной быками.**
Красная.
040. 500 р. **Рисунок марки 039.**
Сине-черная.
041. 1 000 р. **Женщина с кувшином на плече.**
Красная.
042. 1 000 р. **Рисунок марки 041.**
Сине-черная.
043. 2 000 р. **Железнодорожные пути и вагон на фоне горы Арарат.**
Красная.
044. 2 000 р. **Рисунок марки 043.**
Сине-черная.
045. 5 000 р. **Всадник с ружьем на фоне горы Арарат.**
Красная.
046. 5 000 р. **Рисунок марки 045.**
Сине-черная.
047. 10 000 р. **Орел с распростертыми крыльями (рельеф с капители колонны храма Звартноц, VII век).**
Красная.
048. 10 000 р. **Рисунок марки 047.**
Сине-черная.
049. 20 000 р. **Пастух с посохом на фоне гор.**
Красная.
050. 20 000 р. **Рисунок марки 049.**
Сине-черная.

Примечания: 1. Марки встречаются в различных оттенках.

2. Марки 037—046 были в почтовом обращении с надпечаткой новой стоимости (см. Третий выпуск почтовых марок Армянской ССР). Надпечатан был весь тираж этих марок полностью. Марки

Второе издание почтовых марок Армянской ССР

035, 036 и 047—050 не надпечатывались, хождения на почте не имели и остались неиспользованными.

3. Существуют пробные марки этого издания, выполненные в черном и в других цветах, без зубцов.

1922. Январь. **ПЕРВЫЙ ВЫПУСК ПОЧТОВЫХ МАРОК АРМЯНСКОЙ ССР.** Марка первого константинопольского издания 022, условно переоцененная в новое достоинство. Линейная зубцовка 11¹/₂.

1. 1500 р. (25 р.) Рисунок и цвет марки 022.

Примечания: 1. Этой маркой оплачивались простые письма с начала января до середины апреля 1922 г.

2. Представляют филателистический интерес только в гашеном виде, с соответствующей датой гашения, особенно на цельных вещах.

3. Встречаются марки с надписью от руки красными чернилами буквы «к» (копейка) армянского алфавита.

1922. Апрель. **ВТОРОЙ ВЫПУСК ПОЧТОВЫХ МАРОК АРМЯНСКОЙ ССР.** Надпечатка новой стоимости в золотой валюте (копейки) на марках первого константинопольского издания. Надпечатка ручным штемпе-

дем, черной и красной краской.

Без зубцов и с линейной зубцовкой 11¹/₂.

Типы надпечаток:

1	1	2	2	3	4	4	5	5	5	5
I	II	III	II	I	II	III	II	III	IV	V
10	10	10	10	10	15	15	20	20		
I	II	III	IV	V	I	II	I	II		
35	50	4	50	50	50	50	4			
	I	II	III	IV						

Без зубцов.

- 1 (к) на 1 р. на марке 01
Надпечатка тип I черная.
- 1 (к) на 1 р. на марке 01.
Надпечатка тип I красная.
1. Надпечатка тип II красная.
- 2 (к) на 2 р. на марке 02.
Надпечатка тип I черная.
а. На марке 02а.
Напечатка тип I черная.
1. Надпечатка тип II черная.

5. 2 (к) на 2 р. На марке 02.
Надпечатка тип I красная.
I. Надпечатка тип II красная.
6. 3 (к) на 3 р. на марке 03.
Надпечатка черная.
а. На марке 03а.
Надпечатка черная.
7. 4 (к) на 25 р. на марке 05.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
II. Надпечатка тип III черная.
8. 4 (к) на 25 р. на марке 05.
Надпечатка тип I красная.
I. Надпечатка тип II красная.
9. 5 (к) на 50 р. на марке 06.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
II. Надпечатка тип III черная.
III. Надпечатка тип IV черная.
IV. Надпечатка тип V черная.
10. 10 (к) на 100 р. на марке 07.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
II. Надпечатка тип III черная.
III. Надпечатка тип IV черная.
IV. Надпечатка тип V черная.
а. На марке 07а.
Надпечатка тип I черная.
11. 10 (к) на 100 р. на марке 07.
Надпечатка тип III красная.
12. 15 (к) на 250 р. на марке 08.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
13. 20 (к) на 500 р. на марке 09.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
а. На марке 09а.
Надпечатка тип I черная.
14. 35 (к) на 20 000 р. на марке 015.
Надпечатка черная.
а. На марке 015а.
Надпечатка черная.
15. 50 (к) на 25 000 р. на марке 016.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
16. 50 (к) на 25 000 р. на марке 016.
Надпечатка тип I красная.
17. 50 + 50 к. на 25 000 р. на марке 016.
Надпечатка тип IV (тип I красная и тип II черная).
18. 50 (к) на 25 000 р. на марке 017.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
II. Надпечатка тип III черная.
19. 50 (к) на 25 000 р. на марке 017.
Надпечатка тип III красная.

Линейная 11^{1/2}.

20. 1 (к) на 1 р. на марке 018.
Надпечатка тип I черная.
21. 1 (к) на 1 р. На марке 018.
Надпечатка тип II красная.
I. Надпечатка тип III красная.
22. 2 (к) на 2 р. на марке 019.
Надпечатка тип I черная.
23. 3 (к) на 3 р. на марке 020.
Надпечатка черная.
а. На марке 020а.
Надпечатка черная.
24. 4 (к) на 25 р. на марке 022.
Надпечатка тип II черная.
25. 5 (к) на 50 р. на марке 023.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
II. Надпечатка тип III черная.
III. Надпечатка тип IV черная.
IV. Надпечатка тип V черная.
26. 10 (к) на 100 р. на марке 024.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
II. Надпечатка тип III черная.
III. Надпечатка тип IV черная.
27. 35 (к) на 20 000 р. на марке 032.
Надпечатка черная.
а. На марке 032а.
Надпечатка черная.
28. 50 (к) на 25 000 р. на марке 033.
Надпечатка тип I черная.

Примечания: 1. Надпечатка на марках была вызвана необходимостью оплаты почтовых отправок по новому тарифу в золотой валюте.

2. Надпечатывание марок производилось Эриванской почтово-телеграфной конторой.

3. Черная краска надпечаток имеет оттенки от глинцево-черного до светлого серого цвета. Надпечатка на марке № 11 сделана водорастворимой краской. Надпечатка «10» тип V встречается как с единицей выше нуля, так и наоборот. Надпечатка «50» типы I и II встречается с цифрами, расположенными на разном уровне.

4. Встречаются марки, на которых новая стоимость вписана от руки почтовыми работниками. Надписи производились красными и фиолетовыми чернилами, а также карандашом. Встречаются марки, ошибочно надпечатанные дважды.

1922. Апрель (?). **ТРЕТИЙ (ПОЧТОВО-БЛАГОВЕРИТЕЛЬНЫЙ В ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХ) ВЫПУСК ПОЧТОВЫХ МАРОК АРМЯНСКОЙ ССР.** Надпечатка новой стоимости в золотой валюте (копейки) на марках второго константинопольского издания (037—046). Надпечатка ручным штемпелем, черной или красной краской. **Без зубцов.**

Типы надпечаток:

1 1 2 3 3 4 4 5 5 10 15 20
 I II I II I II I II

29. 1 (к) на 250 р. на марке 037.
 Надпечатка тип I черная.
 I. Надпечатка тип II черная.
30. 1 (к) на 250 р. на марке 038.
 Надпечатка тип I черная.
 I. Надпечатка тип II черная.
31. 2 (к) на 500 р. на марке 039.
 Надпечатка черная.
32. 3 (к) на 500 р. на марке 040.
 Надпечатка тип I черная.
 I. Надпечатка тип II черная.
33. 3 (к) на 500 р. на марке 040.
 Надпечатка тип I красная.
34. 4 (к) на 1 000 р. на марке 041.
 Надпечатка тип I черная.
 I. Надпечатка тип II черная.
35. 4 (к) на 1 000 р. на марке 042.
 Надпечатка тип I черная.
36. 5 (к) на 2 000 р. на марке 044.
 Надпечатка тип I черная.
 I. Надпечатка тип II черная.
37. 10 (к) на 2 000 р. на марке 043.
 Надпечатка черная.
38. 15 (к) на 5 000 р. на марке 045.
 Надпечатка черная.
39. 20 (к) на 5 000 р. на марке 046.
 Надпечатка черная.

Примечания: 1. Черная краска надпечаток имеет оттенки от глянцево-черного до светло-серого цвета.

2. Надпечатка «5» на марке № 36 встречается, кроме двух проведенных и других типов.

1922. Октябрь. **ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ ПОЧТОВЫХ МАРОК АРМЯНСКОЙ ССР.** Изготовлены типографией Управления Гознак Наркомфина Армянской ССР в Эривани. На всех марках аббревиатура слов: «Социалистическая Советская Республика Армении»

и лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (на армянском языке). Двухцветная литографская печать на белой бумаге (№№ 051—057 и 060) и на более толстой желтоватой бумаге (№№ 058 и 059). Белый или желтый клей. Линейная зубцовка 11¹/₂.

В почтовом обращении не были.

051. 50 р. **Серп и молот в лучах пятиконечной звезды на фоне горы Арарат, орнаментированная рамка.**
 Зеленая, фон оранжево-красный.
 а. Зеленая, фон оранжевый.
052. 300 р. **Гора Арарат в круге и пятиконечная звезда над нею, орнаментированная рамка.**
 Темно-синяя, фон желтый.
 а. Синяя, фон светло-желтый.
053. 400 р. **Серп и молот, вписанные в пятиконечную звезду, орнаментированная рамка.**
 Синяя, фон розовый.
 а. Темно-синяя, фон розовый.
 б. Синяя, фон бледно-розовый.
 в. Голубая, фон розовый.
054. 500 р. **Аист, пятиконечная звезда, орнаментированная рамка.**
 Лиловая, фон светло-лиловый.
 а. Лилово-фиолетовая, фон светло-лиловый.
055. 1000 р. **Рыбак в лодке на озере Севан, орнаментированная рамка.**
 Синяя, фон голубой.
 а. Светло-синяя, фон голубой.
056. 2000 р. **Птица с женским лицом (древнеармянский мотив), орнаментированная рамка.**
 Черная, фон светло-серый.
 а. Серая, фон светло-серый.
057. 3000 р. **Крестьянин-сеятель, орнаментированная рамка.**
 Черная, фон зеленый.
 а. Черная, фон бледно-зеленый.
058. 4000 р. **Лежащий крылатый барс (древнеармянский мотив), орнаментированная рамка.**
 Черная, фон коричневый.
 а. Черная, фон светло-коричневый.
059. 5000 р. **Крестьянин с косой и кузнец, кующий серп, орнаментированная рамка.**
 Черная, фон кирпично-красный.
 а. Черная, фон розовый.

Третье издание почтовых марок Армянской ССР

060. 10 000 р. Крестьянин за плугом, запряженным быками, орнаментированная рамка.

Черная, фон розовый.

а. Черная, фон светло-розовый.

Примечания: 1. Тиражи марок этого издания: № 054 — 882 000 шт., № 055 — 810 000 шт., остальные — по 427 500 шт.

2. Все марки существуют в многочис-

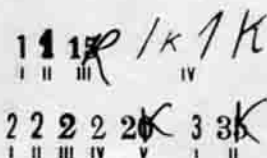
ленных оттенках (особенно №№ 052, 053, 054, 059).

3. Известны пробные марки этого издания, отпечатанные в одну краску, в различных цветах (карминовый, коричневый, фиолетовый и др.), без зубцов и без клея. Марка № 051 в пробных вариантах имеет номинал 5 р. (вместо 50 р.). Известны также пробные марки в окончательной расцветке, но без зубцов и без клея. Встречаются фальсификаты, напечатанные в одну краску, без зубцов, с белым глянцевым клеем.

1923 (?). ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫПУСК ПОЧТОВЫХ МАРОК АРМЯНСКОЙ ССР. Надпечатка или надпись новой стоимости в золотой валюте (копейки) на марках первого константинопольского издания и на марках первого выпуска Армянской ССР. Ручная надпечатка черной или красной краской или надпись от руки красными или фиолетовыми чернилами.

Без зубцов и с линейной зубцовоной 11¹/₂.

Типы надпечаток:

Без зубцов.

40. 1 (к) на 250 р. на марке 08.
Надпечатка тип I черная.
41. 1 к. на 15 (к)/250 р. на марке 12.
Надпись от руки тип III красная.
42. 1 к. на 15 (к)/250 р. на марке 12.
Надпись от руки тип III фиолетовая.
43. 2 (к) на 500 р. на марке 09.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип III черная.
II. Надпечатка тип IV черная.
а. На марке 09а.
Надпечатка тип III черная.
44. 2 (к) на 500 р. на марке 09.
Надпечатка тип III красная.
45. 2 к. на 20 (к)/500 р. на марке 13.
Надпись от руки тип V красная.
46. 2 к. на 20 (к)/500 р. на марке 13.
Надпись от руки тип V фиолетовая.
47. 3 (к) на 20 000 р. на марке 015.
Надпечатка тип I черная.
а. На марке 015а.
Надпечатка тип I черная.
48. 3 (к) на 35 (к)/20 000 на марке 14.
Надпечатка тип I черная.
49. 3 к. на 35 (к)/20 000 на марке 14.
Надпись от руки тип II фиолетовая.
а. На марке 14а.
Надпись от руки тип II фиолетовая.

Линейная 11¹/₂.

50. 1 (к) на 250 р. на марке 025.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
51. 1 (к) на 250 р. на марке 025.
Надпечатка тип II красная.
52. 1 к. на 250 р. на марке 025.
Надпись от руки тип IV красная.
53. 1 к. на 250 р. на марке 025.
Надпись от руки тип IV фиолетовая.
54. 2 (к) на 500 р. на марке 026.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
II. Надпечатка тип III черная.
III. Надпечатка тип IV черная.
55. 2 (к) на 500 р. на марке 026.
Надпечатка тип III красная.
56. 3 (к) на 20 000 р. на марке 032.
Надпечатка тип I черная.
а. На марке 032а.
Надпечатка тип I черная.
57. 3 (к) на 35 (к)/20 000 р. на марке 27.
Надпечатка тип I черная.
58. 3 к. на 35 (к)/20 000 р. на марке 27.
Надпись от руки тип II фиолетовая.
а. На марке 27а.
Надпись от руки тип II фиолетовая.

Примечания: 1. Черная краска надпечаток имеет оттенки от сажисто-черного до светло-серого цвета. Особенно часто малозаметные светло-серые надпечатки встречаются на марках №№ 08 и 025 (250 руб., синяя). Красная краска надпечаток — водорастворимая, так же, как и надписи красными и фиолетовыми чернилами.

2. Встречаются марки с надпечаткой, наложенной дважды.

1923. Май (?). ПЯТЫЙ ВЫПУСК ПОЧТОВЫХ МАРОК АРМЯНСКОЙ ССР. Надпечатка новой стоимости в рублях на марках третьего (ариванского) издания (№№ 051—060). Надпечатка ручными штемпелями черной, красной и фиолетовой красками, двух типов.

Типы надпечаток

1 0000	10000
15 0000	150000
25 0000	250000
30 0000	300000
5 0000	500000
75 0000	1000000
100 0000	2000000
200 0000	3000000
300 0000	5000000
500 0000	
I	II

Линейная зубцовка 11^{1/2}.

59. 10 000 (р) на 50 р. на марке 051.
Надпечатка тип I черная.
60. 10 000 (р) на 50 р. на марке 051.
Надпечатка тип II красная.
61. 10 000 (р) на 50 р. на марке 051.
Надпечатка тип II фиолетовая.
62. 15 000 (р) на 300 р. на марке 052.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
63. 15 000 (р) на 300 р. на марке 052.
Надпечатка тип II красная.
64. 15 000 (р) на 300 р. на марке 052.
Надпечатка тип II фиолетовая.
65. 25 000 (р) на 400 р. на марке 053.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
66. 25 000 (р) на 400 р. на марке 053.
Надпечатка тип II фиолетовая.
67. 30 000 (р) на 500 р. на марке 054.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
68. 30 000 (р) на 500 р. на марке 054.
Надпечатка тип II красная.
69. 30 000 (р) на 500 р. на марке 054.
Надпечатка тип I фиолетовая.
I. Надпечатка тип II фиолетовая.
70. 50 000 (р) на 1000 р. на марке 055.
Надпечатка тип I черная.
I. Надпечатка тип II черная.
71. 50 000 (р) на 1000 р. на марке 055.
Надпечатка тип II красная.
72. 50 000 (р) на 1000 р. на марке 055.
Надпечатка тип I фиолетовая.
I. Надпечатка тип II фиолетовая.
73. 75 000 (р) на 3000 р. на марке 057.
Надпечатка тип I черная.
74. 100 000 (р) на 2000 р. на марке 056.
Надпечатка тип I черная.
75. 100 000 (р) на 2000 р. на марке 056.
Надпечатка тип II красная.
76. 100 000 (р) на 2000 р. на марке 056.
Надпечатка тип I фиолетовая.
I. Надпечатка тип II фиолетовая.
77. 200 000 (р) на 4000 р. на марке 058.
Надпечатка тип I черная.
78. 200 000 (р) на 4000 р. на марке 058.
Надпечатка тип II красная.
79. 200 000 (р) на 4000 р. на марке 058.
Надпечатка тип I фиолетовая.
I. Надпечатка тип II фиолетовая.
80. 300 000 (р) на 5000 р. на марке 059.
Надпечатка тип I черная.
81. 300 000 (р) на 5000 р. на марке 059.
Надпечатка тип I фиолетовая.
I. Надпечатка тип II фиолетовая.
82. 500 000 (р) на 10 000 р. на марке 060.
Надпечатка тип I черная.
83. 500 000 (р) на 10 000 р. на марке 060.
Надпечатка тип II фиолетовая.
I. Надпечатка тип II фиолетовая.

Примечания: 1. Марки выпущены в соответствии с единым почтовым тарифом для всех Закавказских республик.

2. В большинстве случаев надпечатка расположена горизонтально; встречаются надпечатки с большим отклонением, вплоть до вертикальных — снизу вверх и сверху вниз (чаще других с такими надпечатками встречаются марки №№ 67—69 и 74—76).

3. Красная и фиолетовая краски надпечаток водорастворимы.

4. Встречаются марки с черно-фиолетовыми надпечатками типа I, которые лучше видны с оборотной стороны — фиолетовая краска проходит сквозь бумагу; с лицевой стороны надпечатка кажется черной.

5. Встречаются различные ошибки: двойные надпечатки разными красками, надпечатка «100 000» на марке № 61 (вместо 10 000) с одним зачеркнутым нулем и т. п.

С. САЛТЫКОВ

г. ЕРЕВАН

Поправка. В пятом выпуске сборника «Советский коллекционер» в статье «Почтовые марки Советской Армении» на стр. 14 допущена опечатка: слово «почта» на армянском языке пишется не «ՓՈՒՏ» а «ՓՈՒՏ»

Новое о земской почте и ее марках

Стремление приспособить самодержавный строй России к потребностям капиталистического развития вынудило царское правительство в 60-х гг. XIX в. вступить на путь буржуазных реформ. Одной из них явилась земская реформа 1864 г., возникшая в обстановке стихийных восстаний крестьян против помещиков, студенческих выступлений, конституционных притязаний либерального дворянства. «Земская реформа, писал В. И. Ленин, была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска.»¹

Первого января 1864 г. было принято «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». На протяжении 1865—1876 гг. местные земские административно-хозяйственные органы — земские управы — были созданы в 34 центральных губерниях европейской России, в Бессарабской губернии и в области Войска Донского. Национальные районы — Польша, Литва, Белоруссия и Правобережная Украина, а также Прибалтика, Сибирь, Кавказ, Казахстан и Средняя Азия — были лишены земства. Земская реформа отдавала местное управление в руки помещиков, способствовала росту капиталистических отношений и развитию буржуазной культуры.

Земские управы остро ощутили необходимость регулярной почтовой связи внутри уездов. Служба специальных посыльных, имевшаяся при земских судах, обслуживала только местные судебные учреждения и, как правило, частной корреспонденции не доставляла. Отсутствие органов государственной почты не только в большинстве сел, но даже в небольших городах² заставило земства решить проблему доставки корреспонденции своими силами. Характерным в этом отношении является доклад Новоузенской управы Самарской губернии, сделанный земскому уездному собранию 23 сентября 1865 г. В нем, в частности, сказано:

«Передача и посылка официальных бумаг полиции и всего местного уездного управления затруднительны, не говоря уже про частную корреспонденцию, а потому неотлагательные официальные требования иногда остаются не исполненными собственно за поздним получением бумаг. Для того, чтобы бумага дошла по назначению, необходимо каждый раз посылать нарочного, иначе она подвергается разным случайностям и потерям».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 33.

² По данным 1876 г., т. е. через 12 лет после введения земства, в такой густонаселенной губернии, как Пермская (2 300 000 жителей), имелось всего около 40 отделений государственной почты.

Не менее интересен документ, вскрывающий также и социальную причину, заставившую земства наладить внутреннюю почтовую связь в уездах, — проект «Об устройстве в Костромской губернии земской почты», датированный 13 марта 1865 г.:

«В настоящее время мы можем утвердительно сказать, что к земской почте обратится значительная часть прошений, поступающих от крестьян в губернские и уездные присутственные места, усилятся корреспонденция между поселянами, занимающимися отхожими промыслами и их сродниками, остающимися на родине, а в Костромской губернии есть целые уезды, в которых все мужское население, способное к работе, отправляется на заработки вне губернии» («Костромские губернские ведомости» за 1865 г., стр. 67, 70—72).

Мы располагаем сведениями, что уже в начале 70-х гг. XIX в. имелось немало проектов реформы существующей земской судебной почты. В декабре 1865 г. «Новгородские губернские ведомости» поместили «Записку об улучшении порядка отправления натуральной подводной повинности», составленную жителем Буинского уезда, Симбирской губернии, купеческим сыном Михаилом Эбулдиным:

«За отменой подводной повинности, дело это можно устроить так: при каждом уездном полицейском управлении в настоящее время имеется по несколько пар так называемых земских лошадей, нанимаемых на счет сумм земского сбора для отвоза чинов полиции в города. По ассигновании сим последним прогонов, в земских лошадях уже не будет надобности; их можно обратить в уездную почту для развозки бумаг по уезду. Желающих поставлять лошадей для сельской почты должно обязать возить в становые квартиры пакеты и получать там их во всякое время. Особых рассыльных посылатъ с бумагами не видится надобности. Один сельско-почтовый ящик может доставлять бумаги...».

«Записка», видимо, была составлена гораздо раньше ее опубликования «Ведомостями» и содержит проект, по которому и были устроены первые «земские сельские почты».

Сведения об организации подобной почты имеются в отчетах Белозерской уездной земской управы Новгородской губернии за 1865 г. В них говорилось, что «сельская почта введена еще в 1864 г., но никаких средств на нее не выделялось. Подрядчик обязан без платежа прогонов возить сумку с сельскою почтою». Подтверждением, что такая почта действительно действовала, может служить заключение комиссии Белозерского уездного земского собрания, обсуждавшей 10 октября 1865 г. вопрос «о содержании обывательских станций, подъямков и сельской почты». В заключении комиссии указано: «По рассмотрении означенной сметы в 12 800 руб. комиссия находит, что смета эта определена совершенно правильно, согласно прежних платежей» (Журнал земского собрания Белозерского уезда, Новгородской губернии, от 10 октября 1865 г.). 19 декабря 1865 г., как это видно из «Отчета Белозерской уездной земской управы за 1866 г.», было решено «соединить сельскую почту с почтою, прежде называвшейся земскою, которая отправляется из полицейского уездного управления в волости».

17 февраля 1865 г. земское собрание Ветлужского уезда, Костромской губернии, рассмотрело «Положение о сельской почте» и вынесло постановление об ее учреждении. В журнале земского собрания по этому вопросу сказано:

«Учредить в Ветлужском уезде сельскую почту на следующих основаниях: место приемки и отправления почты в город — земская управа, а в уезде — волостные правления и сельские управления. Почта отходит один раз в неделю по четырем трактам, на однокошной подводе... Казенные пакеты, повестки и частные письма отправляются бесплатно, с сельскою почтою могут быть отправляемы также письма с деньгами и небольшие посылки... Почта должна следовать с ящиками, содержащими лошадей при волостных правлениях» («Постановления» Ветлужского земского собрания за 1865 г.).

Из опубликованного в «Костромских губернских ведомостях» (в приложении к № 18 за 1865 г.) «Расписания часов прихода и отправления по волостным правлениям Ветлужской сельской почты, гоньба которой началась с 26-го минувшего марта», можно заключить, что сельская почта в Ветлужском уезде начала действовать действительно с 26 марта 1865 г.

В Ставропольском уезде, Самарской губернии, сельская почта открылась 15 мая 1865 г.

«По поручению земского собрания об устройстве в Ставропольском уезде сельской почты, на что ассигновано 360 рублей в год, Управа учредила почту с 15 мая 1865 г., таким образом: разделив уезд на 3 участка. Управа наняла за 360 рублей в год трех служителей, обязанных два раза в неделю объезжать свой участок в известные часы и передавать и получать простую корреспонденцию по принадлежности. Посредством такого устройства почты мало того, что аккуратнейшим образом доставляются пакеты, адресуемые в Ставропольский уезд отовсюду и получаемые в Почтовой конторе, но еще достигается, отчасти, цель уменьшения гоныбы лошадей...» («Самарские губернские ведомости» за 1865 г.).

Вскоре подобная почта была учреждена и в Самарском уезде.

Вот что об этом сказано в отчете Самарской управы уездному земскому собранию за 1865 г.:

«Сверх того, в видах сокращения разгона земских лошадей, (Управа — Ю. Р.) составила также проект об учреждении правильной сельской почты с определением недельного хода ее по главным путям сообщения в уезде, составила правила, как на прием и доставку корреспонденции и посылок, так и на прочие условия почты. А как с прекращением с 26 прошлого июля удельной сельской почты открылись затруднения в сообщениях городских учреждений и должностных лиц с сельскими, то в устранение сего Управа вынуждена была ввести уже отчасти означенный проект сельской почты в действие без особых почти на этот предмет расходов...».

В том же 1865 г. постановления об учреждении земской сельской почты были приняты в Крестецком, Старорусском, Тихвинском и Череповецком уездах Новгородской губернии, Ржевском уезде, Тверской губернии, Борисоглебском уезде, Тамбовской губернии, Новоузенском уезде Самарской губернии, и Торопецком уезде Псковской губернии. Пример устройства и работы первых земских сельских почт, а самое главное социальные и экономические условия, которые сложились к тому времени в большинстве губерний, послужили толчком к организации подобных учреждений и в других уездах.

Знакомясь с «Журналами земских собраний», мы обнаруживаем, что в 1866 г. решения об учреждении сельских почт были приняты Аткарским, Балашовским, Верхнеднепровским, Волчанским, Егорьевским, Землянским, Козелецким, Кременчугским, Новгородским, Острогомским, Переяславским, Павлоградским, Сапожковским, Сумским, Сызранским, Тираспольским, Херсонским, Чистопольским и некоторыми другими уездными земствами.

Правительственные органы царской России встретили учреждение земской почты подозрительно и враждебно. Об этом свидетельствует следующий доклад Балашовской земской управы:

«Еще в 1866 году Управа докладывала собранию проект Положения о земской почте в уезде; каковой проект собранием был одобрен и утвержден... но осуществиться этому столь полезному для уезда делу было нельзя, потому что почтовое ведомство предъявило такие условия в формальностях, выполнить которые в то время не было никакой возможности» (Доклад Балашовской управы 10-му очередному земскому собранию в 1875 г.).

МЕЖДУУЕЗДНАЯ ЗЕМСКАЯ ПОЧТА

В 1867 и 1868 гг., несмотря на многочисленные препятствия, дело продолжало развиваться, и к началу 1869 г. земские сельские почты были открыты еще в 35 уездах. Более того, некоторые уездные земские собрания приняли решения и осуществили соединение земских почт пограничных уездов.

16 сентября 1867 г. земское собрание Аткарского уезда, Саратовской губернии, обсудив доклад «О соединении сельской почты Аткарского уезда с почтами других уездов губернии», постановило: «поручить управе исполнение ее предложений с усло-

вием, чтобы Балашовская почта была соединена в Колене и Елане, а Саратовская — в Дмитриевке и Варыпаевке» (Доклад земскому собранию Аткарской уездной управы от 16 сентября 1867 г.). В отчетах Борисоглебской земской управы Тамбовской губернии за 1869 г. также содержится сообщение о принятых ею мерах к организации почты между Борисоглебском и Тамбовом и указано, что уже действует земская почта между Борисоглебским и соседним, Усманским, уездом.

Почтовый департамент, усматривая в таких действиях конкуренцию государственной почте и стремление земских почт к объединению, специальным циркуляром от 25 февраля 1869 г. запретил соединять земские почты пограничных уездов. Несмотря на это, в последующие годы подобное соединение неоднократно осуществлялось. Как видно из отчетов Верхнеднепровской уездной управы Екатеринославской губернии, 29 ноября 1872 г. ею был получен положительный ответ от Екатеринославской уездной управы на предложение организовать обмен земской корреспонденцией. Позднее Верхнеднепровская управа доложила земскому собранию, что с 15 февраля 1874 г. такой обмен начат и планируется установить обмен корреспонденцией и с земской почтой Александрийского уезда, Херсонской губернии. Из отчетов Верхнеднепровской управы за 1875 г. видно, что почтовый обмен продолжался до 1877 г. Известно также, что письма с земской маркой одного уезда, адресованные в другой, перевозились бесплатно (Отчеты Верхнеднепровской уездной управы за 1874—1877 гг.). Междууездный обмен земской корреспонденцией с 1 августа 1877 г. был установлен и между Псковским и Островским уездами. Раз в неделю, по воскресным дням, псковская земская почта прибывала в Сонинское и Грибулевское волостные правления Островского уезда, где ящики обменивались почтовыми сумками и получали к ним реестр (Отчеты Псковской уездной управы за 1877 г.). В журнале Гдовского уездного земского собрания за 1875 г. мы находим постановление, предписывающее уездной управе «в октябре 1875 г. войти к Псковской земской управе с предложением соединить земскую почту с пограничным ей Гдовским уездом».

Царское правительство в первое время не придавало серьезного значения деятельности земств в области организации почтового сообщения в уездах. Однако быстрый рост количества земских почт и перевозимой ими корреспонденции встревожил правительственные органы. 19 сентября 1869 г. было опубликовано «Положение» комитета министров, по которому вся земская корреспонденция, пересылаемая по государственной почте до этого бесплатно, облагалась весомым и страховым сборами. Земские собрания стали ходатайствовать об отмене «Положения». Их ходатайства остались без последствий. И тем не менее экономическая потребность в регулярной почтовой связи на местах оказалась столь велика, что многие земства приняли постановления об учреждении земской почты в своих уездах. В декабре 1869 г. Воронежское губернское земское собрание решило организовать даже губернскую земскую почту. Однако это решение в 1870 г. было отменено царским правительством.

В статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» В. И. Ленин отмечал, что «...земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось»³. Именно этим объяснялась двойственная позиция царского правительства к земской почте. С одной стороны, оно пыталось создать видимость понимания потребностей земства в почтовой связи в уездах, а с другой, стремилось урезать его инициативу. Оказавшись не в состоянии игнорировать дальнейшее существование земской почты, Сенат своим указом от 27 августа 1870 г. задним числом легализовал ее учреждение, а Министерство внутренних дел своим циркуляром, основанным на сенатском указе, ограничило ее деятельность.

Земским управам разрешалось учреждать свою почту, но ее деятельность подчинялась ряду стеснительных условий. Лицам, которые пожелали бы получать по земской почте корреспонденцию из правительственных почтовых отделений, предписывалось иметь годовые «печатные билеты»; земской почте запрещалось принимать

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 35.

денежные переводы, пересылать корреспонденцию в места, расположенные вне пределов своего уезда; земская почта не имела права пользоваться государственными почтовыми трактами и т. д. Непременным условием ставилось, чтобы земские марки резко отличались от марок государственной почты. Земской почте отводилась роль придатка почты государственной. Однако даже в таких стеснительных условиях земская почта продолжала развиваться. Уже к 1896—1897 гг. она действовала в 190 уездах⁴.

Центральным пунктом земской почты являлась почтовая контора при уездной управе, а в волостях корреспонденция принималась волостными правлениями. Земские почтальоны передвигались строго по расписанию. Скорость движения составляла 8—10 верст в час. Доставка корреспонденции осуществлялась на одноконных или пароконных подводах и верховыми нарочными, а в Духовщинском, Смоленской губернии, Корчевском, Тверской губернии, и некоторых других уездах переносилась в заплечных «лычных кошельках» пешими посыльными.

Для сбора корреспонденции применялись почтовые ящики, устанавливаемые в уездных центрах и волостных правлениях. Одним из первых применил их Крапивенский уезд, Тульской губернии, где уже в 1869 г. было установлено 24 деревянных почтовых ящика. Позднее, в 1873—1874 гг., подобное же было сделано в Данковском, Рязанской губернии, Елецком, Орловской губернии, Духовщинском и других уездах (из докладов управ и журналов земских собраний).

Отправление земской почты производилось 2—4 раза в неделю. Земский почтальон, двигаясь от одного волостного правления к другому, собирал принятую там почту, сдавал привезенную и возвращался в уездную управу.

Земские почтальоны, или как их называли «почтари», имели знаки отличия.

В Уржумском, Вятской губернии, и Тульском уездах они носили медный знак с гербом уезда, в Ржевском, Тверской губернии, — медную бляху с надписью «Земская почта», в Скопинском, Рязанской губернии, и Нолинском, Вятской губернии — гербовые значки на фуражках, а в Моршанском уезде, Тамбовской губернии, на их куртках была вышита надпись «Рассыльный зем. почты Моршанской земской управы» с указанием номера тракта. (Земская почта в Моршанском уезде ходила по 4 трактам, которым были присвоены порядковые номера.) Знаки отличия для почтальонов во многих уездах были введены с первых лет существования земских сельских почт. Официальное же разрешение на это последовало лишь много лет спустя — 5 мая 1890 г. Этим числом датирован циркуляр Министерства внутренних дел, разрешающий земским почтарям иметь на фуражках знаки с изображением герба губернии или уезда.

ЗЕМСКИЕ ПОЧТОВЫЕ МАРКИ И ШТЕМПЕЛЬНЫЕ КОНВЕРТЫ

Содержание земской почты потребовало значительных средств. Земства были вынуждены ввести оплату частной корреспонденции (казенная везде пересылалась бесплатно). Возникла необходимость в почтовых марках или штемпельных конвертах.

«Первая земская почта, пересылка корреспонденции по которой оплачивалась марками, была организована в Шлиссельбургском уезде, Петербургской губернии; почта эта открыла свои действия в сентябре 1865 года», утверждает Каталог «Земские почтовые марки» под редакцией Ф. Чучина (Москва, 1925 г.). Подтвердить или опровергнуть это утверждение могут только первоисточники — архивные документы. Обратимся к ним.

В «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 256 за 1865 г.) напечатано сообщение: «Шлиссельбургская уездная земская управа объявляет, что она открыта в г. Шлиссельбурге 25-го сего сентября».

Из сообщения видно, что управа как административный орган начала свою деятельность только в конце сентября 1865 г. Следовательно, земская почта вряд ли

⁴ К. Базилевич. Земская почта в России. Изд-во «Связь», М., 1926.

могла быть создана управой в первые дни ее деятельности. В тех же «Ведомостях», 26 декабря 1865 г., помещено такое объявление: Шлиссельбургская земская управа «назначила окончательные торги без переторжек на содержание в 1866 году обывательских подвод и земской почты». В отчете этой управы за 1868 г. содержится еще одна любопытная подробность: «Управа предлагает на будущее время отдавать станции по-прежнему с торгов, ...включая в сумму на 1869 год еще сверх суммы, в которую обошлось содержание станций, примерную сумму на устройство и содержание с 1869 года и земской почты на основаниях, которые были введены управою в 1866 году» (подчеркнуто мной — Ю. Р.).

Следовательно, «основания», т. е. условия, выработанные в 1866 г. (а не в 1865 г. — Ю. Р.) на устройство земской почты в Шлиссельбургском уезде в 1866 г., не были воплощены в жизнь, так как и в 1868 г. планируется «на устройство и содержание с 1869 года и земской почты» (а не только земских станций — Ю. Р.) определенная денежная сумма.

Но и это еще не все. Отчеты Шлиссельбургской управы и журналы уездного земского собрания за 1869—1873 гг. засвидетельствуют факт перевозки земской корреспонденции, но не существование организованной почты: «Содержатели станций обязаны два раза в неделю доставлять с одной станции на другую земскую почту». Такое положение вызвало постановку на земском уездном собрании вопроса «Об учреждении правильной земской почты внутри уезда» (Журнал земского собрания от 5 октября 1874 г.). Собрание постановило «к 1875 г. составить проект земской почты в уезде». Через год — новое решение: «Ввиду невозможности увеличить смету, проект отклонить» (Журнал уездного земского собрания от 7 октября 1875 г.). В 1876 г. земское собрание вновь вернулось к вопросу «об установлении правил пересылки корреспонденции внутри уезда». В докладе Управы было отмечено:

«Действительно, ощущается потребность в некотором изменении существовавших правил для пересылки корреспонденции в уезде, но ввиду уже сделанного постановления собрания 1875 г., по тому же предмету, о желании избежать новых издержек управа полагала бы в настоящем году усилить лишь контроль над этой частью и изменить некоторые приемы, которые не повлекли бы за собою больших расходов. Изменения эти могли бы заключаться в том, что на каждую станцию должна быть дана почтовая сумка и разносная книга, в которую и вписывались бы пересылаемые конверты».

Не согласившись с предложениями Управы, земское собрание вынесло следующее постановление:

«1. С 1.01.1877 г. открыть правильное еженедельное движение почты с приемом частной корреспонденции, с правом взимания особой за нее платы.

2. Выработать к собранию 1877 г. проект почт как для казенных, так и частных корреспонденций («Журнал уездного земского собрания от 6 октября 1876 г.).

И, наконец, в отчете за 1878 г. Управа сообщала:

«на устройство сельской почты: за бляхи, печати, сумки и наем рассыльных» израсходовано 576 руб. 90 коп.; «почта эта была учреждена в первый раз в 1877 году и затем с 1878 г.» (подчеркнуто мною — Ю. Р.).

Из приведенных документов следует, что в Шлиссельбургском уезде до 1877 г. не существовало ни «правильного движения» земской почты, ни приема частной корреспонденции. Поскольку только ее доставка могла быть оплачиваемой, возникает сомнение в том, что в 1865 г. в Шлиссельбургском уезде курсировали земские почтовые марки. Сомнение превращается в уверенность, когда знакомимся с «Объяснительной запиской» Управы, приложенной к своду постановлений земских собраний за 1876 г. В ней сказано:

«Составлено и введено в действие с 1 февраля (1876 г.) расписание пересылки корреспонденции казенной и частной, отправление ее совершается через 3-х посыльных, состоящих при камерах участков мировых судей, подводы им даются от станций без особой приплаты, а на пароходах билеты третьего класса за плату; из ассигнованных 600 руб. распределено по 200 руб. на посыльного.

Расписание почты препровождено в Почтовый департамент при отношении управы 5 марта № 1010, в виду циркуляра Министерства внутренних дел 10 ноября 1871 г. № 1897, с просьбою указать, если находит нужным изменении в направлении почты в пунктах пересечения пути государственной почты и в отношении установления платежа за частную корреспонденцию по одной марке в пять копеек с пакета» (подчеркнуто мною — Ю. Р.).

Наиболее раннее решение о введении земских почтовых марок, правда, не осуществленное в намеченные сроки, было принято Новоузенским уездным земским собранием Самарской губернии. 23 сентября 1865 г. Собрание утвердило «Правила о земской почте Новоузенского уезда», в шестом параграфе которых было указано:

«За пересылку писем частных лиц, следующих в уезде, полагается 3 коп. На каждое письмо наклеивается марка с штемпелем Новоузенской земской управы. Такие марки рассылаются во все места, где происходит прием частной корреспонденции» (Журнал Новоузенского земского собрания от 23 сентября 1865 г.).

Однако несмотря на это решение, земские почтовые марки в Новоузенском уезде были введены только в 1897 г.

В том же 1865 г. постановления о введении знаков почтовой оплаты приняли земские собрания Торопецкого, Псковской губернии, и Ржевского, Тверской губернии, уездов. В первом решено было ввести **штемпельные конверты**, во втором — **почтовые марки**. Согласно докладу Торопецкой управы уездному земскому собранию, «с 1.01.1866 г. вся частная корреспонденция принимается на сельскую почту только в заклеенных штемпельных конвертах сельской почты». Почтовые же марки в Ржевском уезде были введены с 19 февраля 1867 г., и «с 19 февраля 1867 г. по 1 января 1868 г. писем с марками было отправлено 2234 штуки» (Доклад Ржевской управы земскому собранию в 1868 г.).

Гораздо раньше, чем в Ржевском уезде, земские марки были фактически введены в Верхнеднепровском уезде, Екатеринославской губернии. Там «земская почта учреждена с 14 мая 1866 г., с 1 декабря 1866 г. введены 4-х копеечные земские марки» (Отчет Верхнеднепровской земской управы за 1866 г.).

В 1866 г. постановления о введении земских почтовых марок были приняты многими уездными земскими собраниями. Часть из них, а именно: Белозерское, Бежецкое, Богородское, Новгородское и Тихвинское, — обратилась в Почтовый департамент с ходатайством о разрешении ввести в обращение земские марки, а другие, как, например, Волчанское, Егорьевское и Козелецкое, выпустили марки явочным порядком.

5 мая 1867 г. Почтовый департамент разрешил ввести земские почтовые марки Новгородскому, Белозерскому, Тихвинскому и Херсонскому земствам⁵, но с условием, что они не будут иметь ничего общего с марками государственной почты. Это непреклонное условие, в дальнейшем не раз подтвержденное Почтовым департаментом (циркуляр № 12725 от 3 сентября 1870 г.) и Министерством внутренних дел (циркуляр № 6897 от 10 ноября 1871 г.), породило необычайное разнообразие форм и размеров земских марок.

Правительственные органы строго следили за выполнением поставленных условий и принимали жесткие меры к нарушителям. Так, в 1890 г. начальник Ярославского почтово-телеграфного округа потребовал изъятия из обращения курсировавших марок земской почты Кадниковского уезда на том основании, что «они имеют сходство с казенными». В связи с этим земская управа была вынуждена срочно ввести в обращение марки нового образца, отпечатанные в две краски — зеленую и красную — и имеющие дополнительный орнамент по полю рисунка. Этот факт подтверждается следующим документом:

«Так как прежние (марки — Ю. Р.) по своему рисунку имели много общего с государственными... заказаны новые в Москве в типографии Ф. И. Нейбургера в количестве 31 000 штук. Они введены в употребление с июня 1890 г.» (Доклад Кадниковской управы уездному земскому собранию в 1890 г.).

⁵ Ходатайство последнего датировано началом 1867 г.

Аналогичный случай имел место в 1897 г. Вятский губернатор, выполняя распоряжение начальника Главного управления почт и телеграфов, потребовал от Уржумского земства немедленной замены почтовых марок, так как «они близко подходят по цвету и форме рисунка к казенным в 1, 3 и 4 коп.». Требование губернатора было выполнено немедленно. В «Отчете о земской почте Уржумского уезда» за тот же год мы читаем: «В 1897 г. (подчеркнуто мной — Ю. Р.) земская почтовая марка заменена новой... Управа сделала новый рисунок марки, который был утвержден губернатором». Цитированный документ ставит под сомнение данные каталога под ред. Ф. Чучина (стр. 195), который относит этот выпуск Уржумского земства к 1898 г.

Интересно также указание курского губернатора Щигровской уездной земской управе, датированное 1881 г.:

«Проектируемая марка, для большего отличия от казенной, должна иметь, во-первых, гораздо больший формат, а во-вторых, другую фигуру, как например равнобедренный параллелограмм или тому подобное».

ГДЕ И КАК ИЗГОТОВЛЯЛИСЬ ЗЕМСКИЕ МАРКИ

По месту изготовления марки земской почты делятся на три группы. К первой можно отнести знаки почтовой оплаты, изготовленные на месте при помощи ручных штемпелей и различного рода штампов. Вторую группу составляют марки, напечатанные по заказам управ частными типолитографиями и типографиями губернских правлений. И, наконец, к третьей относятся марки, отпечатанные в Петербурге Экспедицией заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ).

Ранние марки земской почты (до 1870 г.) в большинстве своем самодельные. Это простейшие оттиски ручных штемпелей и печатей. Таким способом изготовлялись все земские почтовые марки Богучарского, Демянского, Крапивинского, Старорусского, Сызранского и Чернского уездов, а также отдельные выпуски марок Грязовецкого, Елецкого, Кадниковского, Малоархангельского, Новгородского, Тихвинского и Шадринского уездов. Как заметит внимательный читатель, мы здесь снова вступаем в спор с каталогом под ред. Ф. Чучина по поводу способа изготовления марок, по крайней мере, трех земств: Сызранского уезда, Симбирской губернии, Новгородского уезда и Шадринского уезда, Пермской губернии. На нашей стороне объективные свидетели — земские документы.

13 сентября 1869 г. земское собрание Крапивинского уезда, Тульской губернии, решило учредить свою почту с 1 января 1870 г., установив 3-копеечную плату за доставку каждого частного письма. Для взимания почтового сбора потребовались марки. Для их изготовления была заказана прямоугольная штемпельная печать с надписью «Крапивин. Земск. Почта. Три коп. №...». Оттиск делался синей краской, а на пробных — черной и фиолетовой. К открытию почты было изготовлено 5910 марок, из которых 2760 разосланы в 23 волостных правления, а остальные оставлены в Управе. За первые семь месяцев было продано 359 марок, а с 1 июля 1870 г. по 1 июля 1871 г. — еще 394 марки (Отчеты Крапивинской земской управы за 1870 и 1871 гг.).

В Сызранском уезде, Симбирской губернии, земская почта начала действовать в 1867 г. Вначале доставка корреспонденции была бесплатной. С 1 января 1872 г. было решено начать доставку частной корреспонденции и установлен тариф на нее 5 копеек. Сызранская земская управа заранее «заказала в Симбирске», тамошнему умельцу «резчику печатей Татарскому, штемпель для изготовления марок», а мешанину Василию Серебрякову — печать «для клеймения писем о времени прихода и отхода почты»⁶. С конца 1871 г. началась заготовка земских почтовых марок, «которых было изготовлено 4523 экз.». Марки изготовлялись оттиском штемпеля синей краской на листах волокнистой бумаги малинового цвета. В прямоугольной рамке

⁶ Денежный отчет Сызранской уездной земской управы за 1872 г.

штемпеля размещалась надпись: «Земск. почтовая марка 5 к. Сызр. уезд». Эти марки введены в обращение с 1 января 1872 г., и за первые восемь месяцев их было продано более 3500 штук⁷.

В каталоге под ред. Ф. Чучина говорится, что в 1887 г. в Новгородском уезде были выпущены марки нового рисунка, отпечатанные литографским способом. На стр. 138 каталог уточняет: «грубая печать, подобная оттиску ручного штемпеля». Каким же способом в действительности изготовлялись марки этого выпуска? Разгадку мы находим в отчете Новгородской земской управы за 1889 г.:

«Употребляемые до настоящего времени марки 5-ти копеечного достоинства со времени введения их очень часто подвергались изменениям по цвету, вследствие того, что при заказе их в типографии не всегда в точности исполняли требование и таким образом цвет их часто переходил из одного в другой; случались также изменения и в граверном исполнении. В устранение этого Уездная земская управа ввела свой гуттаперчевый штемпель и сама заготовляла по нему марки. Но и эта мера оказалась неудовлетворительною, так как штемпель начал скоро портиться и марки вследствие этого выходили недостаточно отчетливо. Желая установить возможно лучший образец марки, Земская управа предварительно обратилась в уезды своей и соседних губерний с просьбою выслать действующие и прежде бывшие образцы марок и потом уже поручила составить новый образец марки с гербом уезда, придерживаясь присвоенных гербу уезда цветов, по отпечатанию которые и введены в употребление 1 сентября 1889 г.»

Приведенный документ проливает свет на способ изготовления не одного, а по крайней мере, трех выпусков новгородских земских марок — 1887, 1888 и начала 1889 г. (по каталогу под ред. Ф. Чучина, №№ 12—14).

Одиннадцать почтовых марок Шадринского уездного земства Пермской губернии, выпуск которых относится к 1871—1878 гг., всегда были загадкой для пытливого коллекционера. Каталог утверждал, что они изготовлены способом литографской печати, а это вызывало серьезные сомнения. По внешнему виду марки скорее похожи на грубые отпечатки ручного штемпеля. К тому же они отпечатаны на шести сортах писчей, в том числе «клетчатой», бумаги. Обнаруженный документ как будто не только разрешает эти сомнения, но и совершенно неожиданно уточняет год учреждения земской почты в Шадринском уезде. Вот этот документ:

«С 10 февраля 1871 г., во исполнение решения земского собрания от 19—21 ноября 1870 г. об учреждении сельской земской почты, открыто ее движение по трем трактам — Петропавловскому, Челябинскому и проселочному, идущему в Иванищевскую, Ольховскую, Вознесенскую, Басманскую и Смоленскую волость, а также в заштатный город Долматов по Исетскому тракту. Для оплаты доставки частных писем ею выписаны 2000 марок, из коих разослано по волостям 1625 штук.

Но поскольку за их изготовление заплачена значительная сумма, чтобы иметь марки дешевле — Управа приобрела штемпель, которым будет отпечатывать марки в самой Управе» (Доклад Шадринской уездной управы земскому собранию за 1871 г.).

Здесь совершенно точно указывается дата начала работы Шадринской земской почты: 10 февраля 1871 г. Между тем каталог под ред. Ф. Чучина относит ее к 1869 г. Что же касается способа изготовления марок, то в отчетах управы о деятельности уездной земской почты за последующие годы имеются сведения о том, что начиная с 1871 г. по 1878 г. они изготовлялись приобретенным штемпелем и только в 1879 г. управа вновь «приобрела печатанные марки» (подчеркнуто мной — Ю. Р.).

Поддавливающее большинство земских управ заказывало почтовые марки в частных типографиях и литографиях. Одним из центров их изготовления стала Москва. В финансовых отчетах Борисоглебской уездной земской управы есть такие записи:

⁷ Отчет Сызранской уездной земской управы за 1872 г.

«В 1872 г. в Москву, в магазин Т. И. Гаген, за отпечатывание марок — 75 рублей»; «В 1874 г. в Москву, в магазин Т. И. Гаген, за марки — 91 руб. 50 коп.»; «В 1878 г. — уплачено Т. И. Гаген 153 рубля за марки».

В докладе Белебейской земской управы за 1901 г. указано: «Последний заказ марок был сделан в московской типо-литографии И. М. Кушнарера и К^о». Та же типо-литография упоминается и в докладах Соликамской управы: «Отправлено марок в 1909 г. для образцов типо-литографии Кушнарера и К^о на 12 копеек»; «В 1911 г. отправлены образцы марок в типо-литографию Кушнарера и К^о на 1 руб. 25 коп.».

В докладах Данковской земской управы неоднократно приводятся сведения о расчетах с московской типографией Нейбюргера:

«С 1.VII—1886 по 1.VII—1887 у Нейбюргера, в Москве приобретено 24 900 штук... С 1.VII.1887 по 1.VII.1888 у Нейбюргера, в Москве приобретено 10 000 штук... С 1.VI.1889 по 1.VI.1890 у Нейбюргера отпечатано 10 040 штук».

В денежных отчетах Егорьевской, Щигровской и Скопинской уездных земских управ встречаются упоминания о том, что марки для земской почты этих уездов также печатались в Москве.

Другим центром изготовления марок земской почты был Харьков. В журнале земского собрания Харьковского уезда за 1871 г. сообщается: «В 1870 г. отпечатаны марки. Марки печатались в типографии Харьковского губернского правления». В отчете Лебединской земской управы по поводу открытия земской почты 7 сентября 1884 г. сказано: «Марок изготовлено 21 252 штуки в типографии Харьковского губернского правления». Есть сведения, что там же печатались марки для Старобельского уезда.

Из сметы расходов Валковского уезда видно, что в 1893 г. была выплачена денежная сумма «типографии Зильберберга в Харькове за отпечатанные почтовые марки». Первые земские марки, выпущенные в обращение в Павлоградском уезде, Екатеринославской губернии были «заказаны в Харькове в количестве 2500 штук, в июне 1868 г. разосланы для применения» (Постановления уездного земского собрания за 1869 г.).

Многие земства заказывали почтовые марки в частных типографиях Петербурга, Минска, Перми, Вятки, Воронежа, Новгорода, Смоленска, Саратова, Полтавы, Казани, Екатеринослава, Одессы, Скопина, Нарвы, Луги, Череповца, Кременчуга и других городов. Например, в докладе Верхнеднепровской земской управы сообщается, что в 1866 г. Екатеринославской типографии Я. М. Чаусского за печатание марок выплачено 3 р. 50 к. Это были первые марки Верхнеднепровского уезда. В этой же типографии изготовлялись первые земские почтовые марки Екатеринославского уезда: «марок изготовлено типографией Я. М. Чаусского 3092 шт. Стоило это 6 руб. 10 коп.» (Отчет Екатеринославской земской управы за 1872 г.)

В 1887 г. для Глазовской земской почты были изготовлены марки нового рисунка: «50 000 шт. отпечатаны в типографии Котлевича в г. Вятка» (Журнал земского собрания Глазовского уезда за 1888 г.). В той же типографии печаталось несколько выпусков земских марок Нолинского уезда (Отчеты Нолинской земской управы за 1873—1877 гг.).

Некоторые земские управы размещали заказы на изготовление марок не в одной, а в нескольких частных типо-литографиях. Примером может служить Гдовский уезд, С.-Петербургской губернии. Из журналов уездного земского собрания и отчетов Гдовской земской управы видно, что марки для нее изготовлялись сначала в С.-Петербурге в типографии товарищества «Общественная польза», в типографии Неймана и скоропечатном заведении Жиневского, с 1889 г. в типографии Григорьева в Нарве, в 1894 г. в литографии Гоппе и в 1902 г. торговым домом Р. Шварца.

Земские управы, размещая заказы на изготовление марок в частных типо-литографиях, заботились о том, чтобы те не смогли оставить у себя часть тиража. В делах Саратовского уезда сохранился любопытный документ, датированный 1869 г., в котором, в частности, сказано следующее:

«Форма марок вырезана на камне. С заведующего типографией взято удостоверение, что марки, кроме трехтысячного количества, отпечатаны никому не будут и что форма с камня по отпечатанию марок считится» (Доклад земскому собранию Саратовского уезда о деятельности уездной управы за 1869 г.).

Легализовав земскую почту, царское правительство пыталось также регламентировать эмиссию земских почтовых марок. С этой целью в конце 70-х гг. земским управам было рекомендовано заказывать марки в «государственном печатном заведении» — Экспедиции заготовления государственных бумаг. Однако земства не спешили воспользоваться благим советом по двум причинам: из-за высокой стоимости изготовления марок в ЭЗГБ и необходимости заказывать сразу большой тираж.

Новгородская земская управа, сделавшая попытку заказать марки в ЭЗГБ, докладывала в 1880 г. земскому собранию:

«По вопросу об изготовлении земских марок в ЭЗГБ. Управа туда обратилась, дала оригинал марки и просила изготовить 5000 штук. Но ввиду малого количества, ей рекомендовали, по примеру прочих Управ, обратиться в частную типографию, так как заказ в ЭЗГБ будет дорого стоить. Управа полагает более выгодным печатать их в новгородских типографиях, в виду незначительного их годового расхода, приблизительно до 2000 штук».

Первые заказы на изготовление земских почтовых марок в ЭЗГБ поступили от Островского, Лебединского и Арзамасского уездов. Вот какой след остался в документах Лебединской земской управы Харьковской губернии за 1887 г.:

«Управа находит нынешнего образца марки неудобными, поэтому предложила заменить их марками представляемого нового лучшего образца, а самый заказ марок, в предупреждение подделки, производить в ЭЗГБ. Экспедиция заготовления государственных бумаг предложила уплатить одновременно 50 руб. за изготовление стереотипов, 5 руб. — за установку форм и по 4 рубля за каждую тысячу марок».

Царское правительство оказалось упорным в своем стремлении установить контроль над эмиссиями уездных земств. С этой целью в 1900 г. ЭЗГБ снизила цену на изготовление тысячи земских марок с 4 руб. до 2 р. 50 к. Об этом губернаторы не замедлили сообщить уездным земским управам с настойчивой рекомендацией заказывать марки в ЭЗГБ. В 1893 г. ЭЗГБ выполнила первый массовый заказ для Арзамасского, Белозерского, Елецкого, Островского, Лебединского, Ставропольского, Саранского и Ливенского уездов, отпечатав для каждого из них от 12 000 (для Арзамасского) до 64 000 (для Саранского) марок. Этим было положено начало стандартизации земских марок.

В последующие годы ЭЗГБ печатала земские марки тиражами в 100 и более тысяч экземпляров. Например, в 1902 г. для Уржумского уезда было изготовлено 108 500 марок, а в 1914 г. для Шадринского уезда — 227 000 марок.

ПРИЧИНЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ВЫПУСКА ЗЕМСКИХ ПОЧТОВЫХ МАРОК В НЕКОТОРЫХ УЕЗДАХ

Число уездов, где для оплаты доставки корреспонденции применялись земские почтовые марки, постоянно менялось. В некоторых уездах они упразднялись, в других, наоборот, вводились. Были случаи, когда в отдельных уездах после длительного перерыва марки появлялись вновь. Чаще всего исчезновение земских марок означало прекращение деятельности земской почты, так как в уезде открывалось отделение государственной почты.

В 1906 г. земское собрание Каширского уезда, Тульской губернии приняло решение о введении оплаты частной корреспонденции «почтовыми марками в 2 коп.». Марки были выпущены в обращение 15 июля 1907 г. (Отчет Каширской земской управы за 1907 г.). Однако уже 26 сентября управа доложила земскому собранию, что:

«С введением оплаты марками количество писем, по сравнению с 1906 годом, уменьшилось почти вдвое. Доход же от марок невелик: с 15 июля 1907 г. по

1 сентября 1907 г. их продано всего 1550 штук на 31 руб. Изготовление марки стоит 1/4 коп., если это вычтеть из 31 руб., то получим 23 руб. 25 коп.». Заслушав этот доклад, земское собрание постановило «прекратить оплату корреспонденции земскими марками» (Журнал земского собрания Каширского уезда за 26 сентября 1907 г.).

Подобные решения приняты уездными земскими собраниями Тамбовского (1874 г.), Екатеринославского (1876 г.), Верхнеднепровского и Чернского (1876 г.), Старорусского (1881 г.), Землянского (1882 г.), Волчанского и Острожского (1883 г.) и Новососковского (1897 г.) уездов.

1 октября 1874 г. земское собрание Тамбовского уезда, заслушав доклад уездной управы «О затруднительной продаже и учете земских почтовых марок», постановило «уничтожить продажу марок и не взимать платы за письма, пересылаемые по земской почте». Исполнив это постановление, управа доложила собранию, что «из них (марок — Ю. Р.) 2565 уничтожено, как более уже не нужных» (Отчет Тамбовской уездной управы за 1875 г.).

С 1 января 1876 г. бесплатная пересылка всей корреспонденции по земской почте была установлена в Екатеринославском уезде. Уездная управа сообщила, что «оставшиеся в управе 300 марок, согласно постановления уездного земского собрания от 19 сентября 1875 г., как отмененные, уничтожены». 31 октября 1881 г. уездное земское собрание Старорусского уезда, Новгородской губернии, заслушав доклад «Об уничтожении марок и бесплатной отправке писем по сельской почте», постановило: «Признавая учреждение марок земской почты нецелесообразным и несправедливым — марки уничтожить и отправку писем по земской почте производить бесплатно».

В Котельничском, Сапожковском, Бердянском, Нолинском, Шацком, Оханском и некоторых других уездах земские почтовые марки, введенные для оплаты частной корреспонденции, вскоре были отменены, но позднее введены вновь.

Каталог под редакцией Ф. Чучина отмечает, что в Котельничском уезде, Вятской губернии, выпуски марок были сделаны, в числе других, также в 1874 и 1875 гг. Между тем в документах имеются следующие сведения:

4 октября 1872 г. Котельничская уездная земская управа обратилась к земскому собранию с просьбой «отменить существующие почтовые марки, так как вырученные за них деньги настолько ничтожны, что не окупают труд, как по отпечатке марок, так и по ведению счета им». Уездное земское собрание, обсудив эту просьбу, постановило: «Почтовые марки уничтожить, установить бесплатную пересылку писем. Накладывать на конверт печать земской управы или волостного правления» (Журнал уездного земского собрания за 4 октября 1872 г.).

В октябре 1891 г. специальная комиссия, обследовав работу Котельничской земской почты, пришла к выводу, что почта работает плохо и внесла предложения по ее реорганизации. Предложения были приняты, и после 20-летнего перебива, вновь была введена оплата частной корреспонденции земскими марками. В конце 1893 г. уездная управа доложила земскому собранию: «1 августа 1892 г. земская почта была реорганизована, когда была закончена заготовка и рассылка почтовых марок в 26 волостных правлений» и что «с I.VIII.1892 г. по I.VIII.1893 г. за марки получено 456 рублей» (Отчет Котельничской земской управы за 1893 г.).

Таким образом, есть все основания полагать, что вместо самостоятельных выпусков, зарегистрированных в каталоге под №№ 6—14, мы имеем дело с обычными разновидностями выпуска 1870/1871 гг.

В Сапожковском уезде, Рязанской губернии, земские почтовые марки были впервые введены в 1870 г. (Журнал земского уездного собрания за 28 сентября 1870 г.). Однако уже в сентябре 1872 г. управа возбудила перед земским собранием вопрос об их отмене: «Введением марок управа полагала упростить отчетность, но она не упростилась». Ввиду этого земское собрание 24 сентября 1872 г. постановило «отменить почтовые марки». И только через 11 лет, 21 июня 1884 г., они были введены вновь. Аналогичное положение сложилось и в Бердянском уезде, Таврической

губернии. Всего через два года после открытия почты, в октябре 1872 г., уездная управа доложила земскому собранию: «Из числа разосланных в уезде марок продано только 10 штук». Собрание вынесло решение «уничтожить марки, почту пересылать бесплатно». Через 10 лет, в 1882 г., земские почтовые марки здесь снова появились в обращении.

*
*

Некоторые новые данные из истории земской почты и марок, приведенные в статье, показывают, как широк круг вопросов, связанных с деятельностью этого интересного почтового учреждения, и как много еще в этой области неисследованного, спорного, требующего дальнейших обоснований. Очевидна необходимость объединения усилий коллекционеров, собирающих земские знаки почтовой оплаты. Активное исследование земских первоисточников позволит объяснить непонятное, по-новому взглянуть на известные исторические факты. Большую пользу могло бы принести ознакомление с самым большим в нашей стране собранием земских марок, имеющимся в Центральном музее связи им. А. С. Попова в Ленинграде. Ему давно пора открыть свои фонды для филателистов-исследователей. Мы надеемся, что Министерство связи СССР и Правление Всесоюзного общества филателистов помогут тому, чтобы материалы Государственной коллекции земских марок были не только изучены, но и показаны на международных и отечественных филателистических выставках, заняли на них должное место.

ЛЕНИНГРАД

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЛИТЕРАТУРА И МАТЕРИАЛЫ

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., том 5.
2. Большая советская энциклопедия, т. 17.
3. Базилевич К. В. Почта в России в XIX в. М., 1927.
4. Доклады, отчеты, сметы доходов и расходов земских уездных управ; журналы губернских и уездных земских собраний.
5. Фонды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
6. «Санкт-Петербургские ведомости» за 1865 и 1866 гг.
7. «Новгородские губернские ведомости» за 1865 и 1866 гг.
8. «Самарские губернские ведомости» за 1865 и 1866 гг.
9. «Таврические губернские ведомости» за 1865 и 1866 гг.
10. «Земские почтовые марки», каталог под редакцией Ф. Чучина. М., 1925.

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ПОЧТЫ

Почта — одно из древнейших изобретений человечества. Потребность в ней появилась еще в те времена, когда первобытные люди стали объединяться для совместной охоты и трудовой деятельности. Возникновение государства послужило мощным толчком для развития почты, ибо ни одна государственная система немыслима без обмена сообщениями.

С древнейших времен осуществлялась пересылка вестей на Руси. Уже с 885 г. в русских летописях появляются слова: «послал сказать», «послала весть». Конечно, тогдашняя система передачи сообщений еще очень далека от почты в современном смысле этого слова. Тем не менее именно она являлась связующим звеном между городами и погостами (неукрепленными населенными пунктами) Киевской Руси.

Киевская Русь — государство высокой культуры, с широкими экономическими связями. Русские купцы торговали по всему свету. В Византии, Арабском халифате, Чехии и даже в Англии знали русское оружие, пушнину, мед, резную кость. Страной ремесленников и торговцев считали Русь на западе. «Гардарикей» — страной городов — называли ее в скандинавских сагах. Баварский географ IX века насчитал у славянских (русских) племен 556 городов¹.

От Белого моря до устья Дуная и от Волги до Карпат простиралась «империя династии Рюриковичей»², как назвал нашу древнюю землю К. Маркс. Десятки племен и народов, славянских и неславянских, обитали на ее необозримой равнине. Их связывали многочисленные узы: язык, вера, хозяйственные отношения, потребности обороны, племенное родство.

Популярны на Руси были книги и «учение книжное». Государственная школа учреждена была в X в. при Владимире Святославовиче, но это еще не была школа элементарной грамоты. «Учение книжное», по словам академика Б. Д. Грекова, — «не простая грамотность, а систематическое образование, обучение тогдашним наукам»³.

На Руси X—XIII столетий в ходу были такие определения и характеристики, как «учен-муж», «философ», «книжник». Характерен такой пример. Дочь Ярослава Мудрого Анна была замужем за французским королем Генрихом I. Королева Анна была, по-видимому, высокообразованной женщиной своего времени. Она владела иностранными языками, знала латынь. Сохранился ее латинский автограф. Сам же король не мог даже написать свое имя.

Киевское государство граничило с землями воинственных племен — половцев, хозар, печенегов. Они постоянно совершали набеги на Русь. Для отражения нападений

¹ М. Н. Тихомиров. «Древнерусские города». Ученые записки МГУ, вып. 99. М., 1946, стр. 8—39.

² К. Маркс. Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 238.

³ Б. Д. Греков. «Киевская Русь», стр. 399.

требовалось собирать воедино силы русских князей. Этому способствовала, в первую очередь, налаженная система передачи сообщений. С пересылки военных вестей и началась русская почта.

Главным источником сведений о способах передачи сообщений на Руси X—XIII вв. служат летописи, материалы исторических архивов и современные археологические находки. Предстоит рассмотреть многие известные исторические факты с «почтовой» точки зрения. И если мы прочтем древние книги и грамоты глазами историка почты, то обнаружим много любопытного.

«РЕШИЛ Я ПИСАНИЕМ ИЗВЕСТИТЬ ТЕБЯ»⁴

В одном из киевских монастырей, в келье под сводчатым потолком, сидел монах. Осторожно, еле касаясь кисточкой пергамента, он выводил киноварью: «В лето 6393»⁵. Затем летописец сменял кисть на перо и начал очередное сказание: «Посла Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили: «Хозарам. И сказал Олег: «Не давайте хозарам, но платите мне»⁶.

Это — первое летописное упоминание о посылке вестника. Первое слово о зарождении русской почты.

Кого же послал князь к радимичам? Первое, что приходит на ум, — были отправлены послы. Но о посольствах летописец обычно рассказывал иначе. Например, в 907 г. пошел Олег войной на греков и осадил Царьград. Его воины поставили свои корабли на колеса, и те с попутным ветром поехали на город. Видя это, греки испугались и «сказали через послов Олегу: «Не губи город, дадим тебе дани, какой захочешь». Еще через пять лет «послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими». Подобными словами пользовались летописцы, рассказывая об отправлении послов.

Но, возможно, Олег обошелся без посредников? Сам пришел с дружиной во владения радимичей? И в этом случае летописец выразился бы иначе.

Шедесть ветхие листы летописи, и под годом 964 — аналогичное сообщение: «И пошел (Святослав) на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?». Они же ответили: «Хозарам по щелягу с сохи даем». Характер вопроса и ответа здесь тот же, что и в первом случае. Но второе сообщение свидетельствует, что Святослав сам разговаривал с вятичами, тогда как Олег пользовался каким-то **посыльным**.

Всего через полвека система пересылки вестей стала настолько обширной, что великие князья киевские пользовались ею для рассылки приглашений старейшинам своих многочисленных городов на торжественные пиры.

В 996 г. пришли печенег к Васильеву⁷. Киевский князь Владимир Святославович, выступивший с небольшой дружиной, не смог устоять против них. Дружина бежала, а сам он едва успел спрятаться от врагов под мостом. Тогда Владимир в страхе дал обещание построить в Васильеве церковь во имя Преображения, так как битва произошла в день этого православного праздника (6 августа). «Избегнув опасности, Владимир, точно, построил церковь и устроил великое празднование, наварив меду триста мер. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всякий людей много... И праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успенья» (15 августа).

По летописи, разослали гонцов и собрали гостей за **одни сутки**. Но это маловероятно. У Владимира было множество городов не только вокруг Киева, но и в более

⁴ Д. Абрамович. «Киево-Печерский патерик». Киев, 1931, стр. 3.

⁵ 885 год. Далее все даты даются по современному летоисчислению.

⁶ Отрывки из «Повести временных лет» (приводимые далее без ссылок на источник) цитируются в русском переводе Д. С. Лихачева по сборнику «Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков». Госполитиздат, М., 1957.

⁷ Современный Васильков под Киевом.

отдаленных местах. Поэтому гости подъезжали, вероятно, в течение всего праздника. Многие из приглашенных должны были проехать сотни километров, прежде чем попасть на пир. И все же, несмотря на преувеличение, сам факт посылки большого числа вестников на значительные расстояния — примечательный штрих в обмене сообщениями на Руси.

А вот пример обмена гонцами между членами великокняжеской семьи в начале XI в.

В 1015 г. умер великий князь киевский Владимир Святославович. На княжеский стол сел Святополк. Опасаясь соперничества, он замышляет убить своих братьев Бориса и Глеба. И помчался гонцы. Святополк шлет грамоту к Глебу в Муром. Предслава пишет брату своему Ярославу, сидящему в Великом Новгороде, о смерти отца. Ярослав, в свою очередь, сообщает о том Глебу. Все вести дошли до получателей.

В XII в. укрепляется связь между городами и удельными княжествами. Владимирский летописец под годом 1185 сообщает об обмене грамотами между владимирским великим князем Всеволодом Большое Гнездо и митрополитом Киевским Никифором. Предметом переписки послужил отказ Никифора отпустить игумена Луку на епископство во Владимир. Только после третьего послания Всеволода митрополит сдался.

Новгородский купец Гордей в начале XII в. писал своим родителям из Смоленска: «Паклон от Гордея к отцеву и матери. Продавшие двор, идите же Смольньску ли Киеву ли... Али не идете, а присъ (ли) те мне грамотицу, сторови ли есть»⁸. Гордей зовет родителей в Смоленск или дальше в Киев. Если же они не захотят приехать, то пускай сообщат о своем здоровье. До чего же все просто! Хотите — приезжайте, не хотите — пишите. Грамотка новгородского купца невольно подчеркивает обыденность обмена известиями между русскими в древности.

Примеры свидетельствуют о пересылке вестей князьями, духовенством и купечеством. Простые «младшие» люди вряд ли пользовались услугами вестников в ту эпоху. Да в том не было особой необходимости. Хозяйство, родственные связи горожанина и крестьянина обычно замыкались в пределах их родных поселений. Правда, известна новгородская берестяная грамота с жалобой крестьян своему господину на бедность: «у кого кони есть, те плохи, а у других вовсе нет». Но это единичный случай, характеризующий скорее связи экономические, а не почтовые.

ПЕРЕПИСКА С СОСЕДЯМИ

Широкие торговые, культурные и военные связи Киевской Руси с другими странами требовали частого обмена вестниками.

Русские купцы вели обширную торговлю со многими странами и, в частности, с Византией. Тогдашние купцы при первом удобном случае бесчинствовали в византийских городах и селах. Поэтому, заключая в 945 г. договор с князем Игорем, греки потребовали, чтобы все купцы и послы приходили в их города без оружия и с княжескими грамотами. В грамотах должно быть указано, сколько пришло кораблей и с какими целями. «Если же придут без грамот, — читаем мы в договоре, — и окажутся в руках наших, то мы (греки) будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему... Если же, убежав, вернутся в Русь, то напишем мы князю вашему, и пусть делают, что хотят».

Только в одной статье договора дважды упоминается посылка вестей из Византии на Русь. Правда, сообщения такого характера могли доставлять в Киев сами купцы, которые по тому же договору обязаны были к зиме вернуться в свою страну.

Но дочитаем договор до конца. Одна из его последних статей гласила: «Если же пожелаем мы, цари, у вас войнов против наших противников, да напишем о том

⁸ В. Л. Янин. «Я послал тебе бересту...», стр. 187.

великому князю вашему, и вышлет он нам столько их, сколько пожелает». Разумеется, здесь об оказии не может быть и речи. Греки в этом случае посылали в Киев гонца с просьбой прислать воинов.

Пересылка вестей между Киевом и Царьградом, столицей Византии, между Русью, Византией, Болгарией и кочевыми племенами началась в конце первой половины X в.

В 941 г. пошел Игорь походом на греков. «И послали болгары весть царю (византийскому), что идут русские на Царьград: десять тысяч кораблей.» Поход Игоря окончился неудачно — греки сожгли его корабли. Через три года Игорь вновь пошел на византийского царя Романа, собрав воинов многих. «Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море кораблями». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли с собой печенегов». Результатом этого похода и явился тот самый договор 945 г., к которому мы уже обращались.

Таковы сообщения о пересылке вестей между народами в древних русских летописях. Из них видно, что вестников посылали по суше и по морю. Весть о походе Игоря жители города Корсуня (Херсонеса) могли послать только через Черное море.

Гонцы посылались не только к оседлым народам. В летописях встречаются сообщения о вестниках к кочевым племенам.

В 971 г. князь Святослав возвращался из одного из своих многочисленных походов. Шел он на ладьях по Днепру и дошел до порогов. В это время к печенегам, которые стояли у порогов, пришла весть из Переяславца на Дунае: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатств и пленных без числа». Печенеги тотчас же заступили пороги. Конец истории хорошо известен: Святослав был убит, из его черепа сделали чашу и Курья, князь печенежский, шл из нее на пирах.

Нельзя, конечно, утверждать, что именно посылка вестей переяславцами явилась основной причиной гибели Святослава. И все-таки, не существуй в X в., системы военных вестников, этого могло бы не случиться.

ПОВОЗЫ. ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

В 984 г. пошел киевский князь Владимир на радимичей. Княжеский воевода Волчий Хвост встретил их на реке Пищане и побил. С тех пор они «платят дань Руси, повоз везут и до сего дня». Взимание дани с побежденных — одна из форм подчинения центральной власти.

Каждую зиму русские князья со своими дружинами выходили из Киева на полюдье. Князь обходил свои владения, вершил судные дела, оставленные до его приезда, брал дары, обогащавшие его казну. При таком виде подчинения связь между племенами была очень слабая. Гораздо важнее для общей связи племен и для скрепления связи каждого племени с общим средоточием была обязанность **возить повозы** — обязанность, вследствие которой племена сами были обязаны доставлять дань в определенное князем место. Но доставка дани была только одной из сторон повозной повинности.

Сильвестровский список летописи, из которого мы взяли последнюю цитату, писался в киевском Выдубецком монастыре в конце XI — начале XII вв., когда под словом «повоз» понимался не только способ доставки дани. В это время повозами называли средства передвижения, находившиеся в ведении самого князя. Летописное подтверждение мы находим только в середине XII столетия: это ставший хрестоматийным в истории почты рассказ о поездке великого князя Суздальского Юрия Долгорукого к своему старинному приятелю рыльскому князю Святославу Ольговичу. Святослав принял Юрия с честью и, провожая, «повозы дал».

Возможно, повозы были известны на Руси и несколько раньше. Лаврентьевский список под 947 годом сообщает: «Иде Волга Новгороду и устави по Мсте повосты и дани, и по Лузе оброки и дани; ловища ея суть по всей земле; знаменья и места и повосты, и сани ее стоят в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по

Десне». Это место летописи не совсем ясно для исследования, тем более, что во всех остальных списках слово «повозы» заменено на «погосты» или «погости». Но следует обратить внимание, что по Лузе (Луге) Ольга установила два вида повинности: оброк и дань, на Мсте же — только одну дань. По логике вещей вместе с данью на народы, населявшие берега Мсты, должна быть наложена еще какая-то повинность. В чем она выражалась, можно определить, взглянув на географическую карту: по Мсте проходил древний путь из Новгорода на Волгу. Поэтому население этих мест должно было перетаскивать волоком княжеские и купеческие лодки (везти повоз). Предположение, что Ольга установила по Мсте повозы и дани, правомерно еще и потому, что этот же отрывок сообщает об устройстве Ольгой мостов (перевесища) через Днепр и Десну.

Корни повозной повинности идут к Византийской империи. Так, после завоевания Болгарии в 1018—1020 гг. император Василий II установил для крестьян покоренной страны ряд повинностей и в их числе поддержание в порядке дорог и мостов, перевозка грузов и вестников. Такие же обязанности выполняли крестьяне других областей империи.

Русские князья, тесно связанные родственными узами с правящей Македонской династией (Владимир Святославович был женат на сестре Василия II Анне), не могли не знать про такую систему доставки грузов и вестников. В 1014 г. Владимир собрался идти походом на Великий Новгород. Помчались по дорогам гонцы с княжеским приказом: «Расчищайте пути и мостите мосты». Совершенно очевидно, что этот приказ относился к жителям тех мест, по которым должна была пройти княжеская дружина.

Отправляясь в дальние походы, князь и дружина обычно ехали налегке, все тяжелое вооружение за ними везли в обозе или на возах отсылали вперед. Обозы нуждались в постоянной смене лошадей. Замена усталых лошадей свежими полностью ложилась на плечи населения. Это еще одна из сторон повозов.

Но имели ли повозы отношение к перевозке вестников? Может быть, в древней Руси существовал какой-нибудь другой способ пересылки сообщений на расстоянии?

Обратимся к первой из дошедших до нас договорной грамоте между Великим Новгородом и тверским князем Ярославом Ярославовичем. Она датирована 1266 г. В ней особо оговаривается условие проезда княжеских вестников по новгородским землям: «А дворянам твоим по селам у купцов повозов не имати, разве ратной весте. Тако, княже господине, пошло от дед и от отец и от твоих и от наших». «Ратная весть» — сообщение срочное, чрезвычайное, не терпящее отлагательств. Человек, везущий такое известие, пускай даже устное, пользовался преимуществом перед остальными проезжающими. Он мог, по крайней мере в новгородских владениях, брать безвозмездно («имать») лошадей даже у богатейшей части сельского населения, освобожденной от повоза.

Что же такое повоз? Это — система доставки грузов и вестников, при которой всякий, имеющий на то право, мог получить в любом городе или селе княжества лошадей, телеги и прочие средства передвижения. Человек, пользующийся этим правом, очевидно, имел какой-либо знак или княжескую грамоту, своего рода подорожную.

Вероятнее всего, повозы не замыкались в границах одного удельного княжества. Родственные связи между русскими князьями были очень сильны. Младшие князья обязаны были оказывать старшему глубокое почтение и покорность, являться к нему по первому зову. В летописях мы находим множество примеров посланки вестников от князя к князю за военной помощью. Так, во второй половине XII в. великий князь Ростислав «посла... к братин своей и к сыном своим, веля им всем съвкупитися у себя с всеми полкы своими».

Повозы начали развиваться с конца X в. и уже в XI столетии превратились в слаженную систему натуральной повинности. Ею пользовались для перевозки грузов, пересылки вестей, поездок князей друг к другу.

Обязанность возить повозы ложилась тяжелым бременем на плечи податного населения. Случалось, что именно повозная повинность являлась одной из причин народных волнений. Особенно она была в тягость Господину Великому Новгороду. Для него обязанность возить княжеских гонцов была равнозначна потере независимости. Поэтому новгородцы постоянно требовали освобождения от повозов.

ПО ДОРОГАМ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА

Бытует мнение, что на Руси в древности не было более или менее удобных сухопутных путей. В исторических романах зачастую гонец — самый несчастный человек: едет он без пути по звериной тропе, а на деревьях сидят соловьи-разбойники и мечтают отнять у него шапку с княжеской грамотой.

Но исследования ученых и, в первую очередь, русские летописи доказывают беспочвенность подобных утверждений.

О расчистке путей и наведении мостов через реки неоднократно сообщается в летописях. Мы уже упоминали о заботах княгини Ольги и Владимира Святославовича о благоустройстве дорог. Остается выяснить, можно ли было по ним быстро ездить.

В 1021 г. пришел полоцкий князь Брячислав под Новгород, взял его и, захватив новгородцев и имущество их, двинулся обратно в Полоцк. Узнав об этом, великий князь Ярослав Мудрый выступил с дружиной из Киева, на седьмой день нагнал его из Судомире-реке и победил.

Судомире-река на Псковщине примерно на полпути между Новгородом и Полоцком. От Киева до нее километров восемьсот. Княжеская дружина проскакала это расстояние за семь дней, со средней скоростью 110—115 километров в день.

Уже в начале XI в. по Новгородской дороге из Киева вестники скакали днем и ночью. Под 1015 г. летописи подтверждают этот факт. В Киеве умер великий князь Владимир Святославович. Сообщение об этом было послано его сыну в Новгород. «В ту же ночь, — говорится в летописи, — приде весть к Ярославу от Предслава об отцовей смерти.» Только удовлетворительное состояние дорог позволило гонцу мчаться ночью.

Еще один пример. На этот раз о езде по южно-русским дорогам в осеннее время. Ежегодно ходили русские князья войной друг на друга, сражались, мирились и снова ссорились. В результате одной из таких ссор слуги великого князя Святополка в 1097 г. ослепили в Белгороде под Киевом теребовальского князя Василька, взвалили на телегу и повезли во Владимир-Волынский. «Поехали с ним быстро по неровному пути, — сообщает летописец, — ибо был месяц «неровный» — грудень», т. е. ноябрь. В город они прибыли на шестой день. От Киева до Владимира-Волынского около 500 километров. Но даже по «неровному» пути их преодолели за шесть дней. Спешить не было особой необходимости, тем не менее возчики в сутки покрывали свыше 80 километров.

Впрочем, 80 километров в сутки — скорость не ахти какая даже для XI столетия. Русские князья в то время ездил быстрее.

В своих «Поучениях» князь Владимир Мономах рассказывает, что он из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу. Мономах сидел «на черниговском столе» пятнадцать лет, так что сто поездок за такой срок не так уж и много, примерно раз в два месяца. Но далее Владимир сообщает, что это расстояние он «за один день проезжал до вечерни», т. е. за 10—12 часов.

Как же ехал князь? От Киева до Чернигова чуть больше 140 километров. Проехать такой путь даже налегке, без остановки было утомительно. Где-то в пути всадники должны были сделать остановку, отдохнуть, накормить коней или сменить их. Наиболее вероятным местом привала мог быть известный еще с 988 г. Гродец на Остре (нынешний Остер). Он лежал примерно на полпути между Киевом и Черниговом. Здесь на княжеском или постоялом дворе путники могли остановиться на отдых.

Постоялые дворы были известны на Руси с XI в. Память об этом сохранилась в названии одного из городов Черниговской области — Прилуки, или, как его называют в летописях, Прилук. В некоторых списках «Повести временных лет» его еще называют «Переволочна» — город у волока, «перволока». Поэтому из всех возможных толкований слова «прилуки» наиболее правильные — «пристанце», «приют», «постоялый двор». Прилук впервые упоминается под годом 1092.

В тех же «Поучениях» Владимир Мономах рассказывает: «Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался». Не пошел, не по-

ехал, а помчался! «Поводными» же называли коней, которые скакали рядом со всадником «в поводу». Обычно для быстрой езды использовались две-три лошади. Пересяживаясь с одной на другую, человек мог проезжать большие расстояния.

Приведенные примеры свидетельствуют, в первую очередь, о более или менее удовлетворительном состоянии дорог древней Руси. В X—XIII столетиях наиболее крупные города Киевского государства были связаны надежными дорогами, по которым можно было быстро ездить и в летний зной и в осеннюю распутицу. Повозная повинность обязывала население содержать их в порядке, перебрасывать мосты через реки.

КНЯЖЕСКИЙ ГОНЕЦ

Мы пользуемся терминами «вестник», «гонец». Между тем, в летописях так посыльных не называют. Летописцы обычно пишут: «послал сказать», «прислали весть» или «пришла весть», почти никогда не указывая, кто привез известие. Все же в летописных текстах слова «гонец» и «вестник» в других значениях существовали, и можно выяснить, когда они появились в русской речи.

Слово «вестник» в близком по смыслу звучании впервые упоминается под годом 986 в летописном отрывке «Речь греческого философа о вере»⁹. Исаия же рече: «Ни посол, ни вестник, но сам господь пришед, спасет ны». Летописец разграничивает понятия: посол и вестник, как разные категории людей, передающих известия, грамоты и поручения. Само слово «весть» летописец написал еще раньше, в 866 г.: «... и епархъ посла весть ему: «идут Русь на Царьград».

«Гонец» моложе слова «вестник». Оно появляется в рукописях с середины XIV в. Во Владимирском летописце под годом 1348 читаем: «И постигоша его гонци килечни из Орды». Здесь речь идет о гонцах, которых послал с грамотой хан Эдигей. Но, возможно, слово «гонец» родилось в конце XII — начале XIII столетий, когда в русском языке появилось выражение «гна изгону» — гнать во всю мочь, быстро мчаться.

Вестников и гонцов могли отправлять как с устным известием, так и с грамотой. Но было в старину слово, которым называли посыльных только с письменным сообщением: «грамотоносець» (грамотоносец). Оно встречается в памятнике древнерусской переводной литературы «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Перевод сделан в первой половине XI в., точнее, по мнению Е. В. Барсова, в 1037 г.

Кто же возил княжеские грамоты? Обратимся к летописному рассказу о сватовстве Владимира Святославича к Рогнеде, дочери полоцкого князя Рогволода. В 980 г. послал Владимир к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Та ответила отказом. «И придоша отрици Володимирови, — говорилось в летописи, — и повешаше ему всю речь Рогънедину». Отроки, т. е. отроки, — прислуга князя, жившая постоянно при нем. У Киевского князя Святополка Изяславовича в конце XI в. насчитывалось 800 (по некоторым летописям 500) отроков.

Однако не только отроки использовались для посольской службы. Владимир Мономах писал Олегу Святославовичу: «Прислал он ко мне мужа своего и грамоту». Мужами в старину называли старших княжеских дружинников. Но, возможно, этот случай не характерен для тех времен. Грамотоносец приехал от сына Мономаха Мстислава. А тот мог послать не слугу, а воина, в знак уважения к отцу.

Очевидно, вестниками назначали не любого отрока или дворянина (так назывались люди, постоянно жившие на княжеском дворе). Была особая категория людей, хорошо знающих дороги русских княжеств, умеющих ориентироваться на местности не

⁹ Большинство исследователей считают «Речь философа» вставкой, относящейся ко второй половине XI в.

только днем, но и ночью. Это были сильные и мужественные люди, готовые вступить в схватку с диким зверем и лихим человеком. И, наконец, они были, безусловно, преданы своему господину, ведь часто приходилось возить тайные вести, разглашение которых могло дорого обойтись их князю.

Грамоты и устные сообщения обычно передавались только тому лицу, кому они были адресованы. Поэтому гонец мог изменять свой маршрут, если по дороге узнавал, что нужное ему лицо переехало в другой город или отправилось в поход. Подтверждение этого мы находим в древних сказаниях. Вернемся к году смерти Владимира Святославовича. Его сын Святополк «окаянный», как называет его летописец, послал гонца в Муром к Глебу с ложным известием: «Приезжай сюда скорее, отец тебя зовет: сильно он болен». Глеб тотчас же с малой дружиной поехал в Киев. Пройдя Смоленск, на реке Смядыне, князь с дружиной пересел в лодки и собрался плыть дальше. Здесь догнал его гонец из Новгорода от князя Ярослава со словами: «Не ходи в Киев: отец твой умер, а брат (Борис) убит Святополком». Смоленск и река Смядынь лежат в стороне от старинной дороги из Новгорода в Муром. Однако гонец Ярослава как-то очутился там. Возможно, по дороге он узнал, что Глеб уехал в Киев, и помчался за ним.

Теперь несколько слов о «письмах» наших далеких предков.

Свои эпистолии киевляне обычно называли «грамотами». Терминология новгородцев, авторов писем на бересте, была шире, они говорили «грамота», «грамотка», «грамотица» или просто «береста». Слово «грамота» — греческое, оно пришло на Русь в IX в., вместе со славянской письменностью. В переписке духовных лиц встречается слово «послание». Это определение восходит к евангельским текстам, появившимся в Киеве в конце X в., вместе с христианством.

Грамоты писались на пергаменте или бересте. Их обычно скатывали в трубочку, зашивали в холщовый чехол и запечатывали восковой печатью. Гонец вез грамоту или в специальном мешочке на груди или в дорожной сумке — «калите».

* *
*

Мало осталось следов существования системы передачи сообщений в Киевской Руси. Но те крупницы, которые рассеяны по листам летописей и древних актов, свидетельствуют о многом.

Пересылка вестей была известна и осуществлялась на территории нашей страны с древнейших времен. В 866 г. летописец сообщил о посылке вестника в Византию, а еще через несколько лет, в 885 г., записал: «Посла Олег к Радимичем глаголя».

Уже с XI в. можно говорить о государственной русской почте: была система перевозок гонцов — повозы, были станции — постоянные дворы, были люди, развозившие вести, — отроки. Вместе с тем, следует отметить две характерные особенности обмена сообщениями в те годы. Всякий гонец вез, как правило, только одно известие. И, второе, — вестник не только передавал письменное или устное послание своего князя, но и привозил ответ.

До нас дошли правила пересылки сообщений — договорная грамота между Новгородом и тверским князем Ярославом Ярославовичем. Подобные же грамоты, вероятнее всего, писались и раньше, в XII в., когда наметилось разделение Киевской Руси на удельные княжества.

Поиски сведений о древней русской почте только начаты. Дальнейшие исследования могут привести к совершенно неожиданным открытиям. В частности, очень многое может дать выяснение вопроса, кто такие «седельники». Сейчас известно, что это «обозная прислуга». Но совершенно непонятно, почему еще в XI в. они селились отдельными селами и держали постоянные дворы.

История русской почты IX—XIII столетий ждет своих исследователей.

ИСТОЧНИКИ:

1. Полное собрание русских летописей: т. I. Лаврентьевская летопись. СПб, 1845, т. II. Ипатьевская летопись. СПб, 1908, т. 30. Владимирский летописец. М., изд-во «Наука». 1965.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л. Изд-во АН СССР, 1949.
3. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., Учпедгиз, 1953.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, М., Изд-во иностранных и национальных словарей, 1956.
5. Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. М., Изд-во АН СССР, 1963.
6. Мещерский Н. А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1958.
7. Николаев В. А. Феодални отношения в покорената от Византия България отразени в писмата на Теофилакт Охридски, архиепископ Български. София, 1951.
8. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., Соцэкономиздат, кн. I, 1959; кн. II, 1960.
9. Ходаковский З. Пути сообщения в древней России. Русский исторический сборник, т. I, кн. I, М., 1837.
10. Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., Изд-во МГУ, 1965.

НА МАРКЕ — ЗЕНИТЧИК ИВАН СКВОРЦОВ!

Исследуя материал на тему «Филателия — о морях Военно-морского флота», я заинтересовался одной из почтовых марок, вошедших в серию «25-летие комсомола». Реалистичность манеры художника, жизненность изображенной на марке «Комсомолец-зенитчик» ситуации навели меня на мысль: не показан ли на марке какой-нибудь реальный, зафиксированный на фотографии или в рисунке эпизод Великой Отечественной войны и конкретный участник этого эпизода? Я не раз возвращался к вопросу об оригинале, послужившем художнику В. Климашину материалом для создания марки, но ответ на него получил только после того, как прочел «Севастопольскую поэму» Б. Шейнина и Н. Криванчикова (изд-во «Крым», Симферополь, 1964).

На одной из иллюстраций к поэме я увидел моряка-зенитчика, который изображен на марке. В этом сомнений не было. Но кто послужил оригиналом для иллюстрации в книге? Может быть, тот же моряк, что и для рисунка на марке? Никакой

Зенитчик
Иван Скворцов

подписи под иллюстрацией нет. Тогда я обратился за разъяснением к одному из авторов книги, к бывшему военному фотокорреспонденту Борису Шейнину, кстати, тоже филателисту. Последний рассказал, что в 1941 г. он был на эскадренном миноносце Черноморского флота «Незаметник» в то время, когда на корабль налетели вражеские самолеты. Отражая воздушный налет, комсомолец-зенитчик Иван Скворцов сбил фашистский бомбардировщик. Во время боя Борис Шейнин сделал несколько снимков. Один из них был напечатан в центральной газете «Красный флот». (Фотоархив Б. Шейнина времен Великой Отечественной войны хранится в Музее революции в Москве.)

Стало очевидно, что оригиналом для рисунка на марке послужила фотография Б. Шейнина из газеты «Красный флот» и изображен на ней зенитчик Иван Скворцов.

И. САЧКОВ,

г. Севастополь

ПРОГНОЗЫ МОНЕТНЫХ НАХОДОК

(РУССКИЕ МЕДНЫЕ МОНЕТЫ XVIII в.)

В этой статье обосновывается возможность находок неизвестных разновидностей русских медных монет XVIII в. и намечаются перспективные направления дальнейших поисков. Речь идет в основном о монетах-перечеканах, ибо именно в этой области имеется еще немало «белых пятен».

Изучение и систематизация русских монет регулярного чекана (с 1700 г.) ведутся уже почти два столетия. Однако и донные нумизматы не располагают их полным перечнем. Особенно много пробелов и неясностей в медном переделе XVIII в., отличающемся удивительным богатством типов и разновидностей. И подчас в груде медяков коллекционер с удивлением обнаруживает монету, не описанную в литературе. Случайная удача? Да. Но еще Суворов говорил: «Раз счастье, два счастье — помилуй бог, нужно когда-нибудь и умень!».

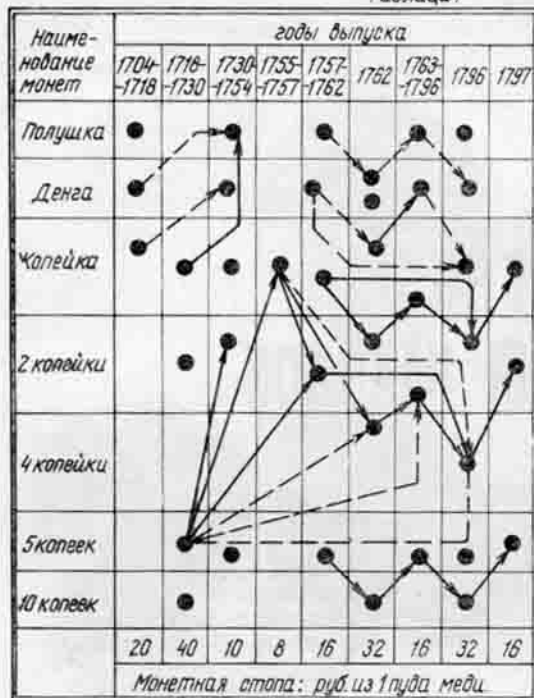
До 1700 г. на монетах Московского государства номинал обычно не обозначался: величина любой денежной суммы прямо выражалась ее весом. Реформа 1700 г. отучила людей взвешивать деньги и научила их эти деньги считать. Возникла потенциальная возможность для отрыва номинальной стоимости монеты от реальной стоимости металлического диска, на котором она чеканилась. Медные монеты существенно «лохуедали». Если в 1700 г. из пуда меди выходило монеты на 12,8 руб., то после 1718 г. — уже на 40 руб.

Но где-то нужно было и остановиться, тем более, что началась массовая фабрикация фальшивой монеты (пуд меди тогда стоил 6—8 руб.).

В 1730 г. русское правительство решило вплотную заняться оздоровлением денежного обращения. Было запрещено употребление «старого дела медных копеек» (чеканившихся до 1718 г. по 20-рублевой стопе), а затем и полушек 40-рублевой стопы (1718—1722 гг.)¹ и был начат выпуск монет нового типа. Эти монеты чеканились по 10-рублевой стопе. Вначале предполагалось чеканить исходный «петровский» набор номиналов (полушка, денга, копейка), но уже указ от 22 декабря 1730 г. упоминает только полушки и денги — обстоятельство, как увидим, весьма красноречивое.

Запасов меди в стране не было, а чеканка новой монеты из металла текущей добычи (при ее тогдашнем уровне) растянулась бы на многие годы; поэтому основную массу сырья должны были составить монеты прежних выпусков. Передел старой монеты в столь значительных масштабах было заведомо выгоднее производить не путем ес

Таблица 1

эти копейки были дешевле, чем металл, из которого они делались: копейки чеканились по 8-рублевой стопе, а пуд меди в то время стоил 10 руб.¹

В дальнейшем каждый новый выпуск медной монеты все более ориентировался на перечеканку. Об этом говорит соотношение монетных стоп этих типов. С 1757 г. медные монеты чеканились по 16-рублевой стопе (это дало возможность пустить под двухкопеечные штемпеля копейки 1755—1757 гг.). В 1762 г. почти исключительно на монетных кружках предыдущего типа было отчеканено на 20 с лишним миллионов рублей легковесных (32 рубля из пуда меди) монет, которые в царствование Екатерины II (в основном в 1763—1767 гг.) были вновь обращены в монеты 16-рублевой стопы, но уже с вензелем новой императрицы. Заключительными этапами в «эстафете перечеканок» явились события 1796—1797 гг. — передела части медных монет в легковесные (опять с удвоенным номиналом) и их восстановительная перечеканка по приказу Павла I снова в монеты 16-рублевой стопы¹.

С 1730 г. по 1797 г. образцы медных монет менялись шесть раз. При этом изменялись не только типы лицевой и оборотной сторон, но и рисунки гурта.

Эту краткую историческую справку уместно иллюстрировать табл. 1. Линии, соединяющие на таблице монеты разных выпусков, означают, что более старая монета использовалась как готовый кружок для выделки более поздней. Пунктирные линии показывают, что в этих случаях достоверных данных о перечеканке нет, но, в принципе, она была возможна.

перелавки, а перечеканкой, т. е. использованием для выделки монет не чистых кружков, а монетных дисков прежних выпусков. Эти соображения определенно отразились на стопе и наборе номиналов новых монет: 10-рублевая стопа не только приближала номинальную стоимость монет к их реальной ценности, но и делала возможной кратную перечеканку большинства старых монетных кружков. На копейках 20-рублевой стопы стали чеканить денги, а на копейках «Москва» 1728—1729 гг. — полушки. Массовый выпуск новых копеек так и не был налажен — их просто не на чем было чеканить.

Перечеканка началась в 1730 г. и в основном была закончена к 1735 г., но какая-то часть монет 10-рублевой стопы, по-видимому, чеканилась на старых кружках (по мере поступления их на монетные дворы) вплоть до прекращения выпуска монет этого образца (1754 г.).

В 1755 г. настала очередь «крестовых» пятаков 1723—1730 гг., которые до той поры обращались по цене ниже номинальной. В течение двух с небольшим лет подавляющее большинство их было перечеканено в копейки. Любопытно заметить, что

¹ М. Львов, В. Корецкий, М. Горнунг. Последняя массовая перечеканка медной монеты в России. «Советский коллекционер», 1965, № 3.

Наиболее перспективными представляются поиски разновидностей монет с необычными для того или иного типа гуртами (при перечекалке гурчение зачастую не производилось, и на новой монете сохранялся гурт старой, который мог не совпадать с новым «стандартом»).

Ниже перечисляются возможные находки. Монеты кратко охарактеризованы применительно к задачам данной статьи и помещены в хронологическом порядке. Авторы сочли полезным сопроводить некоторые гипотезы указанием на степень вероятности их подтверждения. Естественно, даже самая правдоподобная гипотеза может навсегда остаться только гипотезой (или даже быть впоследствии опровергнутой), но думается, что хотя бы часть «прогнозов» должна подтвердиться в недалеком будущем и что коллекционеры сыграют в этом не последнюю роль.

А. ТИП 1730—1754 гг.

Массовый чекан: полушка с гуртами №№ 1 и 6², денга с гуртом № 5. Пробные монеты: копейки 1730, 1735, 1743 гг., 2 копейки и 5 копеек 1740 г.

Вероятность находки тех и других полушек — очень большая, прежде всего, с датами 1730—1731 и 1734 гг. (годы массовой перечекалки). Лицевая и оборотная стороны этих полушек не отличаются от обычных (рис. 1).

1. Полушки с гуртом № 8

Рис. 1

Основным «сырьем» для выделки полушек в первые годы чеканки монет 10-рублевой стопы служили копейки «Москва» 1728—1729 гг., имевшие гурт № 8. Остатки этого гурта на полушках под стандартным веревочным встречаются часто, но на некоторых монетах старый гурт мог сохраниться полностью (как брак в работе монетного двора).

Ниже в ряде случаев, также для наглядности, приводятся изображения типовых монет.

2. Полушки с гуртом № 0

Если под полушечный штемпель шли денги 1704—1718 гг., на полушках — тоже по вине монетного двора — мог сохраниться необработанный гурт, свойственный всем медным монетам выпусков до 1723 г.³

3. Денги с гуртом № 0

Могли получаться, если под штемпель попадали копейки 1704—1718 гг. без предварительного гурчения (см. пп. 1 и 2). Авторам известна денга 1731 г. с необработанным гуртом, перечеканная из копейки «БК» (год субстрата⁴ на данной

² В статье применяется наиболее распространенная система нумерации гуртов монет, а именно: № 0 — гладкий (необработанный) гурт; № 1 — веревочный с наклоном вправо; № 3 — рубчатый гурт; № 4 — гуртовая надпись; № 5 — сетчатый гурт; № 6 — веревочный с наклоном влево; № 8 — гурт цепочкой; № 15 — гурт листочками.

³ На искоемых полушках предполагается необработанный гурт «в чистом виде» — без следов нового. Имеется также в виду, что монета не утратила гурта вследствие изношенности.

⁴ Старый штемпель, перекрытый новым при перечекалке.

монете различить не удалось). Вероятность обнаружения таких денег — очень большая. Ожидаемые даты — 1730, 1734—1735 гг. (рис. 2).

Рис. 2

Б. ТИП 1755—1757 гг.

Единственный номинал — копейка. Масовая перечеканка «крестовых» пятаков 1723—1730 гг. (рис. 3), частично — чеканка на чистых кружках. Стандартный

Рис. 3

для данного выпуска гурт — № 4, но большинство перечеканов, выделанных Московским и Петербургским монетными дворами, перегурчиванию не подвергалось, и потому они сохраняли гурт «крестовых» пятаков.

4. Копейки с гуртом № 1

Небольшая часть пятаков 1730 г. с буквами «М—Д» под орлом имела необычный для этих монет гурт № 1⁶. Проходя перечеканку на Московском и Петербургском дворах, такие пятаки должны были по большей части сохранять этот гурт.

5. Копейки «ММД» и «СПБ» 1757 года (гурты № 4 или № 5)

Копеек данного типа в 1757 г. было произведено в Москве на 68 970 руб., а в Петербурге — на 6280 руб., т. е. всего около полутора миллионов экземпляров⁶. Однако с датой «1757» до сих пор известны лишь копейки, выпущенные Екатеринбургским монетным двором. Возможно, что в Москве и Петербурге в 1757 г. чеканка копеек этого типа велась штемпелями прошлых лет. Но можно предположить, что копейки 1757 г. «ММД» и «СПБ» не успе-

Рис. 4

ли покинуть монетных дворов и были в том же году перечеканены в двухкопеечники следующего типа. При этом какая-то часть монет могла уцелеть (такие «следы» оставляли все, даже самые секретные мероприятия в области монетного дела).

На рис. 4 представлена оборотная сторона копеек 1755—1757 гг.

⁶ А. Ильин и И. Толстой. Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 гг. Практическое руководство для собирателей. СПб., 1910.

⁶ Московский архив Министерства юстиции, книга № 23/3594, лл. 256—270.

В. ТИП 1757—1762 гг.

Массовый выпуск полушек (гурт № 3), денег (гурт № 3), копеек (гурт № 5), пятаков (гурт № 5) на чистых кружках; массовый перечекан копеек 1755—1757 гг. и «крестовых» пятаков в двухкопеечники и чеканка последних на чистых кружках. Гурт двухкопеечников — № 4 (Екатеринбург, 1757 г.) и № 5 (при чеканке на чистых кружках в Москве и Петербурге, а в Екатеринбурге — в 1758—1762 гг.). Перечеканка, как правило, — без перегурчивания.

6. Две копейки с гуртом № 1.

Исходные монеты — пятаки 1730 г. «М—Д» (см. п. 4). Искомые двухкопеечники могли получаться как непосредственно из пятаков, так и из копеек выпуска 1755—1757 гг., сохранивших старый гурт.

7. Две копейки 1761 года — номинал над псадником.

Такие монеты широко известны с датой 1757—1760 гг. Они выделялись в Екатеринбурге, в основном из копеек 1755—

1757 гг. с гуртом № 4 (перегурчивание не производилось). Но перечеканка на Екатеринбургском монетном дворе продолжалась и в 1761, и при этом было получено двухкопеечников на сумму 126 руб. 76 коп., т. е. 6338 экз.⁷ По-видимому, только крайние небольшим, в сравнении с предыдущими годами, выпуском подобных монет объясняется, что до сих пор нумизматы не имеют ни одного экземпляра такого двухкопеечника (на рис. 5 лицевая сторона монеты).

Г. ТИП 1762 ГОДА

Массовая перечеканка монет предыдущих выпусков в грошевики (двухкопеечники), четырехкопеечники и гривенники; ограниченный выпуск монет достоинством в денгу и копейку. Перечеканка без перегурчивания: грошевики и гривенники сохранили гурт № 5 (с копеек и пятаков 1757—1762 гг.), четырехкопеечники известны с гуртами №№ 4 и 5.

8. 4 копейки с гуртом № 1.

Могли получаться при перечеканке уже упоминавшихся пятаков 1730 г. «М—Д» с гуртом № 1 или монет последующих выпусков, чеканившихся на этих пятаках без перегурчивания (см. пп. 4 и 6). На рис. 6 изображены лицевая и оборотная стороны такого четырехкопеечника.

Рис. 5

Рис. 6

⁷ Екатеринбургский горнозаводский архив, опись № 4, книги денежных мастеров.

Д. ТИП 1763—1796 гг.

Набор номиналов — как в выпуске 1757—1762 гг. Массовый выпуск всех номиналов. Сестрорецкий, Кольванский, Феодосийский и Аниинский монетные дворы (обозначения на монетах соответственно: «С—М», «К—М», «Т—М» и «А—М») работали на чистых кружках; Екатеринбургский («Е—М») в первые годы частично занимался перечекалкой; Московский («М—М») и Петербургский («СП—М») осуществляли только перечекалку. Перечекашивались, как правило, без перегурчивания почти исключительно монеты выпуска 1762 г. Известны гурты: для полушек — №№ 1 и 3, для денег — №№ 1 и 3, для копеек — №№ 1, 5 и 15, для грошевиков — №№ 1, 4, 5 и 15, для пятаков — №№ 1 и 5.

9. Денги с гуртом № 5

Исходная монета — легковесная копейка 1762 г. с гуртом № 5. Хотя массовый выпуск этих копеек не был налажен, они не избежали перечекалки в первые годы царствования Екатерины II. Об этом сви-

Рис. 7

детельствуют сохранившиеся уникальные денги «Е—М» 1764 г. с гуртом № 1 и «С—ПМ» 1763 г. с таким же гуртом, отчеканенные на легковесных копейках. Видимо, искомые монеты также должны иметь штемпеля «Е—М» 1764 г. и «С—ПМ» 1763 г. (на рис. 7 изображение одной из упомянутых уникальных монет).

10. Денги «М—М»

Московский монетный двор производил такие монеты как и Петербургский,

только путем перечекалки. Оба эти двора работали sporadически, по мере накопления легковесной монеты, подсаживавшей переделу. В массе этой монеты должны были встретиться и копейки, которым предстояло быть обращенными в денги. В п. 9 указана подтверждающее это положение денга «С—ПМ» 1763 г.; можно предположить выделку подобных монет и на Московском монетном дворе, причем тоже в 1763 г. Искомые монеты могут иметь гурты №№ 1 или 5.

11. Полушка 1788 года и копейка 1789 года без букв монетного двора

В 1788—1789 гг. на одном из центральных монетных дворов (Московском или Петербургском) производилась чеканка мелких медных монет на станках нового образца. Их продукция легко распознается по отсутствию буквенных обозначений монетного двора и по обланку самих монет (тонкий, правильной формы диск с полным оттиском штемпеля, под которым нередко заметен субстрат типа 1762 г.). Известны полушка 1789 г., денги 1788 и 1789 гг. и копейка 1788 г.

Рис. 8

Рис. 9

Искомые монеты должны иметь гурт № 1. На рис. 8 и 9 показаны лицевые стороны полушки и копейки этого выпуска.

12. Две копейки 1788—1789 гг., без букв монетного двора (гурт № 5)

Среди копеек и двухкопеечников «М—М» 1795 г. особенно редки перечекалки на монетах тех же номиналов, но с

датой «1788». К сожалению, исследователи, описывающие эти перечеканы, не обратили внимания на оборотную сторону субстрата. Между тем именно там нужно искать объяснение, казалось бы, нелепой затей — зачем, в самом деле, потребовалось превращать копейку в такую же копейку, только с другой датой?

С учетом сказанного в п. 11 этот вопрос находит неожиданный ответ, а перечень прогнозируемых находок пополняется еще одной монетой. Действительно, только в 1788 г. (и, как сказано выше, видимо, в 1789 г.) выпускались «нестандартные» для данного выпуска (без букв монетного двора) копейки, которые при перечеканке получали знак «М—М» и превращались в стандартные. Трудно найти другое объяснение и для перечеканки двухкопеечников — но это значит, что в 1788 г. и, возможно, в 1789 г. чеканились двухкопеечники без букв монетного двора. Скорее всего, эти монеты были выпущены ограниченным тиражом, но вероятность их обнаружения довольно значительна.

13. Копейка 1790 года без букв монетного двора (гурт № 5)

На монетах мелких номиналов, отчеканенных Аннинским монетным двором, буквы «А—М», как правило, не помещались (исключение составляют редчайшие полушка и денга 1789 г. — пробные монеты). Из этой серии известны довольно редкие полушки 1793 и 1795 гг., денги 1790—1794 гг. и копейки 1795 г. Их принадлежность Аннинскому двору устанавливается

Рис. 10

не только по документам, но (что особенно важно для распознавания подделок) и по характерному для монет этого двора рисунку венка и короны на оборотной стороне.

Подобные копейки с датой «1790» до сих пор не описаны, хотя их было отчеканено на 56 руб., т. е. 5600 экземпляров⁸. Учитывая столь малый тираж, вероятность обнаружения этих монет следует признать небольшой, но, в принципе, вполне возможной. На рис. 10 представлена лицевая сторона копейки 1795 г., аналогичной искомой монете.

14. Копейка 1795 года «ММ» с гуртом № 1

Могла получаться при перечеканке копеек без букв монетного двора 1788 г. и, видимо, 1789 г. с гуртом № 1 (см. пп. 11 и 12).

15. Двухкопеечники с гуртом № 4

Медная монета массовых выпусков гуртилась этим гуртом только три года: в 1755—1757 гг. гуртовую надпись получила некоторая часть копеек 8-рублевой стопы, а в 1757 г. — часть грошевиков Екатеринбургского двора (см. характеристику выпуска 1757—1762 гг.). Монеты других лет с гуртом № 4 — не что иное, как перечеканы, сохранившие гурт этих копеек и грошевиков. При каждой новой перечеканке процент старых монетных дисков, естественно, уменьшался, поэтому гурт № 4 обычен для двухкопеечников Елизаветы; значительно реже встречается на четырехкопеечниках типа 1762 г. и просто редок на екатерининских грошевиках (а перечеканка шла именно в такой последовательности). Описаны следующие двухкопеечники типа 1763—1796 гг. с гуртом № 4: «СП—М»—1763, 1766, 1788 гг.; «М—М» 1788, «Е—М»—1764 гг.

Но перечень грошевиков с гуртовой надписью не может быть исчерпан этими монетами. Ведь при перечеканке без перегурчивания на гурт перечеканиваемых монет внимания не обращалось, и следует

⁸ Екатеринбургский горнозаводский архив. Дела канцелярии бывших Главных начальников, вязака 29, стр. 8.

ожидать обнаружения искоемых монет, датированных всеми годами, в которые тот или иной монетный двор осуществлял массовую перечеканку легковесных четырехкопеечников (табл. 2).

ТАБЛИЦА 2

Годы выпуска	Монетные дворы		
	«Е—М»	«СП—М»	«М—М»
1763	0		0
1764		0	0
1765	0	0	0
1766	0		0
1767	0	0	0
1789			0

Вероятность находки четырех последних монет (1767 и 1789 гг.) — незначительна, а остальных — очень большая.

Е. 1797 ГОД

Восстановительная перечеканка («возвращение в прежнее достоинство и вид») легковесных монет типа 1796 г. Массовый выпуск пятаков (с датами «1791», «1793», «1794», «1795» и «1796») и грошевиков (с датами «1793» и «1796») с монограммой Екатерины II; ограниченный выпуск таких же копеек (с датой «1793»). На Екатеринбургском и Аннинском монетных дворах — перечеканка подлинными штемпелями прежних лет с перегурчиванием; на Московском, Петербургском и Нижегородском — перечеканка новорезанными штемпелями без перегурчивания.

16. Копейка «Е—М» с гуртом № 1

Описанная копейка этого типа имеет дату «1793» и гурт № 5. Но легковесные гроши 1796 г. известны и с гуртом № 1. Естественно предположить, что и эти гроши обращались в копейки без перегурчивания. Искомая монета также должна быть датирована 1793 г. На рис. 11 — подобная копейка (крайне редкая) с гуртом № 5.

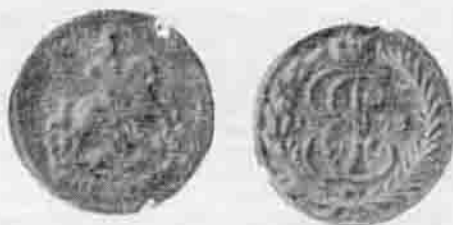

Рис. 11

17. Пять копеек «Е—М» с гуртом № 1.

Подобные монеты известны с датой «1793». Чекалены они, как и широко распространенные пятаки с той же датой и гуртом № 5, новорезанными штемпелями (орел с острым хвостом, в хвосте 5 перьев) в Москве, Петербурге или Нижнем Новгороде, где гурчение не производилось ни при выделке легковесных монет типа 1796 г., ни при восстановительной перечеканке. Сам этот гурт свидетельствует, что в 1796 г. под 10-копеечный штемпель попала монета Кольванского или (с меньшей степенью вероятности) Феодосийского двора: все пятаки «К—М» и большинство пятаков «Т—М» 1787 г. имели гурт № 1. Но, по крайней мере, в одном из трех упомянутых городов велась перечеканка штемпелями (также новорезанными) с датами «1791» и «1794» и также с буквами «Е—М»¹. Такие монеты встречаются значительно реже, чем с датой «1793», и только этим можно объяснить, что пока еще не обнаружены пятаки-перечеканки с гуртом № 1 и с датами «1791» и «1794». Орел

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

на первой из этих монет должен иметь в хвосте 7 перьев (рис. 12), а на второй — 5 перьев (рис. 13).

18. Пять копеек без букв монетного двора с гуртом № 1.

Происхождение искомым монет аналогично описанному в п. 16. Возможные даты — «1791» и «1793». В хвосте орла — 7 перьев.

На рис. 14 — лицевая сторона подобно го пятикопеечника.

19. Пять копеек с гуртом № 6

В отличие от центральных, уральские монетные дворы (Екатеринбургский и Аннинский), проводя в 1796 г. перечекунку пятаков 16-рублевой стопы в легковесные гривенники, сопровождали эту операцию гурчением: новые монеты получали гурт № 6⁹. При восстановительной перечекунке 1797 г., поскольку требовалось придать монетам их первоначальный вид, на этих дворах проводилось повторное гурчение стандартным для екатерининских пятаков гуртом № 5. Однако большая часть новоявленных пятаков сохранила следы гуртасубстрата (№ 6), что, кстати, является одним из существенных признаков, позво-

ляющих установить факт выделки данной монеты именно в 1797 г., ведь уральские монетные дворы перечекунали легковесную монету оригинальными штемпелями прежних лет (Екатеринбургский — с датой «1796», а Аннинский — с датами «1794», «1795» и «1796»), под которыми субстрат не всегда хорошо виден. Встречаются отдельные монеты, полностью сохранившие гурт № 6. Пока известны такие пятаки «Е—М» (естественно, с датой «1796») и «А—М» с датой «1795», но следует предположить и существование монет «А—М» с гуртом № 6 с датами «1794» и «1796». Лицевая сторона подобной монеты приведена на рис. 15.

Несмотря на то что пятаки-перечекунки Аннинского двора считаются редкими, вероятность обнаружения искомым монет значительна.

* *
*

Отметим в заключение, что в данной статье, по существу, не затронуты **разновидности по субстрату лицевых и оборотных сторон**. Эта необычайно перспективная и интересная тема еще ждет своей разработки.

⁹ Именно такой гурт имеют два уникальных гривенника этих дворов, описанные А. Ильиным в его работе «Пять неизданных монет Екатерины II». Сборник Гос. Эрмитажа. Вып. II. Л., 1923.

Сводная таблица вероятных находок медных российских монет XVIII века

Годы выпуска	Монетные дворы	Полушка	Денга	Копейка	2 коп.	4 коп.	5 коп.
		номера гуртов					
1730—1754	—	0; 8	0				
1755—1756	—			1			
1757	—			1	1		
	ММД			4; 5			
	СПБ			4; 5			
1758	—				1		
1759	—				1		
1760	—				1		
1761	—				1; 4 ^{*)}	1	
1762	—				1		
1763	Е—М				4		
	М—М		1; 5		4		
	С—ПМ		5				
1764	Е—М				4		
	М—М				4		
	С—ПМ				4		
1765	Е—М				4		
	М—М				4		
	СП—М				4		
1766	Е—М				4		
	М—М				4		
1767	Е—М				4		
	М—М				4		
	СП—М				4		
1788	—	1			5		
1789	—			1	5		
1790	—			5			
1791 ^{*)}	—						1 ^{*)}
	Е—М						1 ^{*)}
1793 ^{*)}	—						1 ^{*)}
	Е—М			1			1 ^{*)}
1794 ^{*)}	Е—М						1 ^{*)}
	А—М						6
1795	М—М			1			
1796 ^{*)}	А—М						6

¹⁾ Обозначение стоимости — над всадником (рис. 5).

²⁾ Годы, обозначенные на этих монетах, не соответствуют времени их фактического изготовления. Все эти монеты, как и остальные павловские перечеканы, должны быть отнесены к 1797 г.

³⁾ В хвосте орла 7 перьев (рис. 12).

⁴⁾ В хвосте орла 5 перьев (рис. 13).

КЛАДЫ ДРЕВНИХ МОНЕТ— ДОСТОЯНИЕ НАУКИ

Бронзовый сосуд, в котором находились монеты, найденные в селе Орловка

В нашей стране при земляных работах и глубокой вспашке ежегодно находят сотни кладов древних и старинных монет. О составе клада, найденного в сентябре 1967 г., в селе Орловка, а также о важнейших кладах античных монет, найденных в послевоенные годы и имеющих большое значение для нумизматической науки, рассказывают сотрудники Одесского археологического музея С. А. БУЛАТОВИЧ и сотрудник Государственного музея изобразительных искусств в Москве К. В. ГОЛЕНКО.

Клады монет представляют собой источники для изучения древней истории и культуры. Неоценимую помощь музеям, занимающимся фиксацией и изучением кладов, окажут коллекционеры, сообщая им о каждой новой находке.

КИЗИКИНЫ, НАЙДЕННЫЕ В ОРЛОВКЕ

Найденный в сентябре 1967 г. в селе Орловка, Одесской области, клад древнегреческих монет представляет большую историческую и художественную ценность. Все поступившие в Одесский археологический музей монеты (так же, как и бронзовый сосуд, в котором они были зарыты в землю неподалеку от древней переправы через Дунай) относятся к V—IV вв. до н. э. и принадлежат одному центру — древнегреческому городу Кизикю, колонии милетян, расположенной на южном берегу Мраморного моря. Монеты представляют собой самый крупный номинал кизикянов — статеры — две драхмы (в Кизике чеканились и мелкие монеты — достоинством в 1/6, 1/12, 1/24 и даже 1/48 статера). Из собранных сотрудниками музея в месте нахождения клада 73 монеты больше половины относятся к последней хронологической группе, датируемой IV в. до н. э.; остальные — ко второй половине V в. до н. э., а два экземпляра, возможно, — к первой его половине. Монеты, классифицируемые по выбитым на них изображениям, принадлежат к 43 различным типам: здесь представлены головы Зевса, Аммона, Афродиты, Афины, Геракла, фигуры всадников и пешеходов, королева с теленком, лев, напавший на быка, орел, горгонейон со змеями в волосах и др. Некоторые

Кизикские статеры с изображением: 1 — танцующего юноши, 2 — головы бородастого кабира (второстепенное греческое божество, покровитель земледелия и мореплавания), 3 — головы Афины в шлеме, 4 — льва напавшего на быка, 5 — быка с повернутой назад головой (неизданный тип), 6 — сидящего орла (монеты ради наглядности даны в размере, вдвое превышающем их натуральную величину)

разновидности найденных в Орловке монет считались ранее уникальными (например, монеты с изображением обнаженного коленопреклоненного воина с копьем и большим круглым щитом или с одним из вариантов портрета лысого бородастого мужчины); три типа были, по-видимому, вовсе неизвестны (голова скифа, Ника, закалывающая жертвенного быка, бык, как бы уходящий в глубь монетного поля).

Клады кизикских статеров встречались на территории Советского Союза и ранее: три таких клада были найдены в середине прошлого столетия на берегах Керченского пролива, но из сотен входивших в них монет не удалось научно определить и десятка; небольшой клад кизикинов был обнаружен в 1966 г. в Ольвии (древнегреческий город на правом берегу Бугского лимана), но он был растащен нашедшими его людьми (удалось зарегистрировать только 7 монет).

Отдельные кизикские статеры или их подразделения были найдены на территориях древних Колхиды, Восточного Причерноморья, а также в Румынии и в Болгарии. Самая крупная и важная из находок такого рода за пределами СССР была сделана в 1930 г. на одном из Принцевых островов, расположенных в Мраморном море. В этом кладе, скрытом, по всей вероятности, во время похода Александра Македонского, т. е. в 334 г. до н. э., было обнаружено 160 кизикских статеров и около полусотни других золотых монет.

Во все времена клады прятали чаще всего в моменты военных опасностей и других невзгод; не является, по-видимому, исключением и клад из Орловки. Судя по составу входящих в него монет, по степени их изношенности и по сосуду, в который они были заключены, клад был зарыт в начале III в. до н. э. Именно в это время, в 292/1 г. до н. э., Лисимах, правивший в ту пору Фракией и частью Малой Азии, предпринял поход против гетов, живших на левом берегу Дуная. Сведения о готовящемся походе достигли района Нижнего Дуная и побудили, видимо, какого-то богача доверить землю свои сокровища, найденные, как можно полагать, выгодной торговлей.

Клад из Орловки, будучи самой крупной из находок кизикиннов на территории СССР, является немаловажным источником для изучения истории и культуры древних народов юга нашей страны.

С. БУЛАТОВИЧ

ВАЖНЕЙШИЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ НАХОДКИ АНТИЧНЫХ МОНЕТ

Монетный клад из Орловки, состоявший исключительно из кизикиннов, занимает по абсолютному числу доступных для изучения монет одно из первых мест среди аналогичных кладов и, бесспорно, первое среди кладов, обнаруженных в СССР. Эти монеты, чеканившиеся в VI—IV вв. до н. э. в г. Кизике, служили платежным средством во многих районах древней Греции, прежде всего, в городах, расположенных на побережьях Черного, Мраморного и северо-восточной части Эгейского морей. Это косвенно подтверждается находками кладов монет, содержавших кизикинны, далеко за пределами города Кизика. Высокая репутация на древних рынках привела к тому, что эти монеты сохранили свой весьма необычный внешний вид. Они изготовлялись из элентра (природный сплав золота и серебра с непостоянным процентным содержанием обоих компонентов) — металла, от использования которого другие греческие монетные дворы отказались уже в V в. до н. э. Техника чеканки этих монет была весьма примитивной и при изготовлении других греческих монет уже не применялась. Всю оборотную сторону кизикиннов занимает так называемый *quadratum incisum* — отпечаток штампера в виде четырех квадратных углублений; монеты сохранили эту особенность вплоть до конца их выпуска. Таким образом, при чеканке кизикиннов сознательно прибегали к нарочитой архаизации монет в отношении выбора как металла, так и техники их производства, видимо, с целью сохранить привычный вид кизикиннов, господствовавших на внешних рынках еще с VI в. до н. э.

Труднее объяснить другую особенность кизикиннов. Известно, что при чеканке греческих монет всегда придерживались более или менее постоянных монетных типов. В этом отношении показателен пример г. Афин, на монетах которых вплоть до II в. до н. э. всегда помещались два изображения: на лицевой стороне — голова Афины, а на оборотной — один из ее атрибутов — сова. Между тем кизикинны, если не считать повторяющегося на них маленького изображения тушца — эмблемы города, по количеству типов не имеют себе равных в чеканке любого из греческих центров. Так, уже известно более 200 типов кизикиннов, и число их с каждой находкой растет. Например, в 1948 г. в Керчи был найден кизикин неизвестного ранее типа — с изображением головы вепря; две уникальные монеты такого рода происходят из Ольвии. В кладе из Орловки также имеются неизданные разновидности кизикиннов. Художественные изображения на кизикиннах самые разнообразные — мы видим на них почти всех греческих богов, прославленные статуи; на многих воспроизведены изображения, соответствующие типам монет, которые чеканились в других греческих центрах, для которых, возможно, они и предназначались. Особый интерес представляют явно портретные изображения, к сожалению, неизвестных нам лиц. Если не считать идеализированных портретов сатрапов персидского царя, то это первые реалистические изображения людей на монетах. Широкое распространение портретные изображения на монетах получили значительно позже, при преемниках Александра Македонского.

Монополии кизикинов был положен конец лишь грандиозными, по масштабам древности, эмиссиями золотых и серебряных монет Александра Македонского, перечеканившего на монету громадные запасы драгоценных металлов из сокровищниц персидских царей.

Изучение кизикинов имеет значение не только в плане нумизматики. Оно способствует разрешению некоторых проблем денежного обращения в древнем мире и экономики отдельных центров. Оно представляет также интерес при изучении греческого искусства эпохи его расцвета.

Меньшее значение для науки имеют и другие клады.

В 1948 г. на окраине курортного города Кобулет (севернее Батуми) один из жителей рыл яму и обнаружил предмет, принятый им за мину. Это, естественно, вызвало живейший интерес прохожих, в числе которых оказался и солдат с автоматом. Соблюдая все меры предосторожности, автоматчик залег и выстрелил в «мину», но вместо ожидаемого взрыва из разбитого сосуда посыпались древние монеты. Доступными для изучения оказались 160 монет — небольшая часть клада, общий вес которого свидетели находки определяли в 6—8 килограммов (т. е. примерно более 1500 монет). Все монеты серебряные. Их можно разделить на две большие группы. 58 экземпляров — своеобразные монеты, чеканившиеся и обращавшиеся на территории современной Западной Грузии — Древней Колхиды, откуда они и получили название «колхидок». Колхидки, за редчайшими исключениями, — небольшие монеты (половина драхмы), с изображением женской головы на лицевой стороне и головы быка — на оборотной (рис. 1). Кроме того, в кладе находились 102 драхмы г. Синопы (на южном берегу Черного моря; город, сохранивший свое древнее название до сегодняшнего дня), чеканенные около середины IV в. до н. э. Все они принадлежат к одному типу; на лицевой стороне голова нимфы Синопы, украшенная ожерельем и серьгами; на оборотной — дельфин, которого клюет орел, внизу сокращенное название города, сверху имя чиновника, ответственного за выпуск монеты (рис. 2). Кобулетский клад — второй известный клад синопских серебряных монет. Доступная нам часть этой находки содержала примерно в полтора раза больше монет Синопы определенной разновидности, чем их известно во всех собраниях мира. Из 11 магистратских имен на драхмах из Кобулетского клада 5 встречены впервые.

Рис. 1
«Колхидка», V—
IV вв. до н. э.

Рис. 2.
Синопские драхмы около середины IV в. до н. э.

Помимо того, что этот клад дал большое число нумизматических раритетов, он служит почти единственным свидетельством столь ранних торговых контактов между Колхидой и Синопой. Громадное значение Кобулетского клада состоит и в том, что его смешанный состав помог достаточно точно датировать колхидки (около середины V — последние четверть IV вв. до н. э.). Ранее малочисленность монет такого рода в археологических комплексах, поддающихся относительно точной хронологии, с одной стороны, и застывший архаизированный тип колхидок, с другой, не позволяли установить с достаточными основаниями время их выпуска.

Другой клад был обнаружен в 1963 г. на Таманском полуострове. Его вымыло весенними водами на окраине станции Фанталовской. Из этого клада одним из сотрудников Анапского музея собрано 485 монет, все они серебряные дидрахмы, чеканенные от имени трех крупнейших городов Боспорского царства: 335 экз. — столица Пантикалея (современная Керчь), 135 — Фанагории (на Таманском полуострове, близ станции Сенная), 15 — Горгиппии (современная Анапа). На лицевой стороне всех этих монет (рис. 3) помещена голова Диониса в венке из плюща, на оборотной — тот же

венки и в нем название города (точнее горожан), от имени которых выпущена монета.

Описываемые монеты чеканились в 80-х гг. I в. до н. э. То был важнейший и интереснейший момент в истории Боспорского царства. С конца II в. до н. э. и вплоть до 63 г. до н. э. власть над Боспором находилась в руках понтийского царя

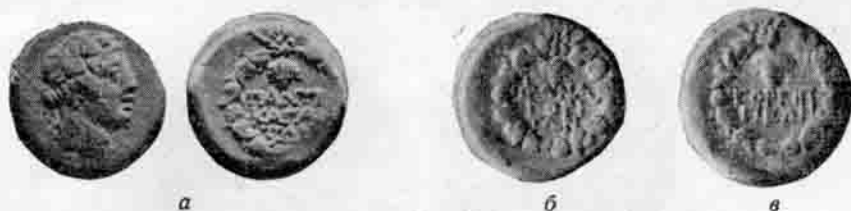

Рис. 3
Боспорские дидрахмы 80-х гг. I в. до н. э.
а — Пантикапей; б — Фанагория; в — Горгиппия

Митридата VI, объединившего вокруг себя греков и местное население некоторых областей Малой Азии, Кавказа и Северного Причерноморья. Обретя всю полную власть в новых владениях, царь нашел, однако, нужным сохранить за греческими городами право выпуска собственной монеты.

Изучение монет из Фанталовского клада показало, что предоставление трем боспорским городам права чекана было фикцией. На дидрахмах (две драхмы) мы видим изображение Диониса и его символ — венок из плюща. Выбор такого типа для крупных по номиналу боспорских монет того времени не случаен: считалось, что Дионис — покровитель Митридата VI.

Лицевые стороны некоторых монет чеканены общими штемпелями, а на оборотных — названия разных городов. Из этого явствует, что монеты изготовлялись на одном монетном дворе (в Пантикапее), но от имени трех городов. Исследование Фанталовского клада, представленного большим числом однородных монет, позволило сделать и многие другие выводы и расширить сведения о постановке монетного дела и о денежном обращении в Боспоре в I в. до н. э.

Если рассмотренные выше клады по своему составу довольно однородны, то это никак нельзя сказать относительно клада, обнаруженного в 1958 г. в Азербайджане, близ селения Хинислы (Шемахинский район). При глубокой вспашке земли под виноградник было извлечено несколько сотен монет, зарытых более двух тысяч лет назад. Работникам музеев Баку и Шемахи удалось собрать свыше 300 монет из этого клада. Не считая немногих экземпляров монет таких отдаленных центров и государств, как Афины, Вифинское (тогдашнее Причерноморье), Фракийское (современная Болгария) и Понтийское царства (рис. 4), неизвестных до того в находках в Азербайджане и очень редко встречающихся на Кавказе вообще, Хинислынский клад представлен тремя основными группами монет античного чекана.

Первая группа — более 80 тетрадрахм [четыре драхмы, с изображениями царей греческой династии Селевкидов (рис. 5), унаследовавшей от распавшейся державы Александра Македонского громадные территории в Азии]. Большинство тетрадрахм, как это было принято в эллинистический период на «варварской периферии», глубоко рассечено с целью проверки качества металла. Вторая группа — более 150 драхм — при-

Рис. 4
Понтийская тетрадрахма Митридата VI
(120—63 гг. до н. э.)

надлежит чекану царей Парфии (современный Иран) (рис. 6) — государства, вышедшего из царства Селевкидов. Селевкидские и парфянские монеты датируются II—I вв. до н. э. Третья группа монет клада — более 70 экземпляров — наиболее интересная. Об этих монетах ученые узнали впервые. Это — грубые подражания драхам Александра Македонского (рис. 7), подражания наиболее популярным монетам на рынках Азии, которые без существенных изменений типа чеканились на многих

а

б

в

Рис. 5

Селевкидские тетрадрахмы:

а — Деметрия I, 162—150 гг. до н. э.; б — Антиоха VII, 138—129 гг. до н. э.;
в — Деметрия II, 130—125 до н. э.

а

б

в

Рис. 6

Парфянские драхмы:

а — Митридата II, 123—88 гг. до н. э.; б — Артабана II, 88—77 гг. до н. э.; в — Фраата III, 70—57 гг. до н. э.

Рис. 7

Албанские подражания драхам Александра Македонского (публикуются впервые)

монетных дворах не только при жизни великого царя, но и после его смерти. Многочисленность подражаний, всегда рассчитанных на очень узкий рынок, не оставляет сомнения в местном происхождении монет.

Хинислынский клад был зарыт, вероятно, в связи с походом римского полководца Помпея в 66—65 гг. до н. э. против царя Албании (так называли в древности теперешний Азербайджан), союзника упомянутого уже Митридата VI. Этот клад — самый крупный из кавказских кладов II—I вв. до н. э. — имеет принципиально важное значение для изучения экономики, торговли и денежного обращения не только древнего Азербайджана, но и всего Закавказья. Ранее первыми монетами, чеканенными в Азербайджане, считали драхмы сасанидского (иранского) царя Хосроя (579—591 гг.). В кладе оказались древние монеты, опровергшие свидетельство географа и историка Страбона, жившего в первой половине I в. н. э., согласно которому албанцы знали лишь меновую торговлю.

Современная нумизматика видит в кладе монет подобие моментальной фотографии денежного обращения в определенный исторический период и в определенном месте. К сожалению, ни один из рассмотренных кладов не мог быть изучен полностью. В руки исследователей попала лишь часть найденных монет. Так, из клада, найденного в Орловке, известно только около 1/3 монет. Часть монет из находок пропадает совсем, но часть попадает впоследствии в руки коллекционеров. Между нумизматами — профессионалами и нумизматами-коллекционерами — должны существовать постоянные деловые контакты; ведь основа их интересов общая — изучение нумизматических памятников.

Известно, что в основе наших государственных нумизматических собраний лежат частные коллекции. Достаточно сказать, что собрание Эрмитажа (Ленинград), имеющее мировое значение, стало таковым только благодаря трудам многих коллекционеров, среди которых назовем Я. Я. Рейхеля, С. И. Шодуара, X. X. Гилля, И. И. Толстого. Большая часть восточных монет в собрании Исторического музея в Москве поступила от П. В. Зубова; там же коллекция античных монет Северного Причерноморья П. О. Бурачкова, описание ее издано отдельной книгой. Прекрасная коллекция Одесского музея в большей своей части создана ялтинским собирателем А. Л. Вертье-Делагардом. Во время войны громадное собрание монет всех стран, принадлежавшее А. Г. Голикову, по завещанию полностью поступило в Музей изобразительных искусств в Москве. Огромная коллекция недавно скончавшегося проф. Е. А. Пахомова (Баку), которая собиралась около 60 лет, также, согласно завещанию, распределена между четырьмя музеями страны — Эрмитажем, Историческим музеем в Москве и музеями в Баку и Тбилиси.

Но русская нумизматическая наука обязана коллекционерам не только пополнением государственных собраний. Многие из них, начавшие свою деятельность как любители и оставаясь коллекционерами всю жизнь, стали общепризнанными исследователями, перу которых принадлежат классические труды. Это, прежде всего, «Византийские монеты» И. И. Толстого, каталог собрания русских монет императорского периода вел. кн. Георгия Михайловича, составленный X. X. Гилем, автором «Таблиц» — настоящей книги собирателя русских монет. Даже беглый перечень работ такого рода занял бы несколько страниц. Некоторые из нумизматов-коллекционеров шли в авангарде науки своего времени. Достаточно сказать, что фундаментальные исследования античных монет нашего Юга принадлежат упоминавшемуся уже А. Л. Вертье-Делагарду.

Гражданский долг каждого советского коллекционера сделать все возможное, чтобы клад или отдельная находка стали доступными для изучения, стали достоянием отечественной нумизматической науки.

К. ГОЛЕНКО

СОВЕТСКИЕ МЕМОРИАЛЬНЫЕ МЕДАЛИ 1967 года

Продолжаем публикацию описания советских мемориальных медалей, начатого нами в № 4 сборника «Советский коллекционер».

В перечень включены юбилейные, памятные и сувенирные медали, изготовленные Ленинградским (ЛМД) и Московским (ММД) монетными дворами в 1967 г.

1. Памятные и юбилейные медали

1. Юбилейная плакета. Ленин Владимир Ильич (1870—1924). 95 лет со дня рождения (1965), бронза, 45×72 мм, ЛМД (скульптор В. Дронов).

2. Памятная плакета. Маркс Карл (1818—1883), бронза, 41×75 мм, ММД (гравер-медальер В. Никищенко).

3. 50 лет Октября (1917—1967)
«Ленин — вождь Великой Октябрьской социалистической революции», бронза, Д¹ — 60 мм, ММД, (скульптор М. Шмаков).

4. Юбилейная планета. «Вся власть Советам», алюминий, 47×67 мм, ЛМД (гравёр-медальер А. Козлов).

5. 50 лет Советской власти в СССР (1917—1967), серебро, бронза, Д — 75 и 55 мм, ЛМД (скульптор В. Акимущина).

6. «Советской Армии-победительнице слава!», бронза, Д — 65 мм, ММД (скульптор В. Рогайшис).

¹) Здесь и далее Д — диаметр медали. Изображения всех медалей даны в половину натуральной величины.

7. Есенин Сергей Александрович (1895—1925). 70 лет со дня рождения (1965), бронза, алюминий Д — 58 мм, ЛМД (скульптор Н. Соколов).

8. 725 лет со дня «Ледового побоища» (1242—1967) — разгрома войсками Александра Невского немецких рыцарей на льду Чудского озера, бронза, Д — 60 мм, ММД (скульптор А. Кнорре).

9. Суриков Василий Иванович (1848—1916). 50 лет со дня смерти (1966), бронза, Д — 60 мм, ММД (скульптор Ю. Поммер).

10. Беринг Витус Ионассен (1681—1741). 225 лет со дня смерти (1966), бронза, Д — 60 мм, ММД (скульптор А. Леонова).

11. Юбилейная планета. Фальконе Этьен-Морис (1716—1791). 250 лет со дня рождения (1966), бронза, 61×61 мм, ЛМД (скульптор А. Королюн).

12. Октябрь 1917 («Вся власть Советам»), бронза, Д — 60 мм, ЛМД (скульптор В. Рогайшис).

II. Медали, изготовленные по специальным заказам

1. Курчатов Игорь Васильевич (1903—1960), бронза, алюминий. Д — 55 мм, ММД (скульптор И. Рукавишников).

2. Академик Королев Сергей Павлович (1906—1966). 60 лет со дня рождения (1966), бронза, Д — 60 мм, ЛМД (скульптор Н. Соколов).

3. Кваренги Джаномо (1744—1817), 150 лет со дня смерти (1967), бронза, Д — 65 мм, ЛМД (скульптор В. Чибриков).

4. Магомаев Муслим Магометович (1885—1937), бронза, Д — 60 мм, ЛМД (скульпторы А. Цаликов и А. Рустамов).

5. Мамед Кули-заде Джалил (1866—1932), 100 лет со дня рождения (1966), бронза, Д — 60 мм, ЛМД (скульпторы А. Рустамов и А. Цаликов).

6. Вургун Самед (1906—1956), 60 лет со дня рождения (1966), бронза, Д — 60 мм, ММД (скульптор А. Цаликов).

7. 900 лет со дня основания Минска (1067—1967), бронза, Д — 70 мм, ММД (художник И. Есьман и гравер-медальер С. Тульчинский).

8. Всесоюзный научно-исследовательский институт метрологии им. Д. И. Менделеева, алюминий, Д — 58 мм, ЛМД (скульптор Н. Соколов).

9. 250 лет Минералогическому музею имени А. Е. Ферсмана Академии наук СССР (1716—1966), бронза, Д — 60 мм, ММД (граверы-медальеры В. Никищенко и А. Новичков).

10. 150 лет Всесоюзному минералогическому обществу (1817—1967), бронза, алюминий, Д — 58 мм, ЛМД (скульптор Н. Соколов).

11. 75 лет институту эпидемиологии и микробиологии имени Н. Ф. Гамалеи АМН СССР (1891—1966), бронза, Д — 60 мм, ММД (скульптор А. Кнорре).

12. Современные сельскохозяйственные машины и оборудование. Международная выставка (Москва, 1966), бронза, Д — 60 мм, ММД (скульптор Белокуров и художник Е. Новицкий).

13. Выставка прецизионного² оборудования и инструмента (Москва 1966), бронза, Д — 60 мм, ММД (гравер-медальер В. Никищенко).

² «Прецизионный» означает «точный».

III. Сувенирные медали

1. Ленинград, город-герой, бронза, Д — 65 мм, ЛМД (скульптор Н. Соколов).

Примечание. Медаль аналогична медали, изготовленной в 1963 г., но на лицевой стороне добавлено изображение звезды Героя Советского Союза.

2. Калуга, 1967 г., алюминий, Д — 54 мм, ЛМД (гравер-медальер И. Комцилов).

Описание составил А. ШАТЭН

О ПОВТОРЯЕМОСТИ ШТЕМПЕЛЕЙ НА СОВЕТСКИХ МОНЕТАХ

(ОТВЕТ ЧИТАТЕЛЯМ)

Статьи Д. Мошнягина и Н. Дашевского о коллекционировании и исследовании монет советского чекана, опубликованные в четвертом и пятом сборниках «Советский коллекционер», вызвали оживленные отклики читателей. Один из них, старший научный сотрудник Азербайджанского института рентгенологии А. Лурье пишет: «Ученые изучают главным образом древние и средневековые монеты, а коллекционеры, увлекаясь собиранием старинных и иностранных монет, недостаточно внимания уделяют монетам нашего советского государства. Это обусловлено, в первую очередь, отсутствием специальных каталогов и литературы. Ученые и коллекционеры просто не осведомлены о том, какие богатые возможности таит в себе собирание и изучение монет советского периода, какие интересные находки их ожидают. Поэтому нумизматов так радует появление статей тт. Мошнягина и Дашевского в «Советском коллекционере». О практическом значении статей свидетельствует хотя бы тот фант, что многие банинские нумизматы, и автор этих строк в их числе, переключились на собирание монет советского чекана».

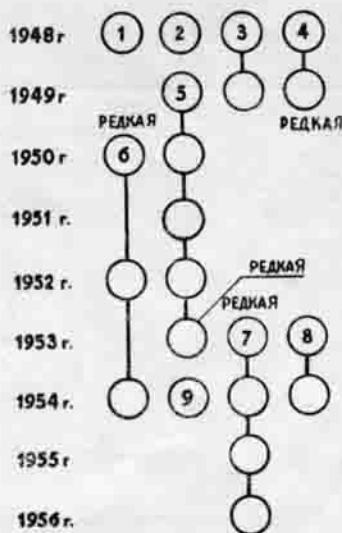
Вместе с тем, по поводу опубликованных статей высказаны справедливые критические замечания. Предоставляем слово авторам этих статей для ответа читателям.

Читатели «Советского коллекционера» отмечают, что в статьях «Коллекционирование и исследование советских монет» и «Разновидности монет советского чекана» не был освещен вопрос о повторяемости штемпелей одного и того же номинала.

Изучение «перехода» штемпелей, действительно, представляет большой интерес для собирателей разновидностей и, насколько нам известно, исследование в этой области, применительно к советским монетам, не проводилось. Не претендуя на полноту освещения вопроса, попытаемся кратко рассказать о существе дела, показать, какую пользу может принести изучение повторяемости штемпелей в практике коллекционирования.

Для примера возьмем 20-копечные монеты подтипа 1948—1956 гг. и проследим переход штемпелей лицевой стороны. На публикуемой схеме видно, что в разные годы применялись различные штемпеля. Некоторые из них — №№ 3, 4, 5, 7, 8 — использовались несколько лет подряд (точнее применялись штемпеля с одной и той же формы, т. е. с формы образцового первичного штемпеля, прототипа рабочих штемпелей), другие — № 6 — с пропусками годов, третьи — №№ 1, 2, 9 — только в одном году. Причин этого много; укажем лишь, что количество разменной монеты, выпускаемой в обращение, зависит от потребности в ней в данном году, что, в свою очередь, отражается на производственном плане монетного двора.

По монетам определить общее количество применявшихся штемпелей невозможно по следующей причине: если для изготовления рабочих штемпелей использовалось несколько форм, происходящих от одного первичного маточника, и при доработке (термической, токарной, граверной) не произошло какое-либо изменение деталей, то при рассмотрении монеты неизбежно будут восприниматься как чеканенные одним штемпелем,

**Пояснения к схеме перехода штемпелей
лицевой стороны монеты в 20 копеек 1948—1956 гг.**

№№ штемпелей	Годы применения штемпелей	Основные особенности деталей изображения
1	1948	Солнце без венчика. Буквы «СССР» удалены от герба. Координатная сетка земного шара четкая.
2	1948	То же, но координатная сетка нечеткая.
3	1948—1949	Солнце с венчиком. Буквы «СССР» приближены к гербу. Слева ость колоса упирается в звезду.
4	1948—1949	Солнце с венчиком. Буквы «СССР» удалены от герба. Ости колосьев не касаются звезды.
5	1949—1953	То же, что № 1, но герб меньше. Поверхность ленты плоская.
6	1950, 1952, 1951	То же, что № 3. Две ости колосьев упираются в звезду.
7	1953—1956	Солнце без венчика. Ости колосьев не касаются звезды. Поверхность ленты плоская.
8	1953—1954	Солнце без венчика. Ости колосьев упираются в звезду. Поверхность ленты вогнута.
9	1954	То же, что № 6, но солнце без венчика.

В приведенной схеме перехода штемпелей зафиксировано только то, что известно по монетам, находящимся в коллекциях, но эта простая, в сущности, систематизация позволяет сделать серьезные выводы. Обращает на себя внимание размещение редких разновидностей — они либо в начале, либо в конце цепочки. Так, монеты, чеканенные штемпелями №№ 6 и 7, редки в годы начала их применения, а чеканенные штемпелями №№ 4 и 5 — редки в конечные годы. Эта закономерность характерна и для схем перехода штемпелей других номиналов и периодов.

Вернемся однако к нашей схеме. Почему редки монеты, чеканенные в 1953 г. штемпелями №№ 5 и 7? Очевидно, потому, что штемпель № 5 применялся буквально в **первые дни 1953 г.**, после чего им уже не пользовались, а штемпель № 7 начал применяться в **последние дни 1953 г.** В том и другом случаях разновидности оказались редкими. По этим же причинам малочисленны и монеты, чеканенные штемпелями №№ 4 и 5, соответственно в 1949 и 1950 гг. Отсюда следует, что нет смысла искать монеты чеканенные штемпелями №№ 4 и 5, соответственно после 1949 и 1953 гг., и монеты чеканенные штемпелями №№ 6 и 7, — соответственно до 1950 и 1953 гг. Напрашивается и другой вывод — возможно, что и по другим штемпелям начальному году их массового применения предшествовало, а после конечного года следовало несколько дней, в которые были отчеканены редкие монеты, например — штемпелем № 8 — в конце 1952 г. или в начале 1955 г. Эти разновидности пока неизвестны, но **возможность их обнаружения очень вероятна.**

Таким образом, изучение перехода штемпелей в одних случаях предотвращает бесперспективный поиск, а в других — открывает путь к обнаружению новых, неизвестных разновидностей монет по штемпелям.

Второе критическое замечание читателей касается ошибки, вкравшейся в нашу статью, напечатанную в четвертом сборнике «Советский коллекционер». Там редкой монетой признаны 20 коп. 1953 г. с выпуклой поверхностью ленты. Как это видно из пояснений к приведенной выше схеме, **эти монеты были либо с плоской поверхностью ленты в гербе, либо с вогнутой.** Ошибка была исправлена в статье, напечатанной в пятом сборнике, где монета с плоской лентой приведена в качестве примера редкой разновидности по штемпелям.

Д. Мошнягин, Н. Дашевский

Д. СЕНКЕВИЧ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ЭМИССИИ СССР 1923—1961 гг.

30 декабря 1922 г. I съезд Советов СССР принял Декларацию и утвердил Договор об объединении Советских Социалистических Республик — РСФСР, Украинской, Белорусской и ЗСФСР (Грузинская, Азербайджанская и Армянская Республики) в союзное государство — Союз Советских Социалистических Республик.

К компетенции Союза ССР как единого союзного государства наряду с другими полномочиями относилось установление единой монетной, денежной и кредитной системы¹.

До образования Советского Союза государственные денежные эмиссии осуществлялись Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой², ее денежные знаки имели хождение и в других советских республиках. Но наравне с этими денежными знаками в некоторых республиках (Закавказье, Средняя Азия) обращались и местные, национальные, денежные знаки.

Страна Советов вступила в 1923 г. в тяжелых условиях, вынужденная залечивать раны, нанесенные народному хозяйству гражданской войной и иностранной интервенцией, а также жестоким неурожаем 1921 г. В обращении еще оставались обесцененные денежные знаки РСФСР («совзнаки» образцов 1922 и 1923 гг.). После проведенных двух деноминаций денежных знаков, т. е. понижения их нарицательной стоимости (номинала), один рубль 1923 г. приравнивался к одному миллиону рублей знаками предшествовавших (до 1922 г.) выпусков. Но дальновидная политика Коммунистической партии в области экономики и финансов уже начинала давать положительные результаты. Шло на подъем хозяйство страны, проводились мероприятия по упорядочению нашей финансовой системы. Начат был выпуск первых банковских билетов Государственного банка РСФСР (червонцы 1922 г.), обеспеченных золотом, иностранной валютой и другими ценностями. Червонцы все увереннее начинали вытесняться в параллельное с обесцененными совзнаками обращение и постепенно вытеснять из оборота совзнаки.

**Эмиссия
1923 г.**

Первой общесоюзной денежной эмиссией стал (в ноябре 1923 г.) «Государственный денежный знак Союза Советских Социалистических Республик» 1923 г. достоинством в 10 000 руб. (денежными знаками 1923 г., т. е. он заменял собою 10 млрд. руб. знаками прежних выпусков, до 1922 г.). В декабре 1923 г. выпущена вторая купюра — в 15 000 руб. и в феврале 1924 г. третья — 25 000 руб. (г. е. соответственно 15 и 25 млрд. руб. в денежных знаках образцов до 1922 г.).

¹ «Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик», пункт I-л. Издание «Документы внешней политики СССР», М., 1962, т. VI, стр. 119.

² «Государственные денежные эмиссии РСФСР 1919—1923 гг.», «Советский коллекционер», 1967, № 5, стр. 71.

На выпущенных денежных знаках СССР напечатан Государственный герб Советского Союза с шестью витками ленты на колосьях, по числу советских республик. Появились, впервые на советских денежных знаках, художественные рисунки: на лицевой стороне купюры в 10 000 руб. — панорама Московского кремля и Большой каменный мост (рис. 1), на купюре в 15 000 руб. — бюст крестьянина, а в 25 000 руб. — красноармеец в буденовке, оба по скульптурам И. Шадра.

Рис. 1
Государственный денежный знак Союза ССР, 1923 г. 10000 рублей. Лицевая сторона (размер: 155×79 мм)

Рис. 2
Государственный денежный знак Союза ССР, 1923 г. 15000 рублей. Лицевая сторона (размер: 155×79 мм)

Оборотная сторона всех этих трех купюр имела однотипное оформление. Разница была только в расцветке центральных розеток и в цифрах номиналов, а на купюре в 25 000 руб. сделан иной узор рамки рисунка и несколько уменьшены общие размеры рамки. Все три купюры — одинакового размера (155×79 мм).

Текст (наименование знака и денежной единицы, а также слова «имеет хождение по всей территории Союза»), напечатанный на лицевой стороне знаков на русском языке, повторен на обороте каждой купюры на пяти языках советских республик, вошедших в 1922 г., вместе с РСФСР, в состав СССР, а именно — на украинском, белорусском, грузинском, азербайджанском и армянском языках.

Эмиссия государственных денежных знаков СССР 1923 г. явилась последним выпуском необеспеченных бумажных денег в Советской стране.

Денежная реформа 1922—1924 гг.

К началу 1924 г. были достигнуты серьезные успехи в восстановлении народного хозяйства Советского Союза и укреплении его финансовой системы. Это способствовало стабилизации советского рубля. В своем докладе на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. В. И. Ленин сказал: «Что действительно важно, это — вопрос о стабилизации рубля ...этой задаче мы придаем решающее значение»².

В первой половине 1924 г. была успешно завершена денежная реформа, начатая в октябре 1922 г. выпуском банковских билетов (червонцев) РСФСР. Она была направлена на перевод денежного обращения на устойчивую советскую валюту с изъятием обесцененных совзнаков, удельный вес которых в денежном обороте неуклонно снижался: их вытесняли червонцы. На долю последних к началу 1924 г. приходилось уже около 80 процентов общей денежной массы.

По декрету ЦИК и Совнаркома Союза ССР от 5 февраля 1924 г. в обращение были выпущены «Государственные казначейские билеты СССР» 1924 г. в трех купюрах с обозначением их достоинства: 1, 3 и 5 руб. золотом.

Декрет лимитировал общую сумму эмиссии казначейских билетов: на первое число каждого месяца она не могла превышать половины общей суммы выпущенных в обращение червонцев. Установлена была обязательность приема казначейских билетов на всей территории СССР во все платежи по золотой нарицательной стоимости этих билетов в тех случаях, когда платеж исчислялся в золоте, или по официальному курсу золотого рубля, если исчисление платежа было произведено в совзнаках³.

По декрету ЦИК и Совнаркома СССР от 22 февраля 1924 г. начался выпуск в обращение серебряной монеты советского образца достоинством в 10, 15, 20, 50 коп. и 1 рубль (чеканка этой монеты РСФСР производилась с 1921 г.), а также советской медной монеты образца 1924 г. достоинством в 1, 2, 3 и 5 коп. Монеты подлежали обязательному приему во все платежи на всей территории Советского Союза из расчета: один рубль серебряной или медной монеты равен одному рублю золотом государственными казначейскими билетами. Выпуск монеты в обращение засчитывался в счет норм выпуска казначейских билетов, установленных декретом от 5 февраля 1924 г.

Вместе с тем на случай отставания чеканки монеты от потребности денежного обращения был предусмотрен выпуск временных разменных знаков СССР 1924 г. (наименования они не получили) достоинством от одной до 50 коп., имеющих хождение наравне с монетой⁴. Декретом было намечено не позднее 1 января 1925 г. приступить к изъятию разменных знаков путем обмена их по номиналу на звонкую монету соответствующих достоинств.

С 15 февраля 1924 г. был прекращен дальнейший выпуск совзнаков. Пришел конец параллельному обращению червонцев и обесцененных денежных знаков, страна переходила на единую устойчивую валюту. Декретом Совнаркома СССР от 7 марта 1924 г. было объявлено об изъятии совзнаков из обращения; они подлежали обмену на банковые, казначейские билеты и звонкую монету с 10 марта 1924 г. по соотношению: 50 000 руб. денежными знаками образца 1923 г. за один рубль казначейскими билетами 1924 г. (или за монету в один рубль). С учетом проведенных двух деноминаций такое соотношение означало, что один новый рубль приравнен был к 50 миллиардам рублей денежными знаками прежних, до проведения деноминаций, образцов. До такой степени обесценения дошли бумажные деньги.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 283.

³ С 1922 г. расчеты и учет производились как «в золотом исчислении», так и в совзнаках.

⁴ «Советские общегосударственные бумажные денежные знаки». «Советский коллекционер», 1963, № 1, стр. 137.

Рис. 3
Государственный казначейский билет СССР, 1924 г. 5 рублей. Лицевая сторона (размер: 183×88 мм)

Срок обмена совзнаков на новую советскую валюту был установлен по 30 апреля 1924 г., но затем хождение совзнаков было продлено по 10 мая 1924 г., а прием и выкуп их кассами Наркомфина и Госбанка — по 31 мая 1924 г.

Казначейские билеты 1924 г. были оформлены по-разному. Купюра в один рубль имела вертикальную форму размером 80×155 мм, в нижней части — купон (белое поле). Купюры в 3 руб. (размеры 168×76 мм) и 5 руб. (размеры 183×88 мм) — горизонтальной формы, купон расположен слева. На рублевом билете, в центральной розетке лицевой стороны, — стилизованное изображение снопа колосьев, коса, кетмень и два серпа, все это на фоне лучей восходящего солнца. Рисунок трехрублевой купюры — фигуры рабочего и крестьянина, читающих книгу. На пятирублевой купюре — трактор на пашне (рис. 3).

Название билетов и их достоинство на лицевой стороне всех трех купюр напечатаны на русском языке, а на обороте повторены на пяти языках остальных советских республик, входивших в СССР.

Разменные знаки были изготовлены мелким форматом: купюры в 1, 2, 3 и 5 коп. — размерами 40×66 мм (по живописному полю), а 50-копеечная — 75×50 мм — имела слева купон с Государственным гербом и обозначением года «1924». Номинал купюры на всех разменных знаках напечатан на шести языках советских республик.

На Государственном гербе СССР на всех купюрах денежных знаков 1924 г. шесть витков ленты на колосьях, по числу советских республик.

В это же время был повторен, для крупных платежей, по примеру эмиссии РСФСР 1923 г., выпуск «Платежных обязательств центральной кассы Народного Комиссариата финансов СССР» 1924 г. достоинством в 100, 250, 500 и 1000 руб. золотом. Выполнены были эти обязательства полностью по образцам 1923 г., но с заменой Герба РСФСР на Герб СССР и небольшим изменением в тексте. Вместо слов «...уплатит денежными знаками... рублей золотом по официальному курсу...», как было на обязательствах 1923 г., в новом выпуске напечатано: «...уплатит ...рублей золотом...».

В 1924 г. начался постепенный выпуск билетов Государственного банка СССР взамен банковских билетов РСФСР образца 1922 г. Последние не аннулировались, а по мере износа в обращении заменялись билетами новых образцов.

Первым был выпущен билет достоинством в 3 червонца образца 1924 г. (год был обозначен в виде водяного знака «1924»). Билет — односторонний, с белой бумаге с водяным знаком — фигурная рамка и слова «три червонца», с гравированным рисунком — фигурой крестьянина-сеятеля по скульптуре И. Шадра.

Осуществление денежной реформы, проведенной исключительно за счет внутренних ресурсов, без всякой иностранной помощи, явилось крупнейшим успехом молодого Советского государства. В резолюции XIV партконференции (апрель

1925 г.) отмечалось: «Переход к твердой валюте и успешное закрепление твердого денежного обращения открывают новую страницу в области хозяйственного строительства СССР, создавая прочную базу для дальнейшего экономического прогресса»⁶. С тех пор Советский Союз имеет устойчивую денежную систему, выдержавшую в дальнейшем немало испытаний и надежно обеспечивающую потребности страны.

Денежные эмиссии 1925—1938 гг.

Получив твердый советский рубль и завершив восстановление народного хозяйства, наша Родина перешла к индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства на основе успешной реализации пятилетних планов развития народного хозяйства.

В этот период осуществлено несколько новых эмиссий билетов Государственного банка СССР в порядке замены банковых билетов РСФСР 1922 г., а также эмиссий казначейских билетов. При этом денежные знаки предшествовавших выпусков не теряли платежной силы, а постепенно, по мере износа, заменялись новыми, в оформлении которых находили отражение изменения в государственном устройстве СССР.

Были введены в обращение новые государственные казначейские билеты СССР 1925 г. — две купюры достоинством в 3 и 5 руб. В обозначенных на них достоинствах опущено указание об исчислении «золотом», как это имело место в билетах образца 1924 г., так как в 1925 г. денежное обращение уже полностью осуществлялось в твердой валюте. На оборотной стороне билетов оговорено, что они обязательны к приему на всей территории Союза ССР во все платежи «по золотой нарицательной стоимости».

Рисунок трехрублевого билета состоит из различных розеток и орнаментов, а на купюре в 5 руб. (рис. 4) вновь помещено изображение головы рабочего по той же скульптуре И. Шадра. Наименование денежного знака и его достоинство, а на пятирублевом билете, кроме того, и сокращенное обозначение «СССР» напечатаны на шести языках советских республик, как и на билетах образца 1924 г. Купюра в 5 руб. выполнена с купоном в левой части, имеющим водяной знак — крупную цифру «5» в лучах. Трехрублевая купюра — без водяных знаков.

Новый образец билета Государственного банка СССР 1926 г. достоинством в один червонец, также без водяных знаков, имел рисунок из розеток и орнаментов на лицевой и оборотной сторонах.

Билеты Государственного банка СССР образца 1928 г. были выпущены в двух купюрах — 2 и 5 червонцев. Два червонца — бумага без водяного знака, рисунок из розеток, рамок, орнаментов на лицевой и оборотной сторонах. Наименование билета и его достоинство — на шести языках советских республик. Купюра

Рис. 4
Государственный казначейский билет СССР. 1925 г. 5 рублей. Лицевая сторона (размер: 165×71 мм)

⁶ «КПСС в резолюциях». Изд. 7-е, часть II, стр. 145. Госполитиздат, М., 1954.

Рис. 5
Билет Государственного банка СССР. 1928 г.
5 червонцев. Лицевая сторона
(размер: 180×105 мм)

в 5 червонцев (рис. 5) имела своеобразное одностороннее оформление: только текст, изображение Государственного герба СССР, гербовой печати Государственного банка и розетки с цифрой номинала в окружении стилизованных лент с напечатанным на них на пяти языках (кроме русского) обозначением достоинства билета, — бумага специальная тонкая с водяным знаком сложного рисунка из волнистых линий, колосьев, букв «СССР», «5 червонцев», «Госбанк» и года — «1928».

Снова был выпущен казначейский билет достоинством в один рубль, полностью по образцу 1924 г. Заменены лишь обозначение года — «1928» вместо «1924» и подпись народного комиссара финансов.

Билет Государственного банка СССР достоинством в три червонца образца 1932 г. выполнен аналогично купюре в два червонца 1928 г. Он также двусторонний и без водяных знаков, но наименование билета и его достоинства дано не на шести языках, а на семи⁷ (новая надпись на тюркском языке) и соответственно на колосьях Государственного герба семь витков ленты.

Такого же измененного рисунка Государственный герб Союза ССР и надписи (наименование билетов и их достоинства) на семи языках помещены на Государственных казначейских билетах новой эмиссии 1934 г. — достоинством в 1, 3, и 5 руб. Оформление этих билетов однородное: бумага без водяных знаков с рисунком, состоящим из розеток, рамок и орнаментов, расцветка каждой купюры однотонная.

При повторном выпуске казначейских билетов образца 1934 г. подпись народного комиссара финансов была снята, и в дальнейшем денежные знаки новых образцов выпускаются без подписей.

5 декабря 1936 г. Чрезвычайный VIII всесоюзный съезд Советов принял новую Конституцию СССР. Казахская и Киргизская автономные республики были преобразованы: в союзные, ликвидирована Закавказская федерация, и три респуб-

⁷ Это изменение в оформлении денежного знака отразило образование на территории советской Средней Азии (с преобладающим распространением тюркского языка) новых союзных республик: Туркменской, Узбекской (в октябре 1924 г.) и Таджикской (в декабре 1929 г.). Надпись выполнена латинизированным алфавитом, который вводился для языков тюркской группы начиная с 1929 г. и к 1937 г. был установлен для азербайджанского, узбекского, туркменского, таджикского, казахского и киргизского языков. В 1940 г. в целях создания для указанных языков одной алфавитной основы с русским языком был проведен перевод их на графику русского алфавита.

Рис. 6
Билет государственного банка СССР. 1937 г. 5 червонцев. Лицевая и оборотная стороны (размеры 180×92 мм)

лики Закавказья вошли в состав СССР непосредственно в качестве союзных республик, общее число которых в Союзе ССР достигло одиннадцати.

В соответствии с этим было внесено изменение в изображение Государственного герба СССР: на колосьях стало одиннадцать витков ленты с надписями на них девиза «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на языках одиннадцати союзных республик. Эти изменения получили отражение на новых денежных знаках Советского Союза: на билетах Государственного банка образца 1937 г. (четыре купюры от одного до десяти червонцев) и на казначейских билетах образца 1938 г. (три купюры от одного до пяти рублей).

Билеты Госбанка 1937 года, выпущенные в лучшем, чем прежние, художественном оформлении, имели хождение наравне с находившимися к тому времени в обращении банковскими и казначейскими билетами всех прежних выпусков⁸.

Страна Советов только что отметила 20-летие Великой Октябрьской социалистической революции. И вот на новых билетах Госбанка 1937 г. впервые в истории советского денежного обращения помещено изображение портрета В. И. Ленина (рис. 6). Автор портрета — художник А. Эберлинг, гравировал А. Влюм. Автором рисунка купюры в один червонец является С. Поманский, а купюры в 3, 5 и 10 червонцев — И. Дубасов.

⁸ Газета «Известия ЦИК СССР» от 9 ноября 1938 г., № 6.

Новые банковские билеты печатались на бумаге без водяных знаков в технически качественном исполнении. Достоинство билета указано на оборотной стороне на одиннадцати языках союзных республик.

На казначейских билетах образца 1938 г. (автор эскизов художник И. Дубасов) помещены художественные изображения: шахтера с отбойным молотком — на купюре в один рубль, красноармейца в походном снаряжении — на трехрублевом билете (рис. 7), летчика у самолета — на пятирублевом. Бумага — без водяных знаков. Достоинство указано так же, как на билетах Госбанка образца 1937 г.

Эти банковские и казначейские билеты оставались в обращении в течение Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Война потребовала мобилизации всех ресурсов Советского Союза для организации разгрома немецко-фашистских захватчиков. Для покрытия огромных военных расходов Советскому государству пришлось выпускать в обращение больше денежных знаков, чем это вызывалось потребностями оборота⁹. Производство продуктов и товаров для населения сократилось, снабжение ими было нормировано, введены карточки, образовался излишек денежных знаков, и покупательная сила их падала. В то же время в условиях повышенного спроса на продукты и товары в связи с их недостатком резко росли рыночные цены. Обстановка осложнилась еще тем, что на временно оккупированной советской территории гитлеровцы выпускали фальшивые советские денежные знаки, чем засоряли наше денежное обращение. Тяжелым финансово-экономическим положением страны пользовались спекулятивные элементы. Они наживались за счет народа, скопили много наличных денег и могли бы скрывать на них товары и продукты при восстановлении после войны открытой торговли, без карточек.

Денежная реформа 1947 г.

Для ликвидации последствий войны в области денежного обращения Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»¹⁰. Этим постановлением предусматривалась замена ранее выпущенных денежных знаков новыми. Было установлено, что наличные деньги подлежат обмену в течение одной недели по соотношению 10 : 1, т. е. один червонец (10 руб.) обращавшихся денег обменивался на один рубль новыми денежными знаками образца 1947 г. Вклады населения до 3000 руб. каждый¹¹ (они составляли более трех четвертей всех вкладов) не подвергались пересчету, а вклады свыше 3000 руб. переоценивались на льготных условиях по сравнению с теми, какие были предусмотрены для обмена наличных денег. Специальный порядок

Рис. 7
Государственный казначейский
билет СССР. 1938 г. 3 рубля. Лицевая сторона (размер 135×67 мм)

⁹ Количество денег в обращении возросло за все время войны в четыре раза. (Кредитно-денежная система СССР. Изд-во «Финансы», М., 1967, стр. 57).

¹⁰ Газета «Правда» от 15 декабря 1947 г., № 334.

¹¹ В дореформенном исчислении.

Рис. 8

Билет Государственного банка СССР, 1947 г. 100 рублей. Лицевая и оборотная стороны (размеры 230×115)

был предусмотрен также для обмена и конверсии облигаций займов. Металлическая же монета, ранее выпущенная, обмену не подлежала и осталась в обращении по номиналу. Одновременно была отменена карточная система снабжения продуктами и промтоварами и установлены единые сниженные цены в свободной розничной торговле.

Очень важным фактором этой реформы явилось условие: заработная плата рабочих и служащих, а также денежные доходы крестьян от государственных заготовок и другие трудовые доходы всех слоев населения не затрагивались рефор-

мой и продолжали выплачиваться после реформы новыми деньгами в прежних размерах.

Реформа укрепила экономику страны, восстановив полноценность советского рубля, и способствовала дальнейшему развитию народного хозяйства, усилению могущества Советского государства и общему повышению уровня материального благосостояния советского народа.

На выпущенных в обращение новых билетах Государственного банка СССР 1947 г. снова помещен, на всех четырех купюрах (10, 25, 50 и 100 руб.), портрет В. И. Ленина по рисунку художника А. Эберлинга с фотографии П. Оцуна. Гравировал С. Афи́ров. Билеты достоинством в 50 и 100 руб. выполнены с чистым полем (купоном), на котором также имеется портрет В. И. Ленина по рисунку А. Эберлинга, но в виде водяного знака. Обратная сторона сторублевой купюры — с рисунком: общий вид Кремля с Москва-реки (рис. 8). На казначейских билетах 1947 г. (три купюры достоинством в 1, 3 и 5 руб.) художественных рисунков не было. Автором эскизов всех денежных знаков 1947 г. является И. Дубасов.

В оформлении билетов этого выпуска нашли свое отражение изменения в государственном устройстве Советского Союза. Кроме ранее состоявших в СССР одиннадцати республик, к этому времени прибавилось еще пять: Карело-Финская, Молдавская, Литовская, Латвийская и Эстонская ССР. В напечатанном на билетах Государственным гербе на колосьях шестнадцать витков ленты, в соответствии с числом союзных республик.

Достоинство билетов напечатано на 16 языках союзных республик в следующем порядке: на русском, украинском, белорусском, азербайджанском, грузинском, армянском, туркменском, узбекском, таджикском, казахском, киргизском, финском, молдавском, литовском, латышском и эстонском. Это соответствовало хронологически вхождению республик в состав СССР.

В связи с преобразованием в июле 1956 г. Карело-Финской ССР в Карельскую АССР Государственный герб Советского Союза при печатании денежных знаков и чекане разменной монеты начиная с 1957 г. воспроизводится с пятнадцатью витками ленты на колосьях.

Кроме того, на билетах Госбанка и на казначейских билетах образца 1947 г. с того же времени текст, обозначающий их достоинство, печатался на пятнадцати языках в измененной последовательности, соответственно тексту Конституции СССР, а именно: на русском, украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, азербайджанском, литовском, молдавском, латышском, киргизском, таджикском, армянском, туркменском и эстонском.

Денежная реформа 1961 г.

Успешное развитие народного хозяйства Советского Союза, его финансов, укрепление денежного обращения позволили осуществлять повышение курса рубля в отношении иностранной валюты.

Если до 1950 г. курс рубля устанавливался на основе иностранной валюты: до 1937 г. — на базе французского франка, а с 1937 г. — на базе доллара США, то с 1 марта 1950 г. курс рубля был переведен непосредственно на золотую базу и золотое содержание рубля установлено в 0,222168 грамма чистого золота.

С 1 января 1961 г. золотое содержание рубля повышено до 0,987412 грамма чистого золота¹². Одновременно произведено изменение масштаба цен, укрупнение денежной единицы в десять раз и соответственно пересчет цен и тарифов, ставок, окладов, пенсий, пособий и т. д.

Установление нового масштаба цен позволяло решить ряд задач: дальнейшее повышение роли рубля в хозяйстве, облегчение учета и расчетов, упрощение ведения кассового хозяйства, повышение доли металлической монеты в обороте, что, в свою очередь, открывало возможность более широкого применения механизмов в счетных операциях, автоматов в торговле и т. п.

¹² Валютный справочник. Изд-во «Финансы», М., 1967, стр. 9—10.

Денежные знаки образца 1947 г. (обоих выпусков) с 1 апреля 1961 г. были изъяты из обращения после трехмесячного периода обмена их на новые знаки образца 1961 г. по соотношению: 10 руб. образца 1947 г. за один рубль нового образца. Обменивалась в таком же соотношении и металлическая монета, за исключением мелких разменных монет в одну, две и три копейки, которые остались в обращении по номиналу.

Новые билеты Государственного банка (четыре купюры от 10 до 100 руб.) и казначейские билеты (три купюры в 1, 3 и 5 руб.) образца 1961 г. введены в обращение с 1 января 1961 г. Герб Советского Союза и обозначение достоинства на всех купюрах такие же, как и на последних денежных знаках 1947 г., выпускавшихся с изменениями с 1957 г.

Все семь купюр выполнены в уменьшенных форматах по сравнению с предыдущими выпусками, с правосторонними купонами (чистыми полями).

На всех билетах Госбанка барельефные портреты В. И. Ленина в овале работы Н. Соколова. Гравировали: для десятирублевой купюры — Л. Майорова, для остальных — в 25, 50 и 100 руб. — Н. Михеев. Билеты достоинством в 50 и 100 руб. отпечатаны на бумаге, имеющей на купоне водяной знак с изображением того же портрета (барельефа) В. И. Ленина работы Н. Соколова. На оборотной стороне этих двух купюр изображены: вид правительственного здания в Кремле (на 50 рублевой) и панорама Кремля со стороны Водовзводной башни (на 100-рублевой).

На лицевой стороне казначейских билетов также имеются изображения: вид Спасской башни Московского кремля (на трехрублевой купюре) и панорама Кремля со стороны Москва-реки (на пятирублевой).

Авторами эскизов денежных знаков 1961 г. являются: С. Поманский — лицевой стороны купюр от одного до 50 руб., Ю. Лукьянов — лицевой стороны 100-рублевого билета, И. Дубасов — оборотной стороны купюр всех достоинств.

С полновесным советским рублем 1961 г. — крепким помощником в строительстве коммунизма — пришла страна Советов к пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, пройдя за исторически небольшой срок гигантский путь борьбы и побед, путь великих преобразований в жизни своего народа.

Своеобразными вехами этого пути, красноречивыми документами истории остались денежные знаки Советского государства, о которых здесь рассказано.

НЕВЫПУЩЕННЫЕ БОНЫ СУХУМА

Среди денежных знаков, экспонируемых в Абхазском государственном музее им. Д. И. Гулиа, особый интерес вызывают эскизы невыпущенных бон Сухумского городского самоуправления, которые в каталогах не упоминаются.

Во второй половине 1918 г. Сухум переживал острый денежный кризис. Еще ле-

том газета «Наше слово» в заметке «Разменный кризис» писала: «...с величайшим трудом приходится разменивать деньги. Для того, чтобы торговец разменял 50 рублей, приходится затрачивать по несколько часов на поиски сдачи и обходить целый ряд магазинов». Особенно тяжело такое положение отражалось на

жизненном уровне малоимущих слоев населения.

В ноябре 1918 г. финансовая комиссия городского самоуправления, в связи с почти полным отсутствием в городе денежных знаков, на совместном, с представителями местных банков, заседании приняла решение выпустить мелкие разменные бонны¹. Представленный комиссии через несколько дней проект Положения о мелких денежных знаках был утвержден с некоторыми изменениями. Из Положения, в частности, было исключено указание, что знаки имеют хождение только в Сухуме. Вероятно, имелась в виду возможность введения их в обращение во всей Абхазии. Размер предполагавшегося выпуска разменных знаков был увеличен до полумиллиона рублей. Финансовая комиссия предложила местным художникам выработать рисунок для сухумских денежных знаков и объявила конкурс.

Между тем в конце ноября из Министерства финансов Грузии поступила телеграмма, уведомлявшая, что правительство по политическим и финансовым соображениям считает нежелательным выпуск разменных знаков, что в Сухум высылаются таких знаков на 500 тыс. руб. и что впредь город будет ими снабжаться по мере воз-

можности². На очередном заседании было решено выпуск бонн отложить, но если город не будет полностью обеспечен разменными знаками, вновь возбудить ходатайство перед правительством о выпуске сухумских разменных бонн.

Вследствие все усиливавшегося в Грузии денежного кризиса центральные финансовые органы не могли направлять в Сухум нужное количество дензнаков. Поэтому городская управа продолжила подготовку к выпуску бонн, а затем вторично возбудила перед правительством вопрос об их выпуске, но он не продвинулся далее стадии обсуждения, и денежные знаки Сухумского городского самоуправления так выпущены и не были. Их предполагалось выпустить достоинством в 50 коп., 1, 3, 5, 10, 25 руб. по эскизам удостоенного по конкурсу первой премии молодого художника А. Сивцова. Все эти эскизы удалось обнаружить два года назад в личном архиве одного из бывших сотрудников Сухумской городской управы А. Компниевского. На рисунке изображен эскиз 3-рублевого разменного знака Сухумского городского самоуправления.

Л. ПРИЦКЕР

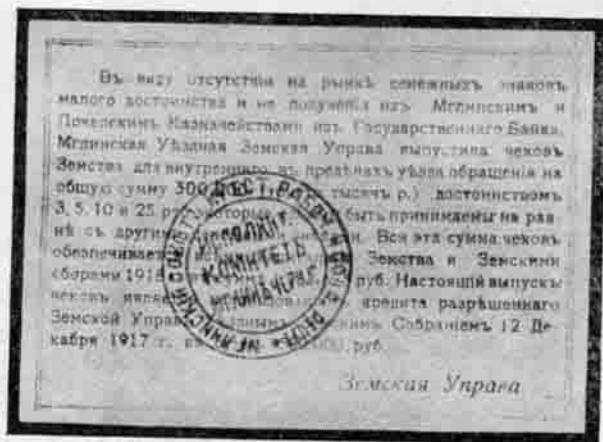
г. Сухуми

¹ ЦГА Абхазской АССР, ф. 4, д. 2819, л. 34.

² ЦГА Абхазской АССР, ф. 4, д. 2819, л. 38.

МГЛИНСКИЕ БОНЫ

В результате империалистической войны хозяйство и торговля России пришли в упадок, деньги обесценились. Во многих городах стал ощущаться недостаток в наличных деньгах. Это создало большие трудности при восстановлении разрушенного войной хозяйства. Для предотвращения связанных с отсутствием денег осложнений местные власти начали выпускать свои разменные знаки — бонны.

Земская Управа

Так произошло и на Брянщине, в городе Мглине. Вот как объясняет появление мглинских денег надпись на обороте этих бонн: «Ввиду отсутствия на рынке денежных знаков малого достоинства и неполучения их Мглинским и Почепским казначействами из Государственного банка, Мглинская уездная управа выпустила чеков земства для внутреннего в пределах уезда обращения на общую сумму 300 тысяч рублей, которые должны быть принимаемы наравне с другими денежными знаками. Вся эта сумма чеков обеспечивается всеми капиталами земства и земскими сборами 1918 года в сумме 1.188.675 рублей. Настоящий выпуск чеков является использованным кредита, разрешенного земской управе уездным земским собранием 12 декабря 1917 года в сумме 500 тысяч рублей».

На лицевой стороне чека в рамке указано, что он имеет хождение наравне с разменными денежными знаками в пределах Мглинского уезда Черниговской губернии. Владелец его имеет право получить из кассы Мглинского уездного земства в Мглинском и Почепском казначействах 3, 5, 10 или 25 руб. в зависимости от достоинства предъявленной бонны.

Это обязательно скреплено подписями председателя земской управы, двух ее членов, секретаря и бухгалтера, а также печатью Мглинской земской управы.

Как сообщил бывший бухгалтер Мглинской земской управы Л. Д. Булашевич, чья подпись стоит на мглинских боннах, 3-рублевая бона была желтого цвета, 5-рублевая — голубого, 10-рублевая — красного, а 25-рублевая — синего.

К моменту издания описанных суррогатов денег в гор. Мглине уже образовался Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Он признал выпуск бонн необходимым и подтвердил это, поставив на их оборотной стороне печать Мглинского исполнительного комитета. На некоторых боннах эта печать стоит рядом с печатью земской управы.

Мглинские бонны представляют значительный интерес — они встречаются очень редко. Их нет ни в областном и ни в одном из четырех городских музеев Брянщины.

И. ПОЛОЗОВ,

г. Брянск

ЧИТАТЕЛИ „СК“ О КАТАЛОГЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ БОН

В сборнике «Советский коллекционер» № 4 (1966 г.) была напечатана статья Д. Сенкевича «Нужен каталог отечественных бон». Статья вызвала много откликов. Авторы многочисленных писем решительно подтверждают необходимость издания каталога. Но о структуре каталога, о принципе систематизации материала мнения разошлись.

Большинство читателей, принявших участие в дискуссии, в том числе Ю. Пахомов (Тбилиси), Н. Попов (Якутск), В. Кессель (Москва), Я. Мелников (Баку), Н. Федяев (Севастополь), Н. Головчанский (г. Хуст, Закарпатской обл.) и другие согласились с предложенной в опубликованной статье систематизацией материала каталога. Некоторые внесли при этом дополнительные предложения. Так, Ю. Пахомов, считает, что в каталог следует включить все обязательные денежные эмиссии, а также выпуски необязательных знаков, имевшие место на территории всей бывшей Российской империи (а не в современных границах Союза ССР), а кроме того, денежные знаки, изготовленные для зарубежных государств, оккупационные знаки, знаки специального назначения (боны Торгсина, дорожные чеки Госбанка, талоны Арктикугля и др.). Н. Попов, предлагает выделить в разделе «Сибирь» Якутию и Забайкалье с Иркутской областью, в разделе «Средняя Азия» — Казахстан, Узбекистан и другие республики. В. Кессель, считает, что каталог должен стать настольным пособием не только для молодых, но и для квалифицированных коллекционеров. Предлагая конкретную схему си-

стематизации денежных знаков и бон, автор вносит несколько предложений практического порядка: о нумерации знаков в каталоге, об установлении признаков для отнесения знаков к числу основных или к разновидностям и вариантам, о стоимости бон и т. д.

Некоторые бонисты отвергают структуру каталога, предложенную в статье Д. Сенкевича. Так, Н. Супрунов (Ленинград) считает необходимым «включить в него все денежные знаки, суррогаты денег и боны всех видов, выпущенные и имевшие обращение на территории России, РСФСР и СССР в 1769—1961 гг., но расположить их по следующей схеме: I — государственные эмиссии с XVIII в. по настоящее время (в хронологическом порядке); II — местные обязательные выпуски в зонально-географическом порядке (как в каталоге СФА 1927 г.); III — знаки необязательного обращения — в алфавитном порядке географических наименований мест выпуска; IV — боны Латвии, Литвы и Эстонии, а также Польши и Финляндии — до октября 1917 г.; V — боны для нужд войск и для лагерей военнопленных; VI — облигации, обращавшиеся в качестве денег; VII — заемные письма».

В. Каменский (Даугавпилс) считает, что каталог бон должен быть составлен так, чтобы мог служить научным справочником и пособием не только для коллекционеров, но и для лиц, занимающихся изучением финансов и истории нашей страны. Исходя из этого, он предлагает такую схему размещения материала: I часть — Российская империя (до февральской ре-

эволюции 1917 г.); II — Великая Октябрьская социалистическая революция и становление Советского государства с включением в этот раздел всех бон, выпущенных советскими органами (расположение материала — по современному административно-территориальному делению); III — гражданская война и иностранная интервенция (в хронологическом порядке); IV — земства, городские думы, самоуправления, боны обязательного обращения, частные боны.

Г. Королев (Тамбов) пишет, что предложенная т. Сенкевичем схема «подходит для собирателей, которых не интересует история, мало подходит для коллекционеров-исследователей и совсем не подходит для историков». Предложенная им схема включает семь разделов: I — 1769—1914 гг. — бумажные денежные знаки в России до начала первой мировой войны 1914 г., в том числе выпуски Финляндии, японские подделки Государственных кредитных билетов России и пр.; II — 1914—1918 гг. — денежные знаки периода первой мировой войны, включая государственные эмиссии, оккупационные и местные выпуски; III — 1917—1922 гг. — денежные знаки периода гражданской войны и интервенции с включением знаков РСФСР, всех существовавших в тот период республик, военных командований, краев и всяких правительств,

а также местных выпусков (обязательных и необязательных); IV — 1922—1941 гг. — денежные знаки периода восстановления народного хозяйства и построения социализма, включая не только общегосударственные эмиссии, но и знаки, выпускавшиеся на территориях союзных республик, местные выпуски; V — 1918—1940 гг. — денежные знаки Прибалтийских республик; VI — 1941—1945 гг. — денежные знаки периода Великой Отечественной войны и послевоенного периода, включая знаки, выпускавшиеся на временно оккупированной советской территории, выпуски советского и объединенного командований на освобожденных территориях; VII — денежные знаки 1947—1961 гг. с включением, кроме государственных знаков, также и выпусков специального назначения (для туристов, сертификатов Внешторга и т. п.).

Р. Шель (Днепропетровск) предлагает провести систематизацию по существовавшим в момент выпусков организациям и местам эмиссий. По его мнению, нужно создать два отдельных каталога, разделив боны на обязательные и необязательные.

В. Морозов (Ухта) предлагает разделить каталог на два тома: I — эмиссии до октября 1917 г.; II — с октября 1917 г. до наших дней.

Редколлегия сборника «Советский коллекционер» благодарит читателей, принявших участие в дискуссии, и выражает надежду, что полученные замечания и предложения помогут Правлению ВОФ в подготовке каталога бон.

Однако время еще есть, и полезно продолжить этот интересный разговор. Тем более, что пока еще не высказались опытные бонисты Москвы, Ленинграда и других городов страны.

**Открытки в жизни
и революционной
деятельности
В. И. ЛЕНИНА**

Открытки — небольшие листочки плотной бумаги с адресом и почтовой маркой на одной стороне, с текстом или каким-либо изображением на другой — могут явиться своеобразным и важным, до сих пор еще недостаточно оцененным, источником самых различных сведений о жизни и революционной деятельности Владимира Ильича Ленина.

Своеобразие и особая ценность открыток, используемых для почтовой связи, заключается в том, что они являются не только обычными эпистолярными источниками, но и весьма многогранными комплексными документами. Наличие на одном листке письменного сообщения, адресов, почтовых штампов, марки, данных о месте выпуска открытки, а подчас и некоторых других сведений дает более или менее полную характеристику эпистолярного источника, его происхождения, пути прохождения и т. п.

Открытки довольно широко использовал как сам Владимир Ильич, так и его корреспонденты — родные, друзья и товарищи по революционной борьбе. Естественно, что многое в ленинских открытках, посланных близким, носит личный характер. Но, как справедливо заметил в конце 1920-х гг. А. В. Луначарский, придет время, когда «самая личность Владимира Ильича, Ленин-человек, сделается предметом внимательного и любовного изучения. Биографическое в нем, интимное в нем тоже имеет огромную, общечеловеческую ценность»¹.

¹ А. В. Луначарский. Собр. соч., т. 8, М., 1967, стр. 60.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС² хранится несколько десятков самых разнообразных открыток, написанных и посланных В. И. Лениным. Среди них попадаются и иллюстрированные, с изображением различных городов, в которых бывал Владимир Ильич, с видами тех мест, которые он посещал, с фотографиями памятников архитектуры и скульптуры, которые ему приходилось видеть³.

Особенно много иллюстрированных открыток посылал В. И. Ленин из Швейцарии и Франции, где ему дольше, чем в других странах, приходилось жить в эмиграции.

К сожалению, отыскать эти открытки и ознакомиться с ними не просто. В Полном собрании сочинений В. И. Ленина (5-е издание), где опубликованы тексты многих ленинских писем и документов, в том числе и написанных на открытках, изображения, помещенные на этих открытках, как правило не приводятся. Только 2—3 открытки использованы в т. 55 в качестве иллюстраций. Для более полного ознакомления с ленинскими открытками следует обратиться к сборнику «Письма В. И. Ленина к родным» (Политиздат, 1934), где во многих случаях отмечены открытки, указано, что на них изображено, а с нескольких открыток даны и репродукции⁴.

Сведения о некоторых ленинских письмах, написанных на открытках, можно встретить и в Ленинских сборниках⁵.

Какое значение имеют такие указания?

Уже при первых публикациях писем В. И. Ленина, не содержащих даты и места написания, исследователи, изучавшие ленинское эпистолярное наследие, использовали данные почтовых штемпелей, имеющих на открытках. В некоторых случаях обращалось внимание на место отправления той или иной открытки.

1 января 1901 г. Владимир Ильич посылает в Москву своей матери двойную поздравительную карточку с характерной немецкой надписью: «Herzlichen Glückwunsch zum Neuen Jahre» (илл. 1). Жил Ленин в это время в основном в Мюнхене (Германия), а на карточке, оригинал которой находится в ЦПА ИМЛ⁶, наклеены австрийские почтовые марки (каталог «Липсия» №№ 72, 74) и ясно различим штемпель гашения: «Прага. 2.1.01».

В чем же дело? Может быть, Ленин на новогодние праздники поехал в Прагу, которая в то время входила в состав Австро-Венгрии или попал туда в этот день проездом? Ведь в хронологическом справочнике дат жизни и деятельности В. И. Ленина отмечается, что в двадцатых числах декабря он совершил поездку в Вену⁷. Однако в примечаниях к Полному собранию сочинений В. И. Ленина (5-е издание) указано, что фраза Ленина в одном из писем к матери (от 26/XII—1900 г.) о его недавней поездке в Вену имела конспиративную цель, так как на самом деле он в это время посетил не Вену, а Лейпциг, где печатался первый номер газеты «Искра»⁸.

Можно предположить также, что поездка из Мюнхена в Лейпциг или обратно была совершена через Прагу, хотя этот путь и не самый прямой. Но существуют материалы, дающие основание утверждать, что, по крайней мере, с 23 по 29 декабря 1900 г. В. И. Ленин находился в Мюнхене. Не исключено, конечно, что поездка в Прагу или проезд через этот город были осуществлены в самые

² В дальнейшем в сносках ради краткости именуется: ЦПА ИМЛ.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 2630, 2634, 2636, 2658, 2760, 2765, 3063, 3071 и др.

⁴ Фотографии некоторых ленинских открыток экспонированы в залах музея В. И. Ленина в Москве.

⁵ См., например, т. III, стр. 573; т. XIII, стр. 252—253.

⁶ Ф. 2, оп. 1, ед. хр. 392.

⁷ Даты жизни и деятельности Ленина. 1870—1924. Изд. 2-е. Партиздат, 1933, стр. 52.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 498 (прим. 205).

последние дни 1900 и в самом начале 1901 г. Даты жизни и деятельности В. И. Ленина этого времени, приводимые в т. 4 Полного собрания его сочинений, к сожалению, не очень определены⁹.

Однако все же наиболее вероятно, что новый 1901 год В. И. Ленин встретил в Мюнхене. Окончательно подкрепить эту мысль или поставить ее под сомнение, между прочим, могут помочь коллекционеры-филокартисты и филателисты. Необходимо установить, где издавались, продавались и откуда рассылались новогодние поздравительные карточки того типа, к которому принадлежала карточка, посланная Лениным матери.

Что же касается Праги, то чехословацкие исследователи в настоящее время убедительно показали, что в 1900—1901 гг. этот город служил Ленину своеобразным транзитным пунктом для пересылки корреспонденции¹⁰. Все, что приходило в Прагу из России на адрес Фр. Модрачека, переправлялось Ленину в Мюнхен, и, наоборот, посылаемая Лениным в Россию корреспонденция шла первоначально в Прагу, а уже оттуда франкированные австрийскими марками и погашенные местным штемпелем ленинские письма и открытки шли в Россию.

Таким образом, новогодняя поздравительная карточка 1/1 1901 г., посланная Лениным матери, может, по всей вероятности, быть документальным свидетельством пути прохождения корреспонденции Владимира Ильича в конце 1900 — начале 1901 г. через Прагу принятого для конспирации.

Однако открытки и, в частности, иллюстрированные, могут дать и другие важные дополнительные сведения, особенно если текст содержащегося на них письменного сообщения так или иначе связан с изображением. До сих пор при изучении ленинского эпистолярного наследия на эту особенность открыток не обращали должного внимания.

Илл. 1. Поздравительная карточка, посланная В. И. Лениным матери к Новому 1901 году. На карточке надпись по-немецки: «Сердечные пожелания счастья к Новому году».

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 556—557.

¹⁰ М. Иванов. Ленин в Праге. Госполитиздат, М., 1963, стр. 16—35. Он же В. И. Ленин в Праге. Сб. «Чехословакия социалистическая». Изд-во «Правда», М., 1965, стр. 208—237.

Илл. 2
Открытка, посланная
В. И. Лениным матери
8 июля 1904 г. из Кандерштега
около Фрутигена
(Швейцария)

Есть все основания полагать, что изображения на видовых открытках, которые посылал Ленин, не были случайными.

Нередко они прямо связаны с текстом письменного сообщения, дополняют его. Так, например, в июле 1904 г. путешествуя вместе с Н. К. Крупской пешком по горам Швейцарии, В. И. Ленин посылает своей матери три открытки с видами тех мест, которые они посетили: Кандерштег около Фрутигена (8/VII 1904 г.), (илл. 2) Изельвальд на Бриенцском озере (16/VII 1904 г.), вид на Мал. Шейдег и Юнгфрау (20/VII 1904 г.). Открытки эти, отправленные из почтовых отделений небольших швейцарских местечек, через которые проходили путешественники, вероятно, там же приобретались. Они дают наглядное представление о швейцарской природе, а имеющиеся на них почтовые штемпеля с точными датами помогают уточнить маршрут¹¹. В своих воспоминаниях Н. К. Крупская рассказывает об этом путешествии:

«Мы с Владимиром Ильичем взяли мешки и ушли на месяц в горы... выбирали всегда самые дикие тропинки, забрались в самую глушь, подалее от людей. Пробродяжничали мы месяц: сегодня не знали, где будем завтра, вечером, страшно усталые, бросались в постель и моментально засыпали... потом мы одевали наши мешки и шли дальше».

А в мешках у них были французский словарь и тяжелая книга. «Однако, — вспоминает далее Н. К. Крупская, — не в словарь смотрели мы, а на покрытые вечным снегом горы, синие озера, дикие водопады.»¹²

Изображения на открытках¹³ дают интересный материал, ярко характеризующий те места Швейцарии, по которым проходил первый большой туристский маршрут В. И. Ленина.

В августе 1908 г. В. И. Ленину пришлось вновь побывать в Швейцарии, и он, как и прежде, не преминув послать видовую открытку сестре, пишет: «Посылаю тебе карточку тех мест, откуда я сейчас возвратился. Ездил в горы погулять...»¹⁴.

¹¹ Во вступительной статье К. Фарнера к альбому «Ленинские места в Швейцарии» (Изд-во иностран. лит., М., 1958, стр. 15) места, которые посетили В. И. Ленин и Н. К. Крупская, названы и охарактеризованы неточно. Правильнее определить маршрут этого путешествия Ленина дают возможность воспоминания Н. К. Крупской (см. В. И. Ленин, Письма к родным, М., 1934, стр. 295—296 и Полн. собр. соч., т. 8, стр. 656—657).

¹² Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, М., 1957, стр. 85—86.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 236—237.

¹⁴ Там же, стр. 253.

Во время кратковременного пребывания в Швейцарии в 1911 г. В. И. Ленин заезжает в город Люцерн и здесь, 27 сентября, совершает восхождение на гору Пилат. Сообщая об этом матери в открытке, датированной 28/IX 1911 г., он пишет: «Вчера лазил на Пилат — 2122 метра»¹⁵. А изображены на этой открытке общий вид расположенного на берегу Фирвальдштетского озера города Люцерн и гора Пилат, господствующая над городом.

Открытки и фотографии времени пребывания В. И. Ленина в Швейцарии удачно использованы для иллюстрирования книги А. С. Кудрявцева, Л. Л. Муравьевой и И. И. Сиволал-Кафтановой «Ленин в Женеве» (М., Политиздат, 1967). Здесь же дана карта маршрута путешествий В. И. Ленина и Н. К. Крулоской летом 1904 г.

Однако ленинские открытки пока еще недостаточно используются как ценный материал, иллюстрирующий биографию В. И. Ленина. Так, например, в интересной, содержательной книге М. Пианзола «Ленин в Швейцарии»¹⁶ и в упомянутом выше альбоме «Ленинские места в Швейцарии» вопросу о туристских путешествиях В. И. Ленина по этой стране, отношению Ленина к ее природе уделено очень мало места.

Сам Владимир Ильич считал возможным использовать изображения на видовых открытках в качестве источника, дающего представление о тех местах, где ему приходилось бывать. Об этом свидетельствуют не только подчас предельная лаконичность текста, но и отдельные фразы из тех сообщений, которые имеются на открытках.

Летом 1913 г. на открытке, отправленной сестре М. И. Ульяновой из Закопана (Польша), Ленин пишет: «Посылаю вид Татр, где мы гуляли недавно»¹⁷. А через несколько дней из Вены, по дороге в Швейцарию, Владимир Ильич, посылая своей матери открытку с изображением входа в парк перед знаменитым венским дворцом Шёнбрунн, сообщает: «Едем мы хорошо, смотрели Вену...»¹⁸.

Наконец, сохранилось и прямое свидетельство отношения В. И. Ленина к видовым изображениям на открытках. Получив очередную открытку от сестры М. И. Ульяновой, находившейся в ссылке в Вологде, 3 января 1913 г. он пишет матери: «Сегодня получил еще открытку от Маняши с видом Вологды-реки. Городишко, по открытке судя, (курсив мой — В. Ш.) ничего себе...»¹⁹.

Изображения на ленинских открытках довольно разнообразны. Кроме видов Швейцарии, Польши и Австрии, на открытках, посланных Лениным своим родным, можно увидеть Копенгаген, Неаполь, окрестности Парижа (Медон, Фонтенбло), морское побережье Франции (Порник).

К сожалению, далеко не все, что послал Владимир Ильич, дошло до наших дней. Изучение всего сохранившегося материала, а также подбор изданных при жизни Ленина открыток, изображающих те места, где он побывал, пусть даже без ленинских текстов, могут обогатить наши представления об окружающей Владимира Ильича жизни, обстановке, природе, а может быть, внесут и какие-то новые штрихи в его биографию²⁰.

В этом отношении примечательны две открытки с одним и тем же изображением. Отправившись на прогулку в знаменитый лес Фонтенбло, В. И. Ленин 20 августа 1911 г. посылает оттуда матери и сестре открытки с кратким текстом приветствия и с сообщением о том, что «приехали сюда на целый день»²¹ (илл. 3, 4).

¹⁵ Там же, стр. 321.

¹⁶ Морис Пианзола. «Ленин в Швейцарии». Госполитиздат, М., 1958, стр. 29—30, 48.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 342.

¹⁸ Там же, стр. 342.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 334.

²⁰ Интересным опытом привлечения видовых открыток, современных пребыванию В. И. Ленина во Франции, для иллюстрирования текста, является изданная во Франции в 1967 г. книга Шарля Фельда «Когда Ленин жил в Париже», русский перевод которой готовится издательством «Советский художник».

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 320.

Илл. 3
Барельефный портрет французских художников-реалистов Ж. Ф. Милле и Т. Руссо. Лицевая сторона открытки, посланной В. И. Лениным матери в 1911 году из Фонтенбло

Илл. 4
Оборотная сторона этой открытки

Что же изображено на этих открытках? Это барельефный портрет выдающихся французских художников-реалистов Жана Франсуа Милле и Теодора Руссо. Портрет этот высечен на большой глыбе камня, находящейся в лесу Фонтенбло, недалеко от деревушки Барбизон, где они жили и работали.

Можно ли считать случайностью, что Ленин посылает на этот раз и матери в сестре не виды природы, как делал он, например, посещая Медонский лес в окрестностях Парижа, а изображение памятника двум художникам? Безусловно, этот факт, являясь одним из свидетельств знакомства В. И. Ленина с творчеством французских живописцев-демократов, в какой-то степени расширяет и представляет о круге его художественных интересов.

Живя в эмиграции, во Франции и других странах, Ленин посещает различные музеи, в том числе и художественные, знакомится с шедеврами мировой живописи. Грузинский революционер Миха Цхакая вспоминает:

«Я никогда не забуду, как перед отъездом из Лондона Ильич водил нас осматривать зоологический сад, Британский исторический музей. То же самое он сделал в Париже, показав мне Эйфелеву башню, мировой музей живописи — Лувр и Стену коммунаров на кладбище Пер-Лашез. Сам он все видел много раз и ходил специально с целью показать мне»²².

В Лувре находились, в частности, знаменитые полотна Милле — «Собирательницы колосьев», «Анжелюс», «Пряха», «Пастушка», пейзажи Т. Руссо. Кстати, о посещении парижских музеев В. И. Ленин сам сообщает в письме М. И. Ульяновой (2/1 1910 г.):

«Вообще, на праздниках мы «загуляли»: были в музеях, в театре, посетили Musée Grévin, которым я остался очень, очень доволен»²³.

Конечно, одна-две открытки сами по себе еще не могут дать достаточных материалов для суждения о круге художественных интересов Владимира Ильича, но в совокупности с другими данными они оказываются подчас весьма интересным и ценным источником. В этом смысле особенно важны открытки с репродукциями художественных произведений, которые привлекали внимание Ленина. С. И. Гошнер, не раз встречавшая В. И. Ленина в Париже в 1910—1912 гг., вспоминала:

«Увидев у меня на стене художественную открытку с копией одной картины «передвижников», он пристально разглядывал ее и совсем тихо сказал: «Как хорошо эти картины передвижников передают русскую жизнь». Именно в связи с этими словами Ленина я сохранила в своем архиве эту открытку. На ней копия известной картины художника Богданова «Боевые товарищи»²⁴.

Не менее показательны и воспоминания М. В. Фофановой, в квартире которой в октябре 1917 г. некоторое время жил В. И. Ленин, скрываясь от ищек Временного правительства.

«Владимир Ильич очень любил и хорошо знал живопись, — сообщает она. — У меня на письменном столе лежала открытка с репродукцией картины художника Ярошенко «Всюду жизнь», я решила послать ее своим ребятам.

Владимир Ильич увидел открытку и говорит:

— Вот замечательный художник!

А кто такой Ярошенко я по-настоящему не знала. Он мне рассказал его биографию.

— Подумайте, это кадровый военный человек, и представьте себе, какой он прекрасный психолог действительной жизни, какие у него чудесные вещи!

Я вытаскиваю из своего письменного стола еще одну открытку с репродукцией картины Ярошенко «Заключенный» (илл. 5). Владимир Ильич говорит:

— Прекрасно, когда будем хозяйничать, чтобы не забыть. Такому человеку надо отдать дань.»²⁵.

И действительно, уже в 1918 г. в разгар гражданской войны, в Кисловодске, городе, где провел последние годы и умер Н. А. Ярошенко, советские организации, возможно не без вмешательства В. И. Ленина²⁶, приняли меры, чтобы достойно

²² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I. Госполитиздат, М., 1956, стр. 351—352.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 302.

²⁴ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I. Госполитиздат, М., 1956, стр. 489.

²⁵ М. В. Фофанова. Последнее подполье В. И. Ленина (Воспоминания). «Исторический архив», 1956, № 4, стр. 166—172.

²⁶ Михаил Нестеров. Н. А. Ярошенко. (Из истории русского искусства). «Октябрь», 1942, № 5—6, стр. 120.

Илл. 5

Открытка с репродукцией картины художника Н. Ярошенко «Заключенный»

О возобновлении этой традиции в годы империалистической войны, о роли В. И. Ленина в распространении и популяризации одной из сатирических открыток рассказывает активная участница революционного движения Т. Ф. Людвинская, бывшая в то время секретарем парижской секции большевиков:

«По постановлению комитета секции, мне было поручено связаться с одним из французских художников, сочувствовавших нашей партии, которого знала Инесса Арманд. Французский художник нарисовал нам карикатуру, изображавшую бурную реку и на ней несущегося по течению Плеханова. Навстречу ему плывет лодка. На ней группа большевиков во главе с Лениным со знаменем, на котором написано: «Мы возбудим течение, против течения». Этот рисунок был размножен на открытках и продавался по 1 франку за штуку. Одна такая открытка была послана Владимиру Ильичу в Берн. Он одобрил ее и просил прислать ему клише для использования в

сохранить память о нем. Известно и специальное указание Ленина в январе 1919 г. о передаче портрета известного педагога А. Я. Герда, написанного Ярошенко, дочери Герда — Нине Александровне Струве, которой этот портрет ранее и принадлежал²⁷.

Охотно пользуясь иллюстрированными открытками как средством почтовой связи, В. И. Ленин по достоинству оценил сатирический рисунок, а также портреты на открытках и пополнил ими арсенал средств большевистской агитации и пропаганды. Уже в 1904 г., в период первой эмиграции, по его предложению известные сатирические рисунки П. Н. Лепешинского размножались в Женеве и распространялись в виде отдельных литографских листов²⁸. Характерно, что при оценке карикатур В. И. Ленин, как вспоминает П. Н. Лепешинский, всегда требовал, «чтобы мы не переходили за грань политических выпадов и не опускались до уровня обывательского хихикания по поводу каких-нибудь личных качеств того или иного противника»²⁹.

Политическая карикатура получила широкое распространение на страницах революционных журналов, выходивших в 1905—1907 гг., и нашла отражение в многочисленных открытках, выпускавшихся легально и нелегально в эти годы в России³⁰.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 243.

²⁸ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1. Госполитиздат, М., 1956, стр. 228—229.

²⁹ Там же, стр. 228.

³⁰ См. В. Шлеев, Э. Файнштейн. «Художественные открытки и их собрание». М., Изогиз, 1960, стр. 11—13.

Швейцарии. Там ее также можно было размножить, притом гораздо дешевле, а кроме того, отсюда эту открытку легко было бы распространять по всем странам. Эта карикатура на Плеханова имела для того периода большое политическое значение...

Мне предстояло отправиться в Берн на конференцию зарубежных секций, которая созывалась по предложению В. И. Ленина. Воспользовавшись этим, Комитет Парижской секции поручил мне доставить клише открытки Владимиру Ильичу*.

Рассказав, далее, как у нее отобрали это клише при переезде через границу таможенные чиновники, Людвинская вспоминает, что сильно расстроенная этим, придя к Ленину, она сказала:

— У меня большое несчастье, потому что на границе у меня отобрали клише, которое комитет Парижской секции поручил мне доставить Вам по вашей просьбе.

— Расскажите, как это случилось с вами?...

Пришлось рассказать, как все произошло. Ильич успокоил меня:

— Беда не велика... Не расстраивайтесь. Они ничего в нем не поймут и, наверное, выплют его вам с ближайшей почтой. Так оно и в действительности и было: клише вернули. Карикатура была размножена и разослана по всем странам, где жили наши товарищи»³¹.

К сожалению автору этой статьи пока что не довелось встретить изданные за рубежом открытки, в выпуске которых принимал участие В. И. Ленин. Но я уверен, что они имеются, в государственных собраниях (музеях, архивах) или у отдельных коллекционеров. Их предстоит найти!

Примечательные факты, касающиеся интереса, проявленного В. И. Лениным к изданию открыток, мы находим в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича, жившего в Женеве в 1904 г.

Как-то Бонч-Бруевич получил из России открытки со сценами и персонажами пьесы М. Горького «На дне», впервые поставленной Московским Художественным театром, и показал их Ленину. Владимир Ильич «долго, с удовольствием разглядывал их, любовался поэзией артистов, а потом сказал, что надо обязательно издать открытки, чтобы ознакомить наши эмигрантские и студенческие колонии с этим спектаклем Художественного театра. Фотографии были изданы нами, — вспоминает далее В. Д. Бонч-Бруевич, — разошлись очень быстро. Меньше чем через месяц у нас не осталось уже ни одной фотографии...»³².

Илл. 6

Листовка-уведомление о поступлении на склад экспедиции РСДРП в Женеве комплекта открыток — «Типы М. Горького «На дне»

³¹ Т. Ф. Людвинская. Великий, близкий, простой. Изд-во «Знание», М., 1964, стр. 25—26.

³² Стенограмма выступления В. Д. Бонч-Бруевича на юбилейном вечере МХАТ 19 октября 1948 г. в ЦДРИ. Москва (рукописный фонд воспоминаний Кабинета произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС). Цитируется по книге Сим. Дрейдена «В зрительном зале — Владимир Ильич». Изд-во «Искусство», М., 1967, стр. 110.

В настоящее время эти открытки, изданные осенью 1904 г. в Швейцарии русскими социал-демократами, очень редки. Не было их в известной коллекции Н. С. Тагрина и в альбомах музея МХАТ³³. И только недавно открытки эти случайно обнаружили среди личных бумаг украинского писателя Ивана Франко, хранящихся в одном из архивов Львова. Причем нашлись они в сопровождении чрезвычайно интересного документа — специальной листовки, напечатанной в типографии РСДРП в Женеве (илл. 6). Листовка уведомляла, что «на склад экспедиции РСДРП поступил комплект из 25 открыток писем — типы Горького «На дне». Адрес экспедиции, напечатанный на той же листовке, был тогдашним швейцарским адресом В. И. Ленина: «V. Oulianoff, 3. rue de la Colline, Genève, Suisse.»

Есть основания согласиться с автором книги «В зрительном зале — Владимир Ильич» Сим. Дрейденом в том, что этот комплект открыток был выпущен «Издательством социал-демократической литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина» на основе фотооткрыток московской фирмы Комицкого³⁴.

Среди разнообразных по сюжетам открыток выпускавшихся в 1905—1907 гг. видное место занимают портреты борцов за свободу — декабристов, Герцена, Огарева, Чернышевского, героев «Народной воли», Плеханова, Баумана, лейтенанта Шмидта и многих, многих других. Большевикское издательство «Вперед» печатало и распространяло портреты К. Маркса, Ф. Энгельса, автора «Интернационала» Э. Потье³⁵. Об этом, в частности, свидетельствуют воспоминания Е. Д. Стасовой³⁶.

В конце 1914 — начале 1915 гг. В. И. Ленин принял самое живое непосредственное участие в выпуске в Швейцарии открыток, изображающих арестованных членов большевистской фракции IV Государственной думы, выступивших против участия России в империалистической войне. Первое упоминание об этом издании мы находим в письме В. И. Ленина к А. Г. Шляпникову, написанном между 20 января и 1 февраля 1915 г. в Берне. Шляпников был в то время представителем ЦК большевистской партии и находился в Стокгольме.

«Насчет карточек депутатов я справился вчера: — писал Владимир Ильич, — здесь уже заказаны и будут на этой неделе готовы. Тогда пошлем Вам.» В примечании к этому письму, опубликованному в 49-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина, говорится: «Речь идет о фотокарточках с.-д. депутатов Государственной думы в арестантских халатах, предназначенных для продажи среди шведских рабочих»³⁷.

Чтобы пролить свет на эту, до сих пор мало изученную, сторону революционной деятельности В. И. Ленина, мне пришлось обратиться в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма. Среди хранящихся там документов оказалось несколько писем Шляпникова, адресованных В. И. Ленину. 5 февраля 1915 г. он писал: «Будет очень хорошо, если пришлете открытки. Пришлите пока сотен пять». И в примечании добавляет: «Вообще же прошу издать хорошо. Надеюсь, что здесь удастся продать несколько тысяч!»³⁸. В письме от 27 февраля 1915 г. Шляпников уточняет свои планы распространения этих открыток:

«По поводу фотографических открыток нашей думской фракции я уже говорил со шведами. Стокгольм[ская] организация возьмет продажу на себя. Наши русские товарищи говорят, что им одним на продажу потребуется не менее 500—600 экземпляров. Нужно только, чтобы это было прилично издано и, если можно, с какой-либо идейной интернациональной надписью на одном или двух европ[ейских] языках... По минимальному предположе-

³³ Дрейден Сим. «В зрительном зале — Владимир Ильич». Изд-во «Искусство», М., 1967, стр. 105—106.

³⁴ Там же, стр. 104—106.

³⁵ См. журналы: «Вестник жизни», СПб., 1906, № 7, стр. 62; «Библиотека наших читателей», СПб., 1906, № 2.

³⁶ Е. Д. Стасова. Страницы жизни и борьбы. Госполитиздат, М., 1957, стр. 35—36.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 53 и 496.

³⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 524, л. 2.

нию разойдется несколько (тысячи 3—5) тысяч. Можно будет списаться со многими крупными городами Скандинавии. Чтобы иметь возможность уже сразу послать хоть небольшое количество, мы должны располагать здесь большим запасом. Будет хорошо, если Вы сможете выслать сюда сразу тысячи две. Дней через десять я поеду в Норвегию и устрою там также продажу»³⁹.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин продолжал уделять особое внимание печатной продукции, в том числе открыткам, учитывая их важное агитационно-политическое значение. 7 сентября 1918 г. управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич, готовя материал для доклада, с которым Владимир Ильич должен был выступить в связи с первой годовщиной Великого Октября, обращается во все наркоматы и в издательство ВЦИК, а затем (9/IX 1918 г.) ко всем губсовдепам и советам профсоюзов Москвы и Петрограда с требованием:

«По особо экстренному распоряжению Владимира Ильича Ленина сообщить:

- 1) Что именно печатали Вы со дня Октябрьской революции (название журнала, газеты, книг, брошюр, плакатов, листовок, портретов и пр. и пр.).
- 2) В каком количестве.
- 3) По какой номинальной стоимости»⁴⁰.

Этот запрос свидетельствует, что даже в это тяжелое для страны время великий вождь трудящихся помнил о большом политическом значении изобразительной продукции, в которой, вместе с плакатами, немалое место всегда занимали открытки.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о коллекционировании открыток на ленинскую тему.

Известно, что собиранием открыточной Ленинианы занимается немало людей. Есть среди этих коллекций и довольно значительные по объему, как, например, собрание ленинградского учителя В. Я. Бялого, насчитывающее более двух тысяч открыток⁴¹.

Однако, как нам кажется, многие коллекционеры-филокартисты, интересующиеся этой увлекательной и важной темой, не очень ясно представляют себе ее возможности, ее границы и способы систематизации открыток. В большинстве случаев дело сводится к элементарному собиранию различных, в большинстве своем хорошо известных, открыток с портретными изображениями Владимира Ильича и его родных, к подбору открыток, воспроизводящих произведения живописи на ленинскую тему, памятники В. И. Ленину, фотографии или зарисовки ленинских мест (Ульяновск, Шушенское, Разлив, Горки и т. п.).

Возможности открыточной Ленинианы гораздо шире. Более того, они открывают перед коллекционерами не только перспективы собирания, но и подлинного исследования материала, на основе которого можно выявить новые штрихи биографии В. И. Ленина, открыть малоизвестные страницы истории революционного движения, культуры, искусства. И помочь в этом могут не только открытки, непосредственно побывавшие в руках у Владимира Ильича, но и другие, изданные в то же время.

Кстати сказать, очень полезно было бы к приближающемуся 100-летию со дня рождения В. И. Ленина издать факсимильно в качестве сувенира один-два комплекта собственно ленинских иллюстрированных открыток, хранящихся в ЦПА

³⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 525, л. 1.

⁴⁰ «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 22—23.

⁴¹ А. Кириченко. Две тысячи ленинских открыток. «Нева», 1967, № 8, стр. 217.

ИМЛ. Они стали бы хорошим материалом для различных выставок, драгоценным украшением коллекций филокартистов.

Конечно, давать коллекционерам какие-либо определенные рецепты трудно, но очевидно одно: при собирании открыточной Ленинианы следует опираться на биографию В. И. Ленина, на даты его жизни и революционной деятельности, приводимые в Полном собрании его сочинений (5-е изд.), на специальные работы, посвященные пребыванию В. И. Ленина в различных местах нашей страны и за рубежом.

Можно подбирать, например, старые видовые открытки Симбирска, Казани, Самары, Петербурга, Москвы, Красноярска, Минусинска, Уфы, Пскова и многих зарубежных городов, в которых бывал Владимир Ильич. Естественно, что из большого количества различных видовых открыток следует выбирать те, которые изображают здания, где бывал Ленин, площади и улицы, на которых он жил, места, которые он посещал. Следует стремиться также, чтобы по времени издания открытки были как можно ближе к тому периоду, когда в данном месте находился Владимир Ильич.

Не менее интересно собирать открытки с портретами тех людей, с которыми встречался Владимир Ильич Ленин как в России, так и за границей, а также портреты тех, кто упомянут в его сочинениях. Здесь на помощь коллекционеру придут именные указатели, содержащиеся в каждом томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Есть смысл обратить внимание и на открытки, документирующие различные стороны жизни и революционные события, о которых идет речь в трудах Владимира Ильича. Такого рода коллекции, соответствующим образом аннотированные, могут иметь большое историко-документальное значение.

На открытках иногда воспроизводятся различные вещи, предметы и памятники, так или иначе связанные с жизнью и революционной деятельностью Владимира Ильича. Собрание и изучение подобного рода открыток также представляет большой интерес.

Наконец, очень значительная группа открыток, издававшихся в нашей стране после Великого Октября и в настоящее время ставших редкими, связана с портретными изображениями В. И. Ленина на фотографиях и кинокадрах и с посвященными ему произведениями изобразительного искусства (рисунки, картины, скульптурные портреты и памятники, плакаты, различные работы народных умельцев). Собрание и изучение всего этого материала, в особенности открыток, выпускавшихся при жизни Владимира Ильича или в первые годы после его смерти, таит в себе возможности обнаружения ныне забытых, но весьма интересных фактов истории нашей культуры и искусства⁴². Ведь следы некоторых ленинских портретов, исполненных в первые годы после революции, утеряны, а ряд когда-то установленных памятников ныне не существует. Представления об этих произведениях искусства, подчас можно получить только по открыткам.

Хочется надеяться, что сотни филокартистов-энтузиастов открыточной Ленинианы еще шире развернут свои поиски. Они не только обогатят свои коллекции, углубят знания, но и на выставках, организованных к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, покажут плоды своего благородного труда.

⁴² М. Забочень. Открытки — пропагандисты. «Творчество», 1965 № 10, стр. 24. «Капитан корабля революции», «Филателия СССР», 1967, № 6, стр. 42—43.

ПАМЯТНИКИ, СОХРАНИВШИЕСЯ ТОЛЬКО НА ОТКРЫТКАХ

Несколько лет назад моя коллекция пополнилась пятью черно-белыми открытками с изображением скульптурных портретов Руссо, Робеспьера, Кольцова, Добролюбова и Шевченко. На обороте каждой было указано, чей портрет изображен на лицевой стороне, даты жизни этого лица и краткая характеристика его деятельности, а также имя скульптора. Внимание привлекла помещенная там же надпись: «25 окт. 1917 г.—25 окт. 1918 г.». Видимо, издание серии открыток было приурочено к первой годовщине Октября.

Естественно, возникли вопросы: кем и где были выпущены открытки, каким тиражом, сколько было в этом издании сюжетов?

Я попытался найти библиографическое описание этой серии открыток; в справочных материалах Всесоюзной книжной палаты его не было. Но о скульптурных портретах, воспроизведенных на открытках, материалы нашлись. Правда, не сразу. Пришлось просмотреть немало иллюстрированных изданий первого года Советской власти.

Мне было известно, что изображенная на открытке статуя Т. Шевченко — модель памятника, который был открыт в Москве 3 ноября 1918 г.¹ Возникло предположение, что и другие скульптурные портреты — также проекты памятников.

В Государственной исторической библиотеке РСФСР имеется обширный ука-

Памятник К. Марксу и Ф. Энгельсу.
Скульптор С. Мезенцев

¹ «Советский коллекционер», 1964, № 2, стр. 141.

затель книг и журнальных статей по истории Москвы. В нем выделены материалы о московских памятниках. Перебрав более ста карточек, записываю те, что могут пригодиться для поиска: «Открытие памятника Марксу и Энгельсу в Москве в дни Октябрьских торжеств», «Открытие памятника украинскому народному поэту Шевченко в Москве». Их описание, говорится в указателе, опубликовано в журнале «Красная Звезда» за 1918 г. Надо искать журнал. Он оказался редким. Его нет даже в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

Снова иду в Историческую библиотеку. Получаю тоненькую пожелтевшую от времени подшивку. «Красная Звезда» — это журнал, издание РОСТА, иллюстрированная хроника событий. В течение октября—декабря 1918 г. вышло пять номеров, в каждом — фотоматериал о первых революционных памятниках Москвы. Внимательно всматриваюсь в иллюстрации и

Памятник поэту Никитину. Скульптор А. Блажевич

Памятник Свободе на Советской площади в Москве. Архитектор Д. Осипов

прихожу к выводу, что скульптурные портреты, которые воспроизведены на моих открытках, — действительно модели памятников, открытых в Москве к первой годовщине Октября. Во втором номере журнала воспроизведены памятники Робеспьеру, Шевченко, Никитину и Кольцову, в третьем — фотография открытия на Красной площади мемориальной доски в память павших борцов Октября. На снимке: В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, В. А. Аванесов, П. Г. Смидович, В. Н. Подбельский, В. Д. Бонч-Бруевич. На других снимках — обелиск в честь Октябрьской революции, воздвигнутый на Советской площади, памятник Марксу и Энгельсу на фоне гостиницы «Метрополь», памятник Каляеву. В следующих номерах — изображения памятников Сквороде, Жоресу, Гюго, Руссо, Врубелю, Бетховену, Добролюбову, Оуэну, Перовской. Возникает вопрос: все ли эти памятники были открыты?

Памятник Жану Жоресу. Скульптор
З. Страж

Снова листаю подшивку. На этот раз газеты «Известия ВЦИК». Пробегаю глазами заголовки. В номере от 14 апреля 1918 г. обнаруживаю подписанный В. И. Лениным декрет Совета Народных Комиссаров «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции». Особой комиссии поручалось: «Мобилизовать художественные силы и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников». И далее. В «Известиях» от 2 августа 1918 г. в рубрике «Действия и распоряжения Правительства» нахожу «Список лиц, коим предположено поставить монументы в г. Москве и других городах Российской Федеративной Социалистической Советской Республики.» В этом списке — революционные и общественные деятели, писатели и поэты, философы и ученые, художники, композиторы, артисты. Всего — 66 фамилий.

Так я познакомился с документами ленинского плана монументальной пропаганды, который определил направление развития зарождавшегося советского искусства и использования его для пропаганды идей коммунизма.

Но это только начало. Предстояло найти ответ на много вопросов. Листаю подшивку дальше.

В «Известиях» от 5 ноября 1918 г. подробное сообщение об открытии памятников Шевченко, Кольцову, Никитину и Робеспьеру. В номере от 9 ноября рассказывается о революционных памятниках, открытых в Москве 7 ноября: памятник Марксу и Энгельсу, мемориальная доска на Кремлевской стене в честь погибших борцов Октября, памятник Свободе на Советской площади, памятники Каляеву, Халтурину, Перовской, Салтыкову-Щедрину, Жоресу, Гейне, Верхарну и Достоев-

Памятник Виктору Гюго. Скульптор
И. Менделевич

скому, скульптура С. Д. Меркурова «Мысль».

Итак, найдено документальное подтверждение факта: в ноябре 1918 г. в Москве было открыто шестнадцать памятников! Однако о воспроизведенных в журнале «Красная Звезда» и на моих открытках (к этому времени их у меня было более десяти) изваяниях Гюго, Руссо, Врубеля, Бетховена, Добролюбова, Оуэна никаких упоминаний нет. Имена Гюго, Руссо и Бетховена не встречаются и в вышеуказанном списке, опубликованном в «Известиях» от 2 августа 1918 г.

Чем дальше, тем больше возникает вопросов. А что, если пойти по другому пути? Надо разыскать сами открытки. И по возможности — все! В коллекциях знакомых филокартистов их не оказалось. А что, если поискать в музеях?

Обращаюсь в Музей истории и реконструкции Москвы. Просмотр фонда открыток с изображением московских памятников принес разочарование. Тот же результат был и при посещении Исторического музея и Музея русской архитектуры им. А. В. Шусева. В группе изобразительного материала Отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина удалось найти всего две открытки серии: изображения памятников Жоресу и Сквороде. Желание установить, сколько же всего было открыток, еще более возросло. Я обратился в библиотеку Третьяковской галереи с просьбой сообщить перечень основных литературных работ, посвященных ленинскому плану монументальной пропаганды. Мне посоветовали просмотреть журналы, выходившие в первый год Советской власти: «Искусство», «Творчество», «Пламя».

В Ленинской библиотеке нахожу эти издания. В журнале «Искусство» № 6 за 1918 г. в «Обзоре деятельности Секции изобразительных искусств Моссовета» нахожу сообщение о том, что ее издательская подсекция выпустила к Октябрьскому празднику:

«... свыше миллиона открыток с репродукциями:

- 1) памятников деятелям революции, социализма, искусства, науки и литературы;
- 2) эскизов мемориальной доски в честь погибших в Октябре борцов;
- 3) архитектурных сооружений во славу «Октябрьской революции».

Памятник Калаяеву. Скульптор
В. Лавров

На этой же странице нашлось еще одно очень ценное сообщение: в конкурсе на сооружение мемориальной доски в честь борцов пролетарской революции принимали участие скульпторы Бабичев, Гюрджян, Коенков и Мезещев, архитектор Дубенцкий и художник Нивинский. У меня уже имелись открытки с изображением двух проектов — работы Бабичева и Гюрджяна.

Вероятно, на открытках были воспроизведены все созданные скульпторами проекты.

Итак, найден ответ на вопросы: кем изданы открытки и каков их общий тираж. Наряду с поисками в музеях и библиотеках материалов об открытках я настойчиво разыскивал сами открытки. Их у меня собралось уже больше двух десятков, в том числе эскизы мемориальной

Памятник Софье Перовской. Скульптор
И. Рахманов

доски на Красной площади и проекты памятника Свободы на Советской площади.

По моей просьбе ленинградский филокартист А. Хмыров прислал список имеющихся в его коллекции открыток разыскиваемой серии. Это дало возможность пополнить составляемый мною перечень и довести его до сорока названий. Но некоторых открыток я не видел. Пробую искать их в фонде изобразительных материалов Музея революции СССР. Здесь оказалось более тридцати открыток. Но мой перечень дополнился всего одной открыткой: М. Страховская «Спартак». Теперь в перечне 41 наименование.

Мне уже известно, что открытки выпущены секцией ИЗО Моссовета. Не поискать ли материалы об их издании в архивах?

Дела Моссовета хранятся в Московском областном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства. Просматриваю описи архива. В одной из них нахожу «Дело о снятии и постановке памятников в городе Москве и проекты надписей на памятниках. 9 июля 1918 г. — 16 декабря 1918 г.»².

Листая дело, узнаю, что в составе комиссии по снятию и постановке памятников были М. Владимирский и Н. Виноградов. Обнаруживаю интересный документ: письмо секции ИЗО в Президиум Моссовета от 18 сентября 1918 г. В нем сообщались результаты рассмотрения членами жюри представленных на конкурс проектов мемориальной доски на Сенатской башне Кремля³. В письме перечислены участники конкурса, состав жюри, дано краткое описание каждого проекта. Описание проектов работы скульпторов Бабичева и Мезенцева не совпадало с изображениями на открытках. В документе значилось: «Проект Бабичева — рисунок с изображением обнаженной, опирающейся на меч фигуры, и второй, лежащей в склепе». На открытке же с этим рисунком надпись «Работа С. А. Мезенцева». Стали очевидными опечатки на двух открытках: проект А. Бабичева приписан С. Мезенцеву, а проект Мезенцева — Бабичеву.

В делах отдела Народного просвещения Моссовета оказался очень ценный документ «Распределение работ между скульпторами по конкурсу-заказу, переданному Изобразительным отделом Народного Комиссариата по просвещению на основании Постановления Совета Народных Комиссаров от 17 июля 1918 г. московскому Союзу скульпторов-художников», датированный 11 сентября 1918 г. В списке 62 фамилии, в том числе Вера Мухина, Анна Голубкина, Николай Андреев, Сергей Меркуров. По этому документу я устанавливаю далее фамилию автора памятника Сковороде и инициалы скульптора Сырейшикова — автора памятника Кольцову, которые не указаны на открытках.

Но и этот список не полный. На открытках имеются изображения памятников Белинскому (скульптор А. Чернышев), Добролюбову (скульптор В. Фишер) и Ни-

² Фонд 66, опись 3, дело 810.

³ Фонд 66, опись 12, дело 640, листы 58—59.

Эскиз мемориальной доски на Красной площади в Москве в память павших борцов Октябрьской Революции 1917 г.
Скульптор А. Гюрджян

Эскизу мемориальной доски на Красной площади в Москве в память павших борцов Октябрьской Революции 1917 г. Скульптор А. Бабичев

кигину (скульптор А. Блажевич). В документ же фамилии этих скульпторов не внесены.

Так поиски открыток помогли дополнить новыми именами список скульпторов, которые работали над осуществлением ленинского плана монументальной пропаганды.

Документов о количестве открыток в серии и о том, где они печатались, обнаружить так и не удалось. Ответ (правда, не окончательный) на первый вопрос я по-

лучил, ознакомившись в библиотеке Академии художеств СССР со статьей скульптора и искусствоведа Б. Терновца «XV лет советской скульптуры»⁴. В ней сказано: «Изданные Моссоветом открытки с изготовленных памятников зафиксировали выполнение свыше 40 работ». В тексте использованы в качестве иллюстраций 12 открыток, изданных секцией ИЗО Моссовета.

⁴ «Искусство», 1933, № 3.

Читая статью Б. Терновца, я обратил внимание на приведенное в ней изображение памятника Дантону скульптора Н. Андреева — голова на четырехгранном постаменте. На открытке же с надписью «Дантон, Жорж-Жак. Скульптор Н. Андреев» изображен... играющий на арфе юноша, у ног которого зачарованный лев. Не могло быть сомнения, что в надписи на этой открытке опечатка! В статье рассказано, что зимой 1918—1919 гг. в мастерской Терновца погибла от мороза созданная им фигура Орфея к памятнику Скрябину. По всей вероятности, арфист на открытке с надписью «Дантон» — это и есть фигура Орфея работы Терновца!

Из статьи «XV лет советской скульптуры» выяснилось также, что опубликованный 2 августа 1918 г. в «Известиях» список был впоследствии дополнен именами зарубежных деятелей литературы и искусства: Вольтера, Руссо, Байрона, Гюго, Золя, Ибсена, Верхарна, Сезанна, К. Менье, Бетховена.

Где были установлены первые памятники Москвы, изображенные на открытках, и какова их судьба? Ответ на этот вопрос я получил, ознакомившись со статьей Н. Виноградова «Воспоминания о монументальной пропаганде в Москве»⁵.

Сведения о времени открытия и местах установки памятников, изображенных на открытках, следующие:

1. **КАРЛ МАРКС** и **ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС**. Скульптор С. Меленцев. Памятник открыт 7 ноября 1918 г. В. И. Лениным на Площади Революции (напротив нынешнего входа в метро).

2. Мемориальная доска «**ПАВШИМ В БОРЬБЕ ЗА МИР И БРАТСТВО НАРОДОВ**». Скульптор С. Коненков. Открыта 7 ноября 1918 г. В. И. Лениным. Находилась на Сенатской башне Кремля в течение тридцати лет. В настоящее время реставрирована и находится в мастерской скульптора.

3. **ПАМЯТНИК СВОБОДЫ**. Архитектор Д. Осипов. Скульптор Н. Андреев. Обелиск открыт 7 ноября 1918 г. на Советской площади. После установки статуи Свободы вторично открыт 27 июля 1919 г. Снят в апреле 1941 г. для переноса в другое место. Голова статуи Свободы хранится в Третьяковской галерее.

4. **РОБЕСПЬЕР**. Скульптор Б. Сандомирская. Открыт 3 ноября 1918 г. в Александровском саду, на площадке напротив грота. (В настоящее время сюда перенесен Обелиск революционным мыслителям.)

5. **ЖАН ЖОРЕС**. Скульптор З. Страж. Открыт

7 ноября 1918 г. на Новинском бульваре (ныне ул. Чайковского) против Десятинского переулка.

6. **СТЕПАН РАЗИН**. Скульптор С. Коненков. Открыт 1 мая 1919 г. В. И. Лениным на Лобном месте Красной площади, где в 1671 г. был казнен Разин⁶. В настоящее время хранится в Государственном Русском музее в Ленинграде.

7. **РЫЛЕЕВ**. Скульптор О. Мануйлова. Был установлен против здания Сувецко-Марьинского Совдепа. Просуществовал до 1926 г.

8. **БАКУНИН**. Скульптор В. Королев. Кубистская статуя, отлитая из цемента, была установлена у Мясницких ворот (пересечение улицы Кирова с Тургеневской площадью). Был снят зимой 1920 г., не будучи открытым.

9. **ХАЛТУРИН**. Скульптор С. Алешин. Открыт 7 ноября 1918 г. на Миусской площади в сквере против Коммунистического университета.

10. **СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ**. Скульптор И. Рахманов. Открыт 7 ноября 1918 г. на Миусской площади в сквере против Коммунистического университета.

11. **КАЛЯЕВ**. Скульптор Б. Лавров. Открыт 7 ноября 1918 г. у входа в Александровский сад со стороны Исторического музея.

12. **САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН**. Скульптор А. Златовратский. Открыт 7 ноября 1918 г. в сквере на Серпуховской площади (ныне Добрынинская площадь).

13. **ШЕВЧЕНКО**. Скульптор С. Волухин. Открыт 3 ноября 1918 г. на Трубовой площади в начале Рождественского бульвара.

14. **НИКИТИН**. Скульптор А. Блажевич. Открыт 3 ноября 1918 г. на Театральной площади (ныне пл. Свердлова) в сквере-розарии у Китайгородской стены.

15. **КОЛЬЦОВ**. Скульптор С. Сырейчиков. Открыт 3 ноября 1918 г. на Театральной площади (ныне пл. Свердлова) в сквере-розарии у Китайгородской стены.

Памятники были временные, большинство их было изготовлено из непрочных материалов (гипс, цемент); установленные на улицах и площадях, они просуществовали недолго.

Остальные памятники, изображенные на открытках, установлены не были. В связи с начавшейся военной интервенцией капиталистических государств стране пришлось решать трудные военные и хозяйственные задачи. Установка памятников была временно приостановлена.

В заключение поиска состоялась встреча с заслуженным деятелем искусств РСФСР Н. Виноградовым, старшим научным сотрудником Научно-исследовательского музея русской архитектуры им. А. В. Шусева. Он хорошо помнит о событиях тех лет, когда Президиум Моссовета назначил его, тогда 33-летнего архитекто-

⁵ «Искусство», 1939, № 1.

⁶ Позднейшими исследованиями установлено, что Степан Разин был казнен на Болотной площади.

ра, ответственным за сооружение памятников. Ежедневно он должен был докладывать лично В. И. Ленину о ходе работ.

Николай Дмитриевич просматривает открытки и подтверждает правильность моих предположений о том, что фигура арфиста — это, действительно, деталь памятника Скрябину, что надписи на открытках с изображением проектов Бабицева и Мезенцева перепутаны. По моей просьбе он пишет об этом на оборотной стороне открыток.

— Эти открытки, — говорит Николай

Дмитриевич, — стали уже редкими документами истории. Изображения памятников Спартаку, Пестелю, Рылееву, Козловскому, Белинскому, Римскому-Корсакову, Скрябину сохранились *только на открытках*. Именно открытки донесли до наших дней результаты творческих поисков начального периода осуществления Ленинского плана монументальной пропаганды, который знаменовал собой коренной перелом в развитии не только монументальной скульптуры, но и всего советского искусства.

**Перечень открыток
с изображением памятников и проектов памятников,
созданных в соответствии с Ленинским планом монументальной пропаганды.**

Издание секции изобразительных искусств Моссовета. 1918 г.

1. К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС	Скульпт. С. А. Мезенцев.	22. КОЗЛОВСКИЙ	Скульпт. И. А. Фомин.
2. СПАРТАК	Скульпт. М. М. Страховская.	23. КИПРЕНСКИЙ	Скульпт. Ю. Н. Русецкая.
3. РОБЕРТ ОУЭН	Скульпт. С. А. Юрьевич.	24. ВРУБЕЛЬ	Скульпт. А. М. Гурджян.
4. РОБЕСПЬЕР	Скульпт. Б. Ю. Сандомирская.	25. СКРЯБИН	Скульпт. Б. Н. Терноев.
5. ЖАН ЖОРЕС	Скульпт. З. Н. Страж.	26. [Фигура ОРФЕЯ к памятнику СКРЯБИМУ	Скульпт. Б. Н. Терноев.] ¹
6. БОЛОТНИКОВ	Скульпт. С. В. Кольцов.	27. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ	Скульпт. Л. Н. Радугина.
7. СТЕНЬКА РАЗИН	Скульпт. С. Т. Коненков.	28. ВОЛЬТЕР	Скульпт. А. А. Кудинов.
8. ПЕСТЕЛЬ	Скульпт. Хаджи-Дуван.	29. Ж.-Ж. РУССО	Скульпт. А. А. Мануйлов.
9. РЫЛЕЕВ	Скульпт. О. М. Мануйлова.	30. БЕТХОВЕН	Скульпт. С. Ф. Смирнов.
10. БАКУНИН	Скульпт. Б. Д. Королев.	31. ВИКТОР ГЮГО	Скульпт. И. А. Менделевич.
11. ХАЛТУРИН, СТЕПАН.	Скульпт. С. С. Алешин.	32. ЭСКИЗ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ на Красной площади в Москве в память павших борцов Октябрьской революции 1917 г.	Скульпт. С. Т. Коненков.
12. КАЛЯЕВ	Скульпт. Б. В. Лавров.	33. ЭСКИЗ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ на Красной площади в Москве в память павших борцов Октябрьской революции 1917 г.	[Скульпт.] А. М. Гурджян.
13. СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ	Скульпт. И. Ф. Рахманов.		
14. РАДИЩЕВ	Скульпт. М. П. Оленин.		
15. БЕЛИНСКИЙ	Скульпт. А. П. Чернышев.		
16. ДОБРОЛЮБОВ	Скульпт. В. Ф. Фишер.		
17. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН	Скульпт. А. Н. Златовратский.		
18. ШЕВЧЕНКО, ТАРАС.	Скульпт. С. М. Воллунин.		
19. НИКИТИН	Скульпт. [А. Н.] Блажевич.		
20. КОЛЬЦОВ	Скульпт. [С. В.] Сырейщиков.		
21. СКОВОРОДА, ГРИГОРИЙ САВИЧ	[Скульпт. Н. В. Крандиевская].		

¹ На открытке ошибочно сделана надпись: «Дантон, Жорж-Жак. Скульпт. Н. А. Андреев».

34. ЭСКИЗ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ на Красной площади в Москве в память павших борцов Октябрьской революции 1917 г. 35. ПРОЕКТ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ на Красной площади в Москве в память павших борцов Октябрьской революции 1917 г. 36. ПРОЕКТ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ на Красной площади в Москве в память павших борцов Октябрьской революции 1917 г.	[Скульпт.] А. В. Бабичев. Работа С. А. Мезенцева. [Архит.] В. И. Дубенский.	37. ПАМЯТНИК СВОБОДЫ на Советской площади в Москве. 38. ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА СВОБОДЫ на Советской площади в Москве. 39. ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА СВОБОДЫ на Советской площади в Москве. 40. ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА СВОБОДЫ на Советской площади в Москве. 41. ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА СВОБОДЫ на Советской площади в Москве.	[Архит.] Д. П. Осипов. Архит. Н. А. Васильев. Архит. Н. А. Всеволожский. Архит. А. И. Ефимов. Архит. Н. В. Докучаев.

Редколлегия сборника «Советский коллекционер» будет благодарна читателям, которые пришлют фотографии открыток этой серии, дополняющие и уточняющие перечень, составленный автором статьи.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ОТКРЫТКИ

Просматривая в Центральном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ) опись дел канцелярии царского Главного управления по делам печати Министерства народного просвещения, я заинтересовался делом «О рисунке «Его величество алкоголь»¹⁾. Перелистав документы, относящиеся к 1912 г. я убедился, что речь идет о народизм календаре «Dieve Padēki» («Бог на помощь!»), выпущенном литовским обществом «Трезвость» города Ковно (рис. 1).

На одной из страниц календаря — «крамольный» рисунок: бутылка с этикеткой «Алкоголь», увенчанная черепом с царской короной. Как руки, выдвинутись из-за бутылки кинжал и палка, на конце которой погремущка с безумным лицом пьяницы. На все это, как мантия, набросана рваная тряпка. И создается впечатление, будто кни-

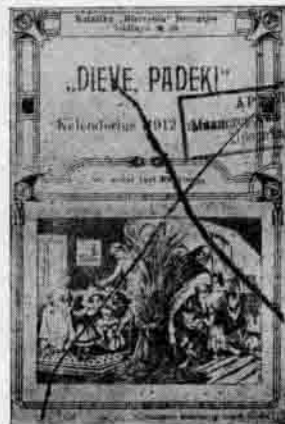

Рис. 1

¹ ЦГИАЛ фонд 776, оп. 22, д. 276, 1912 г.

Рис. 2

Рис. 3

нал — это скипетр, а погремушка — держава. На горлышке бутылки — петля, у основания — змея и кандалы, и все это сооружение стоит на земном шаре (рис. 2). Под рисунком подпись на литовском языке: «Его величество алкоголь».

Судя по письму и. о. директора департамента полиции Министерства внутренних дел в Главное управление по делам печати, полиция усмотрела в рисунке прямой намек на царя Николая II. Подозрение просвещенных держиморд вызвало и то обстоятельство, что календарь продавался по очень низкой цене, всего несколько копеек, — вполне доступной для читателей из народа.

В Министерстве народного просвещения согласились с заключением департамента полиции, а Виленская судебная палата определила: привлечь издателей календаря к уголовной ответственности «за оскорбление его императорского величества».

Издатели ссылались на то, что опубликованный рисунок — не оригинальный, что они лишь перепечатали его с открытки, изданной в Брюсселе Бельгийской антиалкогольной лигой (рис. 3). Однако, воспроизводя открытку в своем календаре, они опустили следующий текст (на французском языке): «Вокруг его трона, установленного на бесчисленных руинах, поднимаются отравленные пары, его мантия в лохмотьях, олицетворяющих нищету. Справа от него княжал-символ преступления, слева — погремушка — символ безумия. Вокруг шеи — веревка — символ самоубийства, у его ног — змея болезни и тюремная цепь. Нищета, преступление и безумие, самоубийства, болезни и смерть — вот что обещает человечеству его царствование». На оборотной стороне брошюрной открытки (рис. 4), кроме указания издателя, значится, что эта открытка — восьмая в серии «Социальное благо». Вокруг рамки, ограничивающей место для наклейки почтовой марки, размещены надписи: «Война против алкоголя», «Алкоголь отупляет», «Алкоголь — яд», «Алкоголь убивает».

Рис. 4

Надписи на открытке свидетельствовали о ее противоалкогольной направленности. Открытка победила: дело об уголовном преследовании издателей календаря было прекращено.

Возникает вопрос: какую же все-таки цель преследовали издатели календаря? На что направлялась мысль читателя? Надо полагать, что текст, помещенный на открытке, был снят не случайно! Благодаря этому рисунок в календаре приобретал совершенно иное, революционное, звучание.

Так открытка, предназначенная для агитации против алкоголизма, вольно или невольно стала орудием агитации против самодержавия.

И. БУГАЕВИЧ,
доцент педагогического института

г. Херсон

С. БАВИНЦЕВ

кандидат педагогических наук
(Ленинград)

ЖУРНАЛЫ — ОБ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЧТЫ И ФИЛАТЕЛИИ

(на русском языке)

В настоящем сборнике заканчивается публикация библиографического указателя по почте и филателии (см. «Советский коллекционер» №№ 3, 4, 5 — 1965—1967 гг.). Вниманию читателей предлагается последний раздел указателя, посвященный истории знаков почтовой оплаты, филателии и филателистического движения в нашей стране.

Редакция и автор получили большое количество полонительных откликов на опубликованные разделы указателя. Это свидетельствует, в частности, о повышении интереса коллекционеров и исследовательской работе, требующей знания и изучения библиографических материалов.

Редакция считает необходимым напомнить, что указатель не является исчерпывающим; исследователям и коллекционерам, желающим ознакомиться еще и с другими литературными материалами на интересующую их тему, следует обратиться к хронологическому перечню специальных журналов, опубликованному в конце первого раздела указателя (СК № 3).

1. ИСТОРИЯ ЗНАКОВ ПОЧТОВОЙ ОПЛАТЫ И ИХ СОБИРАНИЯ

1. Общие материалы

Джемс Чельмерс — изобретатель почтовой марки. «Почтово-телеграфный журнал» (ПТЖ), 1888, № 1, отд. неофиц., с. 22—23.

Мардарьев Н. История почтовых знаков оплаты и введение их в России. ПТЖ, 1888, № 6, отд. неофиц., с. 315—324.

Кревинг И. И. Первый шаг в России к введению ценных почтовых знаков и 50-летие выпуска их. «Всемирная почта», 1897, № 1, с. 8—10.

Марки. Этимология и происхождение. «Марки», 1897, № 14, стлб. 238—240.

Марки. Статистика. «Марки», 1897, № 16, стлб. 308—310.

Сведения об эмиссии марок в России в 1857—1890 гг.

Соколов Н. И. Об охране русским уголовным законодательством знаков почтовой оплаты. ПТЖ, 1898, февраль, отд. неофиц., с. 354—366.

Заготовление знаков почтовой оплаты в России на 1898 г. ПТЖ, 1898, февраль, отд. неофиц., с. 382.

Почтовая марка. «Всемирная почта», 1898, № 3, с. 45—46.

Изготовление, типы, собрание. Новый способ погашения почтовой марки. ПТЖ, 1898, август, отд. неофиц., с. 1108.

Соколов Н. И. Административные меры, принимавшиеся русским почтовым управлением против вторичного употребления знаков почтовой оплаты до издания закона 8 мая 1895 г. ПТЖ, 1898, август, отд. неофиц., с. 1109—1116.

Исторический очерк развития знаков почтовой оплаты. ПТЖ, 1899, март, отд. неофиц., с. 333—338.

Статистика почтовых марок. ПТЖ, 1899, октябрь, отд. неофиц., с. 1133—1134.

Сведения о мировой эмиссии.

Трубачев В. История возникновения и развития русских знаков почтовой оплаты. ПТЖ, 1900, февраль, отд. неофиц., с. 188—209; июнь, отд. неофиц., с. 816—820; ноябрь, отд. неофиц., с. 1235—1249.

1830—1890 гг.

Почтовые марки. Этимология и происхождение. ПТЖ, 1900, июль, отд. неофиц., с. 913—914.

К изобретению почтовой марки. ПТЖ, 1901, июль, отд. неофиц., с. 709.

Изобретатель марки Л. Кошир (Вена, 1836). Историческая заметка о почтовых операциях в Польше и о знаках почтовой оплаты, бывших тогда в употреблении. ПТЖ, 1903, май, отд. неофиц., с. 618—623.

250-летие знаков почтовой оплаты. ПТЖ, 1903, октябрь, отд. неофиц., с. 1121—1124.

Соколов Н. Почтовая марка с юридической точки зрения. ПТЖ, 1905, февраль, отд. неофиц., с. 193—218.

Распространение почтовых марок. ПТЖ, 1911, июль, отд. неофиц., с. 780—781.

Старый филателист [Явдов П.]. Из области филателии. О почтовых знаках Царства Польского. «Баян», 1911, № 11, с. 37—49 с илл.

Цвета знаков почтовой оплаты. ПТЖ, 1912, июнь, отд. неофиц., с. 563—564; ноябрь, отд. неофиц., с. 833—836.

Количество новых изданий марок, выпущенных в 1912 г. ПТЖ, 1913, апрель, отд. неофиц., с. 287.

Модестов М. Как возникли почтовые марки в России. «Почтово-телеграфный вестник», 1913, № 26—27, табл. 7—9.

Ответный почтовый купон. ПТЖ, 1914, январь, отд. неофиц., с. 58—60.

Знаки почтовой оплаты земного шара. ПТЖ, 1914, январь, отд. неофиц., с. 61—64.

Статистические сведения.

Б. Статистика новых марок за 1913 г. «Илл. журнал марок. Рус. филателист», 1914, № 1, табл. 9—11.

Сведения по странам света и государствам. Читатель. Марки в книжках. «Филателия», 1914, март, с. 6.

Продажа марок, сброшюрованных в книжки (Россия, Дания).

Итоги прошлого года. «Филателия», 1914, № 6, с. 7—8.

Сведения о марочной эмиссии.

Возрастание производства выпусков почтовых марок. ПТЖ, 1914, июнь, отд. неофиц., с. 541—542.

Л. Интернациональный ответный купон. «Илл. журнал марок. Рус. филателист», 1914, № 6, табл. 171—173 с илл.

Паразитные почтовые марки. ПТЖ, 1914, июль, отд. неофиц., с. 632—633.

Марки только для коллекций.

Почтовые марки Польши. «Филателия», 1914, № 8, с. 7—9 с илл.; № 9, с. 10—13 с илл.

К происхождению почтовых марок. «Илл. журнал марок. Рус. филателист», 1914, № 8, табл. 243—245.

Ральцевич С. М. Какие марки нам нужны? «Илл. журнал марок. Рус. филателист», 1914, № 9—10, табл. 261—264.

Старков Г. Что мы собираем? «Филателия», 1914, № 10, с. 13—15; № 11, с. 9—10, № 12, с. 6—9; 1915, № 1(13), с. 7—10; № 2(14), с. 25—27; № 3(15), с. 41—43; № 4(16), с. 57—59; № 5(17), с. 71—74; № 6(18), с. 86—89; № 7(19), с. 102—105; № 8(20), с. 117—120; № 9(21), с. 135—137; № 10(22), с. 152—154 с илл.

Марки: половинчатые, доплатные, благотворительные, местные, служебные, газетные, заказные и пр.; опечатки на марках.

Филателистические отзывы европейской войны. «Филателия», 1914, № 12, с. 3—4.

Б. К. Остатки изданий. «Филателия», 1914, № 12, с. 4—6.

Об остатках марочных эмиссий.

Новости филателии и война. ПТЖ, 1915, январь—февраль, с. 80.

Итоги. «Филателия», 1915, № 4(16), с. 69.

Сведения о выпуске новых марок в 1914 г. в России и других государствах.

Розин Г. Филателистические деньги. «Филателия», 1915, № 9(21), с. 132—134 с илл.

Марки как платежное средство (Россия, США, Уругвай).

Семидесятилетие знаков почтовой оплаты в России. ПТЖ, 1915, сентябрь—октябрь, отд. неофиц., с. 403—405.

История первых русских почтовых марок. «Русский коллекционер» (Новочеркасск), 1922, № 3—4, с. 38—39.

Чучин Ф. Коллекционирование и этика. «Сов. филателист», 1923, № 3—4, с. 1—5.

О нарушениях законов при коллекционировании марок.

Роулэнд Гилал (1795—1879). «Сов. коллекционер», 1925, № 5(33), с. 13.

130 лет со дня рождения изобретателя почтовой марки (Англия).

Пит. Распространение почтовой марки. «Жизнь и техника связи», 1925, № 8, с. 11—14.

Празднование юбилея. «Сов. коллекционер», 1925, № 10(38), с. 14.

85-летие выпуска первой почтовой марки.

Елиссев Т. О штемпелях и гарантиях. «Сов. коллекционер», 1925, № 15(40), с. 4—5.

Об установлении правил пользования гарантированными штемпелями.

Раевский Б. Международная филателия в 1925 г. «Сов. филателист», 1926, № 1(53), с. 3—5.

Обзор эмиссий по странам и частям света.

Б. Р. Филателия в СССР в 1925 г. «Сов. филателист», 1925, № 1(53), с. 5—6.

Цветков В. Филателия в Красной армии. «Сов. филателист», 1926, № 6(58), с. 15.

Раевский Б. Международная филателия за 1926 год. «Сов. филателист», 1927, № 1(65), с. 4—5.

Статистический обзор марочных эмиссий.

Розов Б. Филателия в СССР в 1926 г. «Сов. филателист», 1927, № 1(65), с. 5—7.

Савонько В. Союзный язык и филателия. (В порядке обсуждения.) «Сов. филателист», 1927, № 6(70), с. 16—17.

Чибисов Н. Марки воздушной почты (О выпуске марок воздушной почты в странах, установивших воздушное сообщение с 1917 г. и до настоящего времени). «Сов. коллекционер», 1928, № 5(87), с. 7—9 с табл.

О количестве марок, израсходованных различными странами. «Жизнь и техника связи», 1928, № 8—9, с. 127.

Из архивов филателии. «Сов. коллекционер», 1929, № 10—12 (98—100), с. 58—59.

Первые марки разных стран. Редкие марки. Количество почтовых марок в мире. «Сов. коллекционер», 1930, № 2 (102), с. 64.

Сколько марок на свете. «Сов. коллекционер», 1930, № 12(112), с. 320.

Прокофьев М. И. Франкировка почтовых отпавлений в Восточно-Сибирском крае. «Сов. коллекционер», 1932, № 1(125), с. 25.

Применение разрезанных пополам марок. Перфорирование беззубцовых марок на швейной машине.

Круг А. П. Трудности роста. «Сов. коллекционер», 1932, № 2(126), с. 54.

Применение разрезанной пополам марки.

Бобович П. С. Половинчатые марки [1931 г.]. «Сов. коллекционер», 1932, № 2(126), с. 155.

Пятилетний план выпуска знаков почтовой оплаты СССР, принятый Советом содействия выпуску знаков почтовой оплаты при газетно-почтовом управлении Народного комиссариата связи СССР 13 июля 1932 г. «Сов. коллекционер», 1932, № 8—9 (132—133), с. 234.

Тажов К. Ф. Русской почтовой марке — 100 лет. «Вестник связи», 1958, № 1, с. 35—36.

Отечественной почтовой марке — 100 лет. «Вестник связи», 1958, № 10, с. 33—35.

Вершубский Г. Мастера печатной миниатюры. «Огонек», 1959, № 45, с. 32 с портр.

Ив. Ив. Дубасов и Семен Ив. Аферов художники-марочники Гознака.

Киси Б. Почтовая марка. «Художник», 1961, № 4, с. 52—53.

Добачина Л. Я. Советской почтовой марке 40 лет. «Вестник связи», 1961, № 8, с. 19—20.

Хохлачев Виктор. Рождение марки. «Мол. гвардия», 1964, № 11, с. 287—295.

К истории почтовой связи.

Почетный шеф советской филателии [М. И. Калинин]. «Книжки торговля», 1966, № 2, с. 40.

2. Целые вещи, конверты, спецгашения и штемпеля

Кирхнер И. Марки на обложках. «Всемирная почта», 1897, № 12, с. 192—193.

Собирание марок на конвертах.

Происхождение конвертов. «Всемирная почта», 1898, № 2, с. 25—26.

О собирании целых писем и конвертов. «Марки», 1901, № 8, с. 1—2.

Собирание целых вещей. «Коллекционер», 1902, июль, с. 40—43.

Новый способ оплаты корреспонденции. «Сов. филателист», 1922, № 3—4, с. 29—30.

Франкирование почтовых отправлений штемпелем без марок — изобретение Лебера.

П. Благотворительные закрытые письма с объявлениями. «Сов. филателист», 1923, № 11—12, с. 11—13.

1898—1899 гг.

Почтовая карточка нового образца. «Жизнь связи», 1923, № 12, с. 101.

К выпуску в СССР.

Кирштейн К. Коллекционирование целых вещей. «Сов. филателист», 1924, № 1(17), с. 9—11 с илл.

Перечень целых вещей по группам. Литература.

Первая целая вещь РСФСР. «Сов. филателист», 1924, № 3(19), с. 28—29.

Почтовая карточка РСФСР 1918 г.

Целые вещи. «Сов. филателист», 1924, № 6(22), с. 28.

Упорядочение фонда целых вещей.

Кирштейн К. Открытые и закрытые письма адресных столов. «Сов. филателист», 1924, № 11—12(27—28), с. 22—23.

Сигорский А. Марки на конвертах (В дискуссионном порядке). «Сов. коллекционер», 1925, № 9(37), с. 4.

Конверт с маркой, имеющий штемпель отправления и получения, — основной объект коллекционирования.

Заостровский О., Вейденбах. К статье «Марки на конвертах» (В дискуссионном порядке). «Сов. коллекционер», 1925, № 16(44), с. 8.

Коллекционирование марок с конвертами — специальная область филателии.

Гольштег А. 1845—1925. «Сов. коллекционер», 1925, № 23—24(51—52), с. 2—4.

К 80-летию штемпельных конвертов в России. П. К. Малозвонство и филателии. С. Петербургский штемпель. «Сов. филателист», 1926, № 3(55), с. 17 с илл.

Штемпель петербургской городской почты 1864 г.

Гольштег А. Первые русские штемпельные конверты. «Сов. филателист», 1926, № 8(60), с. 2—5.

Специальный штемпель. «Сов. филателист», 1927, № 10, с. 31.

Спецгашения VIII сессии Лиги наций.

Рахманов В. Русские штемпеля гашения на польских марках. «Сов. филателист», 1927, № 12, с. 18 с илл.

В 1918—1920 гг.

Пятацкий. Советские франкировочные штемпеля. «Сов. коллекционер», 1928, № 2(84), с. 10—11 с илл.

Штемпеля [Всесоюзной] спартакиады. «Сов. коллекционер», 1928, № 3(85), с. 22 с илл.

Б. П. Авиаштемпель Иркутск—Москва. «Сов. коллекционер», 1928, № 4(86), с. 24.

Маслов Н. О штемпелях оплаты. «Сов. коллекционер», 1928, № 4(86), с. 18.

Василенко А. А. Штпы. «Ежемес. бюлл. южн. объедин. отделения СФА», 1929, № 1, с. 11.

Порча марок и писем новыми штемпелями с шипами.

К сведению коллекционеров аэромарок. «Сов. коллекционер», 1929, № 1—3(89—91), с. 40.

Спец штемпеля на письма, отправляемые пробными ночными полетами: Швеция—Франция.

Шмидт К. Вновь найденный пробный конверт России. «Сов. коллекционер», 1929, № 1—3(89—91), с. 39.

Пробные конверты Тифлиса 1848 г.

Наги А. Франкировочные штемпеля (новая отрасль коллекционирования). «Сов. коллекционер», 1929, № 7—9(95—97), с. 47—57 с илл.

Даниц А. А. Из моей коллекции. «Сов. коллекционер», 1929, № 10—12(98—100), с. 61 с илл.

Сов. беззубовые марки по 10 коп. выпуска 1927—1928 гг. на конверте.

Интересная находка. «Сов. коллекционер», 1930, № 4—5(104—105), с. 123 с илл.

Открытое письмо Псковского губотдела связи, выпущенное в помощь голодающим Поволжья.

Степанов Б. Современные советские штемпеля гашения. «Сов. коллекционер», 1930, № 4—5(104—105), с. 124.

Пл. Ярлыки для заказных отправлений. «Сов. коллекционер», 1931, № 1(113), с. 23.

В СССР и за границей. Список ярлыков.

Вилинбахов Б. и Юнак М. Памятные штемпеля. «Сов. коллекционер», 1931, № 3(115), с. 63—65 с илл.

В СССР

Ковешников. Почтовый курьер. «Сов. коллекционер», 1931, № 6(118), с. 169.

Франкировка разрезанными марками. Славгородский округ. 1930 г.

В. А. М. Из прошлого коллекционирования. «Сов. коллекционер», 1932, № 1(125), с. 24.

Собирание гербовых печатей с пакетов в конце XVIII в. в России.

Вавилов И. Десятый памятный штемпель [1929 г.]. «Сов. коллекционер», 1932, № 2(126), с. 54.

Мамаев А. С. К статье «Памятные штемпеля». «Сов. коллекционер», 1932, № 2(126), с. 55.

Первый полет советского дирижабля. «Сов. коллекционер», 1932, № 4(128), с. 127.

Спецагашение почтовых отправлений.

Т. П. Интересный конверт. «Сов. коллекционер», 1932, № 7(131), с. 224.

Выпуск 1931 г. Славянской п/т конторы.

Драверт О. П. Забыли. «Сов. коллекционер», 1932, № 8—9 (132—133), с. 256.

О цельных вещах.

Вонин Я. Специальные почтовые штемпеля. «Сов. книжн. торговля», 1959, № 4, с. 58—59.

Краткий исторический обзор.

Осокин С. Штемпеля на конверте. «Огонек», 1959, № 32, с. 28 с илл.

Штемпель почтовых отделений Антарктиды.

Маркированные конверты. «Сов. книжн. торговля», 1960, № 1, с. 42—43; № 3, с. 54; № 6, с. 45; № 8, с. 44; № 12, с. 46; 1961, № 3, с. 46.

II. ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

(1896—1932)

1. Дореволюционный период (1896—1916)

Московское общество собирателей почтовых марок. «Марки», 1896, № 1, стлб. 11—12; № 3, с. 49—52.

Филателистические общества. «Всемирная почта», 1897, № 2, с. 34—36; № 3, с. 58—59; № 4, с. 70—77; № 5, с. 92; № 9, с. 143; № 10, с. 153—156; № 11, с. 173—176; № 12, с. 194—196; 1898 г., № 1, с. 17—18; № 2, с. 20—32; № 3, с. 53—54; № 4, с. 73; № 5, с. 97—100; № 6, с. 123—125; № 7, с. 137—143; № 9, с. 193—194; № 10, с. 214—219.

Проект устава Первого русского общества собирателей марок. «Марки», 1897, № 19, стлб. 399—402.

А. Г. Из истории «Московского Общества собирателей марок». «Илл. журнал марок. Рус. филателист», 1914, № 4, стлб. 118.

Устав Российского Общества филателистов. «Илл. журнал марок. Рус. филателист», 1914, № 7, стлб. 215—219.

Устав С. Петербургского Общества собирателей почтовых знаков. «Илл. журнал марок. Рус. филателист», 1914, № 8, стлб. 247—250.

Устав Московского Общества собирателей почтовых знаков. «Илл. журнал марок. Рус. филателист», 1914, № 9—10, стлб. 285—288; № 11—12, стлб. 339—341; № 13—14, стлб. 321—324; № 15—16, стлб. 339—342.

Первое Екатеринославское филателистическое общество. «Филателия», 1916, № 29(5), с. 70—71.

2. Советская филателистическая организация (1923—1932)

Эйфус Л. О задачах филателии в СССР. «Сов. филателист», 1923, № 1—2, с. 35—36.

Раевский Г. Задачи общества филателистов. «Сов. филателист», 1923, № 3—4, с. 27—29.

Устав Всероссийского общества филателистов. «Сов. филателист», 1923, № 3—4, с. 30—32.

Утвержден 15 марта 1923 г.

Устав Всероссийского общества филателистов. «Сов. филателист», 1923, № 9—10, с. 39—43; № 11—12, с. 33; 1924, № 1(17), с. 22—24.

Новый устав, утвержденный 22 сент. 1923 г.

Типовой устав Отдела Всероссийского общества филателистов. «Сов. филателист», 1923, № 11—12, с. 34—38; 1924, № 1(17), с. 24—27.

Утвержден 22 сентября 1923 г.

Обозреватель. Очередные задачи Всероссийского общества филателистов. «Сов. филателист», 1923, № 7—8, с. 36—37.

Обзор деятельности Общества за летний период 1923 г. и перспективы работы.

Союз филателистов и нумизматов Грузии. «Сов. филателист», 1923, № 7—8, с. 45.

Сведения о деятельности за 1922 г.

Розов Г. Взгляд назад (к юбилею ВОФ). «Сов. филателист», 1924, № 5(54), с. 12—14.

Обзор работы за ноябрь 1917—апрель 1923.

Фегчин Я. Первая годовщина ВОФ. «Сов. филателист», 1924, № 5(21), с. 6—11.

1-й Всесоюзный съезд Всероссийского общества филателистов. «Сов. коллекционер», 1925, № 1(29), с. 4—9; № 2(30), с. 4—11; № 3(31), с. 6—11; № 4(32), с. 10—15.

Чучин Ф. Г. Итоги и уроки первого Всесоюзного съезда. «Сов. коллекционер», 1925, № 4(32), с. 2.

На широкую дорогу. «Сов. коллекционер», 1925, № 1(29), с. 2.

Реорганизация Всерос. общества филателистов в Общество коллекционеров.

2-й Всесоюзный съезд ВОК. «Сов. филателист», 1926, № 2(54), с. 8—12 с илл.

Резолюции и постановления 2 съезда ВОК. «Сов. филателист», 1927, № 8, с. 17—20.

III съезд ВОК. «Сов. филателист», 1927, № 12, с. 1—3.

М. Н. 1-я Всесоюзная конференция собирателей фискальных марок. «Ежемес. бюлл. южн. объедин. отделения СФА», 1929, № 6, с. 3—4.

Маккавев Ю. А. Липом к рабочим массам. «Сов. коллекционер», 1931, № 10(129), с. 262—264.

С. Ответ Правления ВОК. «Сов. коллекционер», 1931, № 12(124), с. 348—349.

С 1 октября 1929 г. по 1 ноября 1931 г.

3. Местные филателистические организации в СССР

Тифлисский кружок филателистов. «Русский коллекционер», (Новочеркасск), 1922, № 3—4, с. 45.

Иванов А. К. Филателия в Томске. «Сов. филателист», 1923, № 5—6, с. 45.

Деятельность Томского общества филателистов в 1922—1923 гг.

Станков Павел. Филателия на Дальнем Востоке. «Сов. филателист», 1923, № 9—10, с. 22—23.

Филателия в Крыму. «Сов. филателист», 1924, № 7(23), с. 24—25.

Л. Л. Сестрорецкие коллекционеры. «Сов. коллекционер», 1925, № 13—14(41—42), с. 23—24.

Пропаганда филателии. «Сов. коллекционер», 1925, № 21(49), с. 14.

Пермский Отдел ВОК.

Б-ов В. Красноярск. «Сов. филателист», 1927, № 2(66), с. 17; № 8, с. 21.

Отчет о годовой деятельности Отдела ВОК.

Юматова Э. В. Днепрпетровский. «Сов. филателист», 1927, № 3(67), с. 15—16.

Абрамский. Два года Псковского отдела. «Сов. филателист», 1927, № 8, с. 20—21.

Из жизни Общества филателистов «Украина». «Ежемес. бюлл. Южн. объедин. отделения СФА», 1928, № 2, с. 6.

Серебренников Н. В. Севастопольское отделение ВОК. «Сов. коллекционер», 1928, № 6(88), с. 20—21.

Коллекционер. В Одесском обществе филателистов. «Сов. коллекционер», 1929, № 1—3 (89—91), с. 69.

Филателистические общества в СССР. «Сов. коллекционер», 1929, № 4—6(92—94), с. 46—47.

Список отделов ВОК и обществ филателистов в БССР и УССР.

Милькина Ц. Белорусское общество коллекционеров. «Сов. коллекционер», 1929, № 7—9 (95—97), с. 72.

Д. В Северо-Западном областном отделе ВОК. «Сов. коллекционер», 1929, № 7—9(95—97), с. 72—73.

Дунин-Борковский К. Надо решительно подтянуться. «Сов. коллекционер», 1930, № 11(111), с. 265—266.

Работа местных отделов ВОК.

Островершенко А. В Киевском отделе ВОК. «Сов. коллекционер», 1931, № 12(124), с. 351—352.

Ушков Б. Уральский областной отдел ВОК. «Сов. коллекционер», 1932, №2(126), с. 61—62.

4. Советская филателистическая ассоциация и Уполномоченный по филателии и бонам в СССР

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по филателии. «Сов. филателист», 1922, № 2, с. 9—10.
Постановление Центрального комитета помощи голодающим при ВЦИК. «Сов. филателист», 1922, № 2, с. 10.

Обращение к населению о сборе марок и их реализации в помощь голодающим.

Материальный отчет о продаже марок Уполномоченного ЦК Последгол ВЦИК по марочным пожертвованиям в России и за границей за время с 1 апреля по 1 декабря 1922 г. «Сов. филателист», 1922, № 3—4, с. 23.

Положение об Уполномоченном ЦК Последгол ВЦИК по филателии в России и за границей. «Сов. филателист», 1923, № 1—2, с. 41—44.

Чучин Ф. Наша годовщина. «Сов. филателист», 1923, № 9—10, с. 1—6.

Итоги годовой работы Уполномоченного по филателии и бонам Центр. комитета помощи голодающим при ВЦИК. Сведения о филателистических фондах и их реализации.

Раевский Г. К годовщине советской филателии. «Сов. филателист», 1923, № 9—10, с. 7—10.

Ликвидационный баланс Уполномоченного ЦК Последгол ВЦИК по филателии и бонам (на 1 августа 1923 г.). «Сов. филателист», 1923, № 11—12, с. 47.

Чучин Ф. Г. Вторая годовщина организации Уполномоченного по филателии и бонам. «Сов. филателист», 1924, № 10(26), с. 1—3.

Два года работы Северного отдела Уполномоченного по филателии и бонам в СССР. «Прейскурант. Торговый бюллетень Северо-Зап. Отдела Уполномоченного по филателии и бонам в СССР», 1926, вып. 2, с. 1—2.

Отчет о работе с мая 1924 г. до мая 1926 г.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР об образовании Советской Филателистической Ассоциации. «Сов. филателист», 1926, № 11(63), с. 1.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР об утверждении Устава СФА при Комиссии ВЦИК по организации и распоряжению фондом имени В. И. Ленина помощи беспризорным детям. Устав СФА. «Сов. филателист», 1926, № 11(63), с. 1—2.

Розов Г. Советская филателистическая ассоциация. «Сов. филателист», 1926, № 12(64), с. 1.

Обращение к партийным, советским, профсоюзным и кооперативным организациям и учреждениям о сборе бон и марок. «Сов. филателист», 1927, № 3(67), с. 1—2.

Чучин Ф. Г. Накануне двух юбилеев. «Сов. филателист», 1927, № 9, с. 1—3.

К 5-летию советской филателистической организации.

Чучин Ф. Г. Десятилетие Октября и пятилетие ОУ и СФА. «Сов. филателист», 1927, № 10, с. 1—3.

К итогам пятилетней работы СФА. «Сов. филателист», 1927, № 12, с. 10—11.

Геррес Ю. Первоочередные задачи СФА. «Сов. коллекционер», 1929, № 1—3(89—91), с. 2—3.

БУДЕМ ОТКРОВЕННЫ...

Книжная полка коллекционера быстро пополняется. За один лишь минувший 1967 г. на ней появилось десять новых книг. Они изданы не только в Москве, но и в Алма-Ате, Воронеже и Харькове. Общий тираж литературы для коллекционеров, выпущенной за год, впервые превысил 400 тыс. экземпляров.

Как и следовало ожидать, большая часть этой литературы предназначена для филателистов. Это издания Центрального филателистического агентства «Союзпечать» — брошюра Эд. Аренина «Октябрь в марках», каталог-справочник «Советская космонавтика в филателии» и каталог «Почтовые марки СССР. 1966»; выпущенные московским издательством «Связь» «Календарь филателиста» и харьковским издательством «Прапор» книга В. Алексеева и Е. Стефановского «Марки — в борьбе за мир».

Два издания посвящены общим вопросам коллекционирования — пятый сборник «Советский коллекционер» (изд-во «Связь», Москва) и сборник «Мир коллекционера» (изд-во «Казахстан», Алма-Ата). Экслибрисистам адресованы великолепно оформленный альбом «Экслибрис СССР» (изд-во «Книга», Москва) и серьезное исследование Олега Ласунского «Книжный знак» (изд-во Воронежского университета). Нумизматам предназначен фундаментальный каталог «Монеты стран зарубежной Азии и Африки XIX—XX века» (изд-во «Наука», Москва)

Филателия и некоторые другие отрасли коллекционирования получают все более широкое распространение в нашей стране. Бывшее некогда увлечением одиночек, коллекционирование становится массовым, превращается в признанное средство культурной организации досуга, в своеобразную форму коммунистического воспитания трудящихся. И наступило время, когда стала явно ощущаться общественная потребность в специальной — справочной и научно-популярной — литературе, адресованной коллекционерам.

Советские издательства уловили эту потребность. Активизировалась издательская деятельность Центрального филателистического агентства «Союзпечать». Издательство «Связь» создало специальную редакцию филателистической литературы. Пробуют свои силы в новом жанре некоторые местные издательства. В нашей стране рождается новая отрасль литературы, предназначенной для удовлетворения специфических потребностей нового читателя — любознательного и требовательного коллекционера.

Новый читатель благодарен издательствам за внимание. Вещественным выражением благодарности служит то, что многие издания почти мгновенно исчезли с прилавков магазинов. Однако настоящая оценка книги дается не в магазине, а дома — после того, как она внимательно прочитана. Тут-то, порой, на смену благодарности приходят разочарование и досада.

Возьмем к примеру филателистическую книжку «Марки — в борьбе за мир». В магазине она привлекала читателя не только актуальностью темы, но и внешним видом. Харьковское издательство «Препор» не покупились на оформление: хорошая бумага, рисованный форзац, масса иллюстраций в тексте и даже несколько цветных вкладок. Увы, ознакомление с содержанием книги вызывает сперва недоумение, а затем и активный протест.

Авторский замысел примитивен: на отрывочное, порой, бессистемное изложение событий новейшей истории некоторых стран Европы, Азии и Африки как бы накладывается элементарное перечисление многих сотен, если не тысяч почтовых марок. Здесь нет оговорок: не описание, а именно перечисление. Судите сами:

«В 1942—1943 гг. выходит серия из 16 марок «Великая Отечественная война». На первой изображен бой противотанковой артиллерии с фашистскими танками. Надпись: «Смерть немецким оккупантам!». На второй показана бомбардировка советской авиацией немецко-фашистской танковой колонны. Надпись на марке та же, что и на предыдущей. Третья марка имеет надпись: «Подарки фронту»; на ней нарисована женщина, раздающая подарки фронтовикам. На других марках этой серии изображены связисты возле радиостанции на передовой; нападение партизан на фашистский эшелон; советские минометчицы; разведчики в тылу врага; санитары, выносящие раненых с поля боя». И так далее...

Такому унылому перечню отдана большая половина книги, практически — вся ее филателистическая часть. И самое удивительное, что, несмотря на четко заявленную в заглавии тему, перечисляются не только марки, посвященные борьбе за мир, но почти все коммеморативные марки, вне зависимости от сюжетов их рисунков, служебные и даже специальные знаки почтовой оплаты, вплоть до «9 красочных се-

рий и 13 блоков, отпечатанных для маррионеточного «правительства» (Бао Дая. — Б. Ст.) в Париже».

Неряшливы формулировки в описании исторических событий. Читаем:

«...после революции от России отделились Латвия, Литва, Эстония». Как известно, они никогда не «отделились», а были оккупированы войсками германского империализма, насильно отторгнуты от матери-родины и в 1940 г. воссоединились с ней.

«...за время существования этого лагеря (Освенцимского. — Б. Ст.) с мая 1940 г. по январь 1945 г. через него прошло 405 тыс. узников из всех оккупированных гитлеровцами стран. Из их числа 340 тыс. узников погибло от непосильной работы, бесчеловечного обращения и болезней, часть была расстреляна и повешена. В этом же лагере уничтожено более 2 млн. евреев и цыган». Как известно, освенцимский лагерь уничтожения людей, так беззубо описанный здесь, по степени продуманности, технической организации, массовости и жестокости истребления людей превосходил все известные гитлеровские «лагеря смерти». В Освенциме гитлеровцы истребили свыше 4 млн. граждан СССР, Польши, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран.

«В декабре 1946 г. началась франко-вьетнамская война». Как известно, не было такой войны! Была (и продолжается!) империалистическая агрессия против вьетнамского народа.

К сожалению, подобными выписками можно занять не одну страницу. Недостоверность в изложении исторических фактов, некритическое использование зарубежных источников свойственны книге в целом. Даже главная ее тема — борьба за мир — сведена к сладенькому пацифизму, к пассивной пропаганде мира, к вздохам о страданиях людей и ужасах войны. То и дело мелькают такие выражения: «Об ужасах войны рассказывает марка Франции»; «Вот марка, на которой показаны жертвы войны — раненый солдат и инвалид без ноги»; «Еще одна серия из трех марок, напоминающая о страданиях польского народа». «На марках этой серии изображена руна, защищающая голубя мира от ужасов войны». И уж совсем полная идилия: «Филателистам знакома швейцар-

Почтовая марка из серии, выпущенной в Швейцарии в 1932 г. к Женевской конференции по разоружению (слева) и карикатура художника Ю. Ганфа на эту марку. Карикатура была помещена в № 35 газеты «Комсомольская правда» от 11 февраля 1932 г. с подписью: «Как она должна выглядеть на самом деле»

ская марка, на которой изображен голубь мира, сидящий на обломанном (? — Б. Ст.) мече». Здесь же воспроизведена умилившая авторов марка: еще бы, почтовое ведомство международного капиталистического банкира — Швейцарии — выступает в роли борца за мир!

Действительно, советским филателистам хорошо памятен не только этот почтовый знак, но и вся серия лживых, лицемерных марок, частью которой он является. Она выпущена в 1932 г. по поводу так называемой Конференции по разоружению — фарисейского разоружительного маскарада, затеянного в Женеве под грохот японских орудий в Китае. Это была, пожалуй, единственная в мире серия почтовых марок, которая вызвала острые комментарии не только в филателистической (журнал «Советский коллекционер», № 2 за 1932 г.), но и в общеполитической прессе. «Правда» и «Комсомольская правда» 11 и 29 февраля 1932 г. посвятили ей обличительные карикатуры Ю. Ганфа, которые мы с удовольствием воспроизводим.

Рисунок художника Ю. Ганфа из газеты «Правда» № 59 от 29 февраля 1932 г. Вверху слева изображена последняя марка из серии, выпущенной в Швейцарии к Женевской конференции по разоружению, а ниже — карикатура на эту марку с подписью под рисунком: «Разоружение «высшей марки».

Новая страница — новое открытие: «С первых дней освобождения Чехословакии поступает в обращение марка с изображением чехословацкого герба и советского солдата». Оставляя на совести авторов формулировку, мы вынуждены констатировать грубое искажение самого исторического факта. Речь идет о так называемом Кошицком выпуске почтовых марок Чехословацкой республики. Он состоит не из одной, а из семи марок, причем главная марка серии посвящена чехословацко-советской дружбе. На ней изображено дружеское рукопожатие и государственные флаги Чехословацкой Республики и Советского Союза. Так, по крайней мере, описывается этот выпуск в каталогах ГФК, Pofis (Чехословакия), Lipsia (ГДР) и почти всех западных фирм. Почти всех, за исключением западно-германского каталога Михеля. Только в нем Кошицкий выпуск преднамеренно разбит на два выпуска, и получается, что на первой марке возрожденной Чехословацкой Республики была изображена, как говорится в каталоге, «голова советского солдата в стальном шлеме». Невольно возникает вопрос: зачем, с какой стати описание чехословацких марок списывать из реваншистского западно-германского каталога?

Касаясь чисто филателистического аспекта в разработке темы, мы вступаем на почву головокружительных открытий. Оказывается, первые советские почтовые марки «подготовило к выпуску Временное правительство». «Был период, когда простую корреспонденцию внутри молодой Советской республики доставляли адресатам бесплатно, и поэтому для писем почтовые марки не выпускались». «В Демократической Республике Вьетнам... выпущено более 350 видов марок». И так далее. Нелепость громоздится на нелепость.

В заключительной главе «Несколько слов о коллекционировании марок» авторы с порога задают риторический вопрос: «Разве не интересно собрать коллекцию марок вновь созданных (? — Б. Ст.) независимых государств Африки или Азии?». Разумеется, интересно. Но где советскому коллекционеру взять эти марки? Однако, говорится рядом, они и не нужны все. Достаточно «собрать хотя бы часть, так сказать представителей марок (? — Б. Ст.) этих освобожденных стран». Какая же это коллекция? «По ним можно будет узнать названия новых государств, их столицы, по-

ложение на карте мира, познакомиться с историей, экономикой, культурой, бытом этих стран». Как раз наоборот! По самим маркам ничего не узнаешь, кроме названия страны. Чтобы понять, что на них нарисовано, надо по книгам знакомиться «с историей, экономикой, культурой, бытом этих стран». Невольно возникает вопрос: а не лучше ли «начинающим коллекционерам, в особенности молодежи», которым адресована эта глава, начинать с составления коллекции родных, советских марок? Ведь они им понятны по языку надписей, близки по тематике. Увы, авторам не приходит в голову такая простая мысль. Они ослеплены блеском иностранных марок и видят только их.

Дальше в лес — больше дров... ломают наши авторы. Они утверждают: «...к сожалению, это направление (тематическое. — Б. Ст.) не имеет проверенных опытом, признанных норм и способов коллекционирования». И это пишется на родине тематического коллекционирования в то время, когда многие десятки тематических коллекций советских филателистов отмечены высокими наградами на всесоюзной и международных выставках!

Который раз обнаруживая свою неосведомленность в истории филателии утверждением, что «первыми тематическими коллекциями» явились не «Авиапочта», а «Флора и фауна», авторы рекомендуют начинающим такую «актуальную» тему: «Лауреаты Нобелевских премий», а в качестве подтем: «1. Великая Октябрьская социалистическая революция. 2. Владимир Ильич Ленин. 3. Первая в мире страна социализма». Знакомясь далее с этим потрясающим перечнем, мы находим в нем и такие «подтемы»: «4. Колонии (!? — Б. Ст.). 5. Жертвы первой мировой войны (!!!? — Б. Ст.). 7. Жертвы второй мировой войны (!!!!?? — Б. Ст.) И — последняя «подтема»: «10. Марки мира — за мир!». Например, швейцарские?!

Комментарии излишни.

Так издательство «Препор» ввело в заблуждение читателя. Оно обещало ему яркий, взволнованный, публицистический рассказ о месте маленькой почтовой марки в великой борьбе народов за мир, о людях и событиях, ставших прототипами марки, отмеченных и возвеличенных ею. Многие филателисты с надеждой раскрыли книгу, желая почерпнуть свежие мысли и факты, которые помогут по-новому взгля-

нуть на то, что многократно продумано, изучено, исследовано и изложено в монографии, завершающей коллекцию. И вместо обещанного они получили беспомощное, путаное повествование — яркий пример ремесленничества, бездумного отношения к коллекционному материалу, «изучения» его в элементарных пределах переписывания заграничного каталога.

Может показаться, что мы выступаем вообще против описания почтовых марок. Совсем нет! Такой жанр утвердил себя в филателистической литературе, полезен коллекционерам и любим ими. Достаточно вспомнить уже упоминавшуюся брошюру Эд. Аренина «Октябрь в марках». Читателя подкупает в ней творческий подход к теме, бегие ищущие мысли, глубина знания предмета, интересные факты, порой неожиданные итоги исследования судеб отдельных марок. Такие и подобные книги зовут к поиску и помогают найти верный путь к нему. Даже отдаленного намека на такой подход к делу нет в рецензируемой книге.

Все сказанное выше избавляет нас от необходимости подробно и последовательно разбирать сборник «Мир коллекционера», выпущенный алма-атинским издательством «Казахстан». Под его обложкой собраны статьи такого же невысокого уровня. И если книжка издательства «Препор» отличается бездумным перечислением марок, то для сборника издательства «Казахстан» характерно такое же обилие неосмысленных, сваленных в одну кучу, разнородных фактов.

Развязность тона, риторика, ложный пафос отмечают вступительную статью О. Рачкова «Чудак» или любознательные?», занимающую добрую треть книги. Жонглируя по сути дела оскорбительными для коллекционеров терминами «чудак», люди «с пунтиком» и пр., иностранными и даже жаргонными словечками, вроде пресловутого «хобби», «шмердель», «бзик» и пр., автор собрался возвеличить «рыцарство ордена «Коллекционеры» (?? — Б. Ст.) и достиг обратного результата, вызвал чуть ли не презрительное отношение читателя к ним.

К числу «не совсем обычных людей», то бишь коллекционеров — автор относит, разумеется, в первую очередь филателистов — ведь «в Москве, например, это

самая большая секция Общества коллекционеров». Попутно он разъясняет непонятным, что филателисты не видят в марке «лишь знак оплаты почтовых расходов», отправляя письмо, покупают марку «за шесть копеек, (прописью! — Б. Ст.), если оно заказное», признают только яркие, красочные (марки. — Б. Ст.), «именуемые на филателистическом языке **ноннеморативными**». Не замечая недоумения филателистов, автор разъясняет дальше: филателисты собирают «спичечные коробки», филокартисты — «почтовые открытки» «со штемпелем на лицевой стороне». Затем к «рыцарству коллекционеров» причисляются собиратели «пенковых» (читай: пенковых. — Б. Ст.) трубок, умельцы, увлекающиеся созданием миниатюрных скульптур, составитель «библиографического (читай: биографического. — Б. Ст.) словаря русских живописцев-графин» (новейшее открытие в искусствоведении! — Б. Ст.), скульпторов, архитекторов», собиратели пряников, немедленно пожирающие свои коллекции (образец юмора. — Б. Ст.), рыболовы, охотники, голубеводы и даже... члены Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры!

Обругав мимоходом журнал «Крокодил» за недостаточно почтительное отношение к коллекционерам, наш автор «на полном серьезе» цитирует... фельетон из журнала «Польша», черпает из него сведения для внесения в свой нескончаемый перечень никому неведомых «футболофилов (есть такие!)... таксидермистов, перидромофилов и прочих, прочих хоббистов». По его словам, все они вкуче составляют «весьма многочисленное воинство культуртрегеров». Блестящая эрудицией, О. Рачков не взглянул, конечно, в последнее издание «Словаря иностранных слов», где сказано буквально следующее: «**Культуртрегер** — название, иронически употребляемое по отношению к империалистам-колонизаторам, прикрывающим порабощение народов захваченных ими стран лживыми заявлениями о насаждении культуры».

От сумасшедших до культуртрегеров... Можно ли больше скомпрометировать ни в чем неповинных увлеченных людей и саму идею коллекционирования? Оказывается, можно! Начав свой опус с грубого третирования «купца Третьякова» — человека, подарившего народу бесценное собрание произведений русского изобразительного искусства! — О. Рачков заканчивает его

умиленным описанием бесчинств хама в музее, именуя того хама... коллекционером!

Другой автор сборника «Мир коллекционера» — И. Колташев — представлен статьей «Рассказывают бумажные деньги». Он обещает «с помощью исторических летописей восстановить картину политической жизни страны». Похоже, что вместо «исторических летописей» И. Колташев пользовался гимназическим учебником истории Иловайского: «при царице Елизавете Петровне», «во времена царствования Петра III», «Екатерина II учредила», «полицейские и жандармерия царя Николая II». Здесь курс истории Иловайского кончился, и автор переходит к самостоятельности в 1914 г.

«Россия... ввязалась... в войну», в феврале 1917 г. «на смену» Николаю II «пришло Временное буржуазное правительство», которое вскоре было свергнуто «как не оправдавшее надежд трудового народа».

Набросав такими сочными мазками «картину политической жизни страны», автор переходит к самой обширной части своего повествования — к истории денежного обращения в годы гражданской войны. И вместо истории героической борьбы советского народа против внутренней контрреволюции и иностранных интервентов, пытавшихся задушить молодое Советское государство, он пишет историю белогвардейщины и ее денежных эмиссий, прибегая к таким оборотам речи: «Контрреволюционная деятельность (Родзянко и Булак-Балаховича. — Б. Ст.) отличалась жестокостью расправ... Даже выдавшие виды интервенты были шокированы... и поэтому... вынуждены были передать командование... Юденичу»; «Неплохое художественное оформление придавало им («деньгам» Юденича. — Б. Ст.) большую реакционную тенденциозность»; «Легендарные деньги «бабки Махно». В своих исследованиях автор пользуется, безусловно, надежными источниками: «Вопрос о существовании денег Булак-Балаховича», утверждает он, до тех пор оставался неясным, пока «я лично... услышал о них... в вагоне поезда Петроград—Иркутск».

Для «полноты картины» необходимо привести также некоторые выражения, свидетельствующие о безупречности, так сказать, профессионально-бонистской эрудиционности автора: «фальшивки подделывались»; «выпуск... эмиссий»; «Облигации

не покупались и лежали в сейфах Государственного банка, как документы банковского учета»; некто скупал бумажные деньги, «я затем, сделав пробную, пустил их в оборот как чистую монету»; казначейские знаки печатались «в Экспедиции изготовления (читай: заготовления. — Б. Ст.) государственных бумаг»; некий сибиряк печатал фальшивые боны, которые «даже Государственные банки (во множественном числе! Интересно, сколько их было у Колчака? — Б. Ст.) принимали за... чистую монету»; «Золотое содержание карбованцев было таким же, как и в русском серебряном рубле».

Всего несколько слов о статье Н. Гринкевича «Минувшего свидетели немые». После прекрасного рассказа об ордена воинской славы — Георгиевском кресте — автор объективистски подошел к истории ордена св. Анны и, начиная с заголовка («Пир варваров»), дословно и некритически воспроизвел документы шовинистической кампании империалистической прессы, совершенно неправильно оценил историческое значение так называемой «РОНовской серии медалей-жетонов».

В начале первой мировой войны русская правительственная и буржуазная пресса, вкуче с газетами союзников царской России по империалистическому разбою, активно разжигала шовинистический угар. Ее первой крупной пропагандистской кампанией было лицемерное возвеличивание «героизма маленькой Бельгии». В русле этой кампании оказалось и «Российское общество нумизматов» (РОН), выпустившее медаль-жетон «Бельгийскому народу». Кстати, под громким именем «Российского общества нумизматов» выступал в те годы узкий кружок петербургских аристократов.

В. И. Ленин, разоблачая империалистическую природу первой мировой войны, развеивая шовинистический угар, охвативший не только массы, но и социалистические партии того времени, писал по горячим следам событий:

«...бельгийские социалисты, выставяющие только одно требование: освободить и вознаградить Бельгию, защищают на деле требование бельгийской буржуазии, желающей по-прежнему грабить 15 млн. населения в Конго... Бельгийские буржуа вложили за границей около 3 миллиардов франков; охрана прибылей с этих миллиардов путем всяческих обманов и пройдо-

шесть — вот каков на деле «национальный интерес» «героической Бельгии»².

Не ясно ли, что именно к этому стремились и РОНовцы, выпустившие столь печально знаменитую «медаль», которую вознес до небес наш автор!

Очевидно, не все старинное хорошо только потому, что оно — старинное. Нужно уметь правильно определить историческое значение той или иной коллекционной вещи. Недостаточно провести элементарное исследование, включающее знакомство с документами эпохи; необходимо еще овладеть марксистским методом исторического исследования. Не вина, а беда пытливых коллекционеров, впервые вступающих на путь исследования, что они еще не овладели этим методом. Но очень важно осознать безусловную необходимость овладения им. А именно в этом неопытные авторы вправе ждать помощи от издателей. Без нее неизбежны ошибки, сводящие на нет познавательную ценность труда, на который затрачено много времени и усилий.

Про остальные статьи сборника можно сказать, что их следовало бы более тщательно готовить к печати. Будем откровенны: такой вывод напрашивается как общий, когда думаешь о книгах издательства «Прапор» и «Казахстан», разобранных здесь. Уж слишком явны приметы торпливой, небрежной, малоквалифицированной редакторской работы.

Могут сказать: хорошо, но в издательствах не оказалось редакторов, знакомых со спецификой новой для издательства темы, и они понадеялись на коллекционерскую компетентность авторов. Вряд ли это может служить оправданием. Ну, а социально-политический и исторический аспект темы? Это уже элементарная обязанность издательства. И там, где к делу относятся с необходимой ответственностью, «огрехи», подобные отмеченным выше, просто невозможны. Смогло же издательство Воронежского университета весьма квалифицированно подготовить очень трудную по специфике темы брошюру Олега Ласунского «Книжный знак». Эта работа и книга С. Ивненского «Искусство книжного знака», выпущенная Ленинградским издательством «Художник РСФСР» в 1966 г.,

единодушно признаются лучшими изданиями по экслибрису.

Одному из филателистических изданий минувшего года предстоит еще долго служить украшением витрины книжных магазинов: оно не нашло своего читателя. К сожалению, такая судьба выпала на долю каталога-справочника «Советская космонавтика в филателии».

Странная судьба! Все признают, что космическая тема относится к числу наиболее популярных в филателии. И вдруг — долгожданный каталог-справочник не пользуется спросом у коллекционеров! В чем дело? Нам кажется, что ответом на этот вопрос в какой-то мере служит коллективное письмо из Курска, адресованное редакцией сборника «Советский коллекционер». Его подписали члены кружка «Космической филателии» тт. Шидловский, Цецинский, Матюхин, Ройтман и другие — всего восемь читателей.

«Мы согласны с автором-составителем каталога-справочника тов. Сашенковым в том, — говорится в письме, — что при компоновке тематической коллекции можно «разбивать» серии. Очевидно, и автор согласится с нами, что филателист может составлять свою коллекцию, распределяя в ней марки так, как это подсказывают знания, вкус и проч. Согласившись с этим, нужно было дать в помощь коллекционерам «перечень марок, составленный в порядке, облегчающем их нахождение», т. е. каталог. А для того, чтобы найти в «каталоге-справочнике» ту или иную марку, нужно его неоднократно перелистать. А это очень неудобно.

Нам кажется, что в тематическом каталоге следует отводить для каждой страны отдельную главу, в которой в хронологическом порядке описывать полные серии и отдельные марки на данную тему. Затем, уже в конце каталога, марки распределяются на группы, рекомендуемые автором для составления тематической коллекции. Именно при таком построении каталог будет удобным для пользования и позволит коллекционеру проявить свою инициативу!

Перечислив другие недостатки каталога-справочника, читатели высказывают сомнение: «Нам кажется, что для

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 26, стр. 303.

тематического коллекционирования совершенно не обязательно указания о зубцовках, способах печати, водяных знаках и прочих тонкостях».

В приведенном письме кратко и четко сформулированы главные причины неудачи, постигшей книжку. Ставя в кавычки намеренно взятое из словаря определение понятия «каталог», читатели явно намекают на то, что она не стала каталогом. А московский коллекционер Г. Василевский доказывает это. В своем письме он приводит многие десятки разночтений в описаниях марок, обнаруженных им при сверке каталога-справочника с ранее выпущенными каталогами ГФК. Разумеется, для каталога подобное нарушение правил унификации недопустимо. Но это — по строгому счету и это — еще полбеды. Вся беда во множестве фактических погрешностей, сводящих на нет достоверность сообщаемых читателю сведений: перепутаны зубцовки и цвета марок, размеры блоков, фамилии художников и, наконец, перепутаны номера нескольких десятков польских марок. Впрочем, за последнюю «накладку» ответственны в равной мере автор и издательство. При проверке данных тов. Василевского мы с удивлением обнаружили, что в последнем издании каталога ГФК «Почтовые марки Польской Народной Республики. 1944—1965 гг.» их порядковая нумерация, начиная с № 945 (октябрь 1962 г.), изменилась на восемь единиц. Это «уточнение нумерации» не оговорено ни в самом каталоге, ни в каталоге-справочнике. В результате читатель Г. Василевский справедливо возмущен, когда вместо указанной в каталоге-справочнике под № 941 марки с портретами летчиков-космонавтов, он находит в каталоге ГФК марку с изображением... прыжков в высоту.

А если задуматься в содержание коллективного письма, то приходится признать, что книга не стала справочником. Ведь читатели не обнаружили в ней ответа на главный вопрос: о законах построения тематической коллекции. Им по-прежнему неясно: нужно ли «разбивать» серии, как относиться к разновидностям?

Тематическое коллекционирование по своей природе — явление творческое. Оно не терпит канонов, его убивает любая попытка декретирования, желание установить какой-то раз и навсегда определенный тип коллекции. В основе же данного «справочника» лежит наивное стремление

создать именно такой тип, оставить филателисту одно право — располагать марки на листах коллекции по готовой схеме. Не поэтому ли читатели так настойчиво протестуют против скрывающегося инициативу коллекционера навязывания единственного типа коллекции?

Справочник дает массу нефилателистических сведений: когда, на какую орбиту запущен тот или иной космический аппарат, его вес, продолжительность полета и прочее. Выявление как раз таких сведений, их самостоятельная филателистическая разработка и служат основой привлекательности темы, при ее помощи коллекционер самостоятельно вырабатывает ее оригинальную филателистическую трактовку. В поисках, в стремлении по-своему отразить тему у каждого рождается свой тип коллекции. Скрупулезная разработка концепции может вызвать только одно: вредное омазанивание процесса собираемости, рождение стандартных коллекций.

Не так давно Международная филателистическая федерация (ФИП), членом которой теперь стало наше Всесоюзное общество филателистов, утвердила новый регламент тематической коллекции, конкретные требования, предъявляемые к ним при экспонировании на выставках, признала вредными многочисленные спекулятивные выпуски «космических» почтовых марок, осуществляемые некоторыми латиноамериканскими странами и арабскими княжествами. К сожалению, такая чисто нормативная филателистическая информация, особенно интересующая коллекционеров и необходимая им, полностью отсутствует в каталоге-справочнике. Зато в нем отведено две страницы «маркам» и «блокам», выпущенным владельцем прибрежного английского острова Санда. Этой беспрецедентной в истории филателии публикацией грубо нарушен один из ее основных принципов: частные марки никогда не признавались коллекционным материалом; обычно каталогизируются только государственные знаки почтовой оплаты.

Несколько лет назад попытки владельцев некоторых прибрежных английских островов выпустить в спекулятивных целях свои марки на модную в то время тему «Европа» вызвали бурные протесты филателистической печати и закончились всеевропейским скандалом. Теперь владелец острова Санда в тех же спекулятивных

целях выпустил в качестве знаков оплаты услуг своей собственной «почты» **виньетки** с изображением польских и румынских государственных марок. И в нашем **советском** издании они каталогизируются!

Каталог-справочник «Советская космонавтика в филателии» — первое издание такого типа, осуществленное в нашей стране. Не может быть двух мнений: тематические каталоги, тем более каталоги-справочники, посвященные наиболее популярным филателистическим темам, необходимы коллекционерам. Однако опыт первого такого издания должен предостеречь от субъективного подхода к делу. Предстоит серьезно подумать над самим типом издания, разработать вполне объективные требования к его содержанию. Здесь необхо-

димую помощь издательствам может оказать правление ВОФ, опирающееся на коллективный опыт филателистов.

К нижние итоги 1967 г. свидетельствуют о радостном: литература по вопросам коллекционирования получила признание многих издательств. Надо ждать, что количество ее будет возрастать год от года. Не пора ли серьезно подумать о ее **качестве**?

Подготовка литературы, адресованной коллекционерам, требует серьезной и вдумчивой работы: строгого подбора авторов, квалифицированного предварительного рецензирования, внимательной редакционной обработки. Правление ВОФ и его местные отделения призваны оказать издательствам помощь в этом важном деле.

Нумизматы будут довольны

Вышел в свет девятый том Трудов Государственного Эрмитажа (изд-во «Советский художник», Ленинград, 1967 г.). Он посвящен нумизматике. В книге восемь статей. Статья В. М. Брабича «Клад боспорских статов III в. н. э. из Тиритани» знакомит с монетами Боспорского царства, найденными в 1937 г. при раскопках древнего поселения Тиритани. 21 таблица дает полное представление о кладе.

Л. Н. Белова в заметке «Поддельная золотая монета Синдики» доказывает поддельность приобретенной Государственным историческим музеем в Москве в 1943 г. монеты синдов. Собиратели монет Кушанского государства с интересом прочтут статью Е. В. Зеймалю «Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже», написанную на материале лучшей в Союзе коллекции. Статья хорошо иллюстрирована. Восточным монетам посвящены две заметки И. Г. Добровольского: «Фельсы саманида Асада ибн Ахмада» и «Памятный алидский серебряный динар XI в.».

Н. Ф. Котляр в статье «О технике чеканки монет Червонной Руси XIV—XV вв.» рассказывает о результатах своего исследования на материале богатой коллекции червоннорусских монет Львовского исторического музея. Заметка Т. Н. Минасяна «Неаполитанские монеты с надчеканкой Сигизмунда II Августа в Государственном Эрмитаже» знакомит с 7 монетами эрмитажной коллекции. В большой статье В. М. Потина «Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории древней Руси» приводятся данные о 395 находках монет.

Государственный Эрмитаж порадовал нумизматов полезной книгой. Жаль, что это случается так редко.

Д. М.

В СБОРНИКЕ:

К ЧИТАТЕЛЯМ	3
В. Чернухина. Горький — коллекционер	5
● ФИЛАТЕЛИЯ	31
К. Бернгард. Раздумья после юбилейной выставки	31
В. Муратов. Советские филателисты на иностранных выставках	42
С. Салтыков. Почтовые марки Советской Армении (окончание)	43
Ю. Рудников. Новое о земской почте и ее марках	58
А. Вигилев. У истоков русской почты	71
Н. Сачков. На марке — зенитчик Иван Скворцов	79
● НУМИЗМАТИКА	81
В. Корецкий, М. Львов. Прогнозы монетных находок	81
Клады древних монет — достояние науки	91
С. Булатович. Кизикины, найденные в Орловке	91
К. Голенко. Важнейшие послевоенные находки античных монет	98
А. Шатэн. Советские мемориальные медали 1967 г.	98
Д. Мошнягин, Н. Дашевский. О повторяемости штемпелей на советских монетах	106
● БОНИСТИКА	
Д. Сенкевич. Государственные денежные эмиссии СССР 1923—1961 гг.	108
Л. Прицкер. Невыпущенные боны Сухума	118
И. Полозов. Мглинские боны	120
Продолжим дискуссию. Читатели «СК» о каталоге отечественных бон	121
● ФИЛОКАРТЯ	
В. Шлеев. Открытки в жизни и революционной деятельности В. И. Ленина	123
М. Забочень. Памятники, сохранившиеся только на открытках	135
И. Бугаевич. История одной открытки	143
● СЛОВО О КНИГАХ	146
С. Бабинцев. Журналы — об истории русской почты и филателии	146
Б. Стальбаум. Будем откровенны	151
Нумизматы будут довольны.	159

Цена 86 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО • СВЯЗЬ •